

Управление делами Воронежской области
Воронежское областное отделение
Российского общества историков-архивистов

ВОРОНЕЖСКИЙ ВЕСТНИК АРХИВИСТА

Научно-информационный ежегодник

Выпуск 17

Цифровая типография
«Фортуна»

Воронеж
2019

УДК 94(470.324)
ББК 79.3(2РОС-4ВОР)
В75

**Главный редактор –
Е.В. Паршин**

Редакционная коллегия:

Н.Г. Воротилина (ответственный секретарь),
В.Н. Глазьев, М.Д. Карпачев, Н.А. Комолов,
О.Г. Ласунский, В.А. Перцев, П.А. Попов, С.И. Филоненко

В 75 Воронежский вестник архивиста : научно-информационный ежегодник. Выпуск 17. / Управление делами Воронежской области ; Воронежское областное отделение Российского общества историков-архивистов. – Воронеж : Фортуна, 2019. – 260 с.

Научно-информационный ежегодник посвящен 100-летию Государственного архива Воронежской области и отражает различные стороны административной, социально-экономической и культурной жизни воронежского края. Публикуются исторические исследования по архивным материалам, тематические подборки документов, статьи, затрагивающие проблемы архивоведения, источниковедения, обобщающие архивный опыт и сотрудничество с учреждениями культуры, СМИ и общественными организациями, хроника событий. Издание предназначено для архивистов, историков, краеведов, работников образования, культуры и всех, кто интересуется историей родного края.

ISBN 978-5-00044-737-6

**УДК 94(470.324)
ББК 79.3(2РОС-4ВОР)**

На 1-й странице обложки: здание казенной палаты в г. Воронеже, возведено в 1786-1787 гг. по проекту Дж. Кваренги, восстановлено и надстроено двумя этажами по проекту архитектора А.В. Миронова. С февраля 1920 г. в здании размещался губархив.

© Коллектив авторов, 2019

© Воронежский государственный педагогический университет,
ISBN 978-5-00044-737-6 редакционно-издательское оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ласунский О.Г. Творческое хозяйство литератора: архив писателя-земляка А.А. Иванова	5
---	---

АРХИВНЫЙ ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Евдокимова В.М. Личный фонд Серафима Александровича Миловского, музыковеда, дирижера, композитора, члена Союза композиторов СССР, педагога	16
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Бахтин В.В. Документы Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова	26
Квасов О.Н. Революционный боевик Харитон Шабанов	34
Коробанов А.Е. И небо – одно на двоих	41
Мокшин Г.Н. История села Данково в документах и материалах Государственного архива Воронежской области	49
Овчинников П.А. «Неутомимый труженик»: новый документ к биографии архиепископа Воронежского и Задонского Захарии (Лобова)	58
Перегудов А.В. Жандармско-полицейский надзор на железнодорожной станции Борисоглебск	63
Перцев В.А. Социальная защита студентов вузов и учащихся техникумов областей Центрального Черноземья в 1960-1980-е годы.	78
Плохотнюк Г.В. Бомбардировка г. Воронежа 13 июня 1942 г.: документы и факты	92
Разиньков М.Е. Цена революции: болезни российских революционеров во второй половине XIX – первой трети XX в.	106
Страхов Л.В. Воронежская гауптвахта в 1894-1917 гг. в свете взаимодействия военных и гражданских властей Воронежа	112
Федоров М.И. В.М. Новиков: судьба царского генерала	123
Филоненко С.И., Филоненко Т.В. О введении в научный оборот документов архивного фонда «Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»	131
Хлызова Н.Ю. Малая родина Василия Пескова: от военного городка к селу (страницы истории села Орлово)	135

ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Алленова В.А. Из истории эвакуации воронежских архивов в 1919 г. . . .	158
Иванова Г.П. Дневник Я.Я. Спрингиса (Шипова).	175
Комолов Н.А. Письма великой княгини Ольги Александровны к цесаревичу Алексею Николаевичу и великой княжне Ольге Николаевне	196
Рылов В.Ю. Документы о коррупции на Краснянском спиртзаводе в 1943 г.	205
Четкина Н.В. Русский художник Василий Криворучко. К 100-летию со дня рождения живописца.	215

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК

Разинков А.П. «Передавайте как эстафету...»	227
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Кукатов А.В. Рецензия на монографию В.Ю. Рылова «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941)»	230
---	-----

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Воротилина Н.Г. День архивов в Воронеже.	236
Воротилина Н.Г. Государственному архиву Воронежской области – 100 лет	243
Солодовникова Т.Н. Путешествие в Репьевский район.	252

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Чтобы помнили Татьяна Николаевна Литвинова (25.03.63 – 05.03.2019).	258
---	-----

Творческое хозяйство литератора: архив писателя-земляка А.А. Иванова

*О.Г. Ласунский,
кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей,
Почетный председатель Воронежского
историко-культурного общества*

Склонность к собирательству разного «хлама» преследует меня едва ли не со студенческой скамьи. Поскольку я выбрал для себя в жизни филологическое поприще, то моя архивофильская страсть распространилась прежде всего на соответствующее земляческое наследие. Это и впрямь увлекательное занятие – разыскивать, добывать, а потом разбирать, систематизировать и документировать плоды словесной деятельности незаурядных авторов! Сочинительство, как известно, немыслимо без индивидуальной «производственной базы», обретения персональной технологии творчества, деловой и дружеской переписки – вообще без накопления всякого рода бумаг. Характер и самоведение писательского «домашнего хозяйства» всегда будут интересовать толкователей опубликованных текстов: ведь исследователям, наряду с прочими проблемами, хочется понять, как действует механизм сотворения той или иной рукописи, хочется проникнуть в эту вечную тайну литературного труда!

Альберт Анатольевич Иванов – почти мой ровесник: родился в 1938 году в семье педагогов. Это произошло в поселке Ожерелье Каширского района Московской области. С десятилетнего возраста мальчик жил в нашем городе, окончил здесь с серебряной медалью мужскую среднюю школу № 35, что на Плехановской улице, а затем – филологический факультет ВГУ (1960). Два последующих года был штатным сотрудником местного информационно-аналитического журнала «Вестник совнархоза», а затем перебрался в столицу, где определился редактором на киностудию «Мосфильм» (в титрах знаменитой «Операции «БГ»...» обозначена его фамилия как редактора). Однако, после того как А.А. Иванов получил членский билет Союза писателей СССР (1966), он перешел на положение профессионального литератора.

В течение многих лет А.А. Иванов воспринимался мною (и это, я думаю, совершенно естественно!) просто как представитель моего же поколения и как соратник по творческой стезе. Мне было любопытно издали наблюдать за его поисками своего места в писательской иерархии. И только в последнее время пришло понимание масштаба и сущности того, что уже успел осуществить мой однокашник. Оказывается, он сумел проторить в изящной словесности собственную тропинку и потому, безусловно, заслуживает особого к себе внимания. Стихийно складывавшийся в течение всей жизни архив способен стать весьма полезным источником сведений о биографии и творческом опыте своего хозяина. Именно поэтому предлагаю ниже краткий обзор материалов, поступивших ко мне от А.А. Иванова (он продолжает жить в Москве)...

Альберт Анатольевич – настоящий труженик пера (так и не обзавелся компьютером). Впечатляет уже сама издательская статистика. Библиографический перечень опубликованных книг (вне зависимости от их объема, тиражей и предназначения) поражает своей огромностью: это много-много десятков (можно сбиться со счета!) только отдельных изданий, среди которых есть и сочинения в переводах на иностранные языки и языки народов СССР. Во «взрослых» книгах (в отличие от бесчисленных сказок про неразлучных друзей Хóму и Суслика) читатели встречаются с сюжетами, которые навеяны воспоминаниями о жизни подростка Алика Иванова в разрушенном и голодном Воронеже послевоенных лет. Местные автобиографические мотивы с разной степенью узнаваемости присутствуют в таких произведениях, как повести «Билет туда и обратно», «Остальные люди», «Февраль – дорожки кривые», «Деревянный хлеб», рассказы «Далекий Бобров», «Глаза», «Миша», «Меня прогнали из детства» и другие. Свой первый «сказочный» сборник А.А. Иванов выпустил в 1975 г. С той поры на российский книжный рынок с завидным постоянством поступали печатные новинки с описанием забавных приключений Хомя и Суслика, а также иных колоритных персон из мира птиц и зверушек. В собрании А.А. Иванова наличествуют и так называемые «говорящие» книги (они изготовлены в Китае): с помощью специального технического устройства дети могут слышать озвученные взрослыми дикторами тексты.

Нельзя забывать и о том, что наш земляк получил второе высшее образование: он окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (1967). Позднее он плодотворно работал на этой ниве. В моем собрании представлено несколько распечаток режиссерских сценариев по предложенным А.А. Ивановым

сюжетам. По внешнему виду – это оригинально сконструированные книжечки, тиснутые ограниченным тиражом в служебной «мосфильмовской» типографии. Вот, к примеру, рабочий сценарий (режиссер В. Ежов) цветного широкоформатного комедийного фильма «Раз на раз не приходится» (1987): вскоре он выйдет на экраны страны. А вот малотиражная распечатка пьесы-сказки А. Иванова и А. Энтиса «Трубочисты приносят счастье» (Москва, 1989): она так нигде и не была поставлена... Сценаристы, особенно в советскую эпоху, зачастую работали без твердой уверенности в том, что их труд в конечном счете будет реализован: конкуренция в кинопроизводстве отличалась особой остротой. На экземпляре литературного сценария «По закону военного времени» («Мосфильм», 1966) имеется запись А.А. Иванова: «Фильм поставлен не был».

«Киношная» продукция нашего земляка, как и сугубо литературная, удивляет своим размахом. Как сценарист он отличился уже в начале своего творческого пути, когда была экранизирована его тонкая, лирически окрашенная новелла «Лестница» (1962). Картина удостоилась Гран-при «Золотая нимфа» на международном фестивале телефильмов в Монте-Карло. Спустя шесть лет комедия на спортивную тему «Семь стариков и одна девушка» произвела фурор на киносмотре в Варне и завоевала там главный приз. Среди актеров, воплотивших ивановский сценарий в блестящую киноленту, были такие мастера экрана, как Е.Я. Весник, А.Д. Папанов, Б.П. Чирков, а также «смешливая» троица в составе Ю.В. Никулина, Г.М. Вицина и Е.А. Моргунова. Недавно центральная газета «Культура» (2019, 22 марта) напомнила о 50-летнем юбилее этой картины. Много лестных слов адресовано в статье режиссеру Е.Е. Карелову (А.А. Иванов любил совместно с ним работать). Сценаристу отведено всего лишь несколько строк в последнем абзаце: а ведь без творческой фантазии писателя фильм мог бы многое потерять и, как следствие, вовсе забыться.

В популярных издательских сериях «Мультфильмы – малышам», «Сказки-мультки», «Хорошие книжки для малыша и малышки», «Азбука безопасности» и др. вышло в свет немало цветных иллюстрированных альбомов, предназначенных для детей дошкольного и младшего школьного возрастов. Издательство «Астрель» многотысячными тиражами выпускало прекрасно оформленные рисованные книги (например, «Клетка», «Хитрая ворона» и др.) по легендарным мультфильмам прошлых лет. Ребята и их родители могли эти книжки не только читать, но и разглядывать. В доперестроечное время подобная литература появлялась под эгидой Бюро пропаганды советского киноискусства.

При разговоре о печатных текстах А.А. Иванова нельзя обойтись без упоминания о публикации его повести «Старая немецкая сказка, или Игра в войну» на страницах престижного журнала «Новый мир» (2006, № 8). Похоже, автор впервые в современной литературе коснулся такой деликатной темы, как взаимоотношения между детьми советских офицеров и немецкими подростками в оккупированной Германии. К сожалению, повесть прошла практически незамеченной со стороны литературных критиков... А.А. Иванов был огорчен и тем, что редакция журнала сняла посвящение автора памяти своего отца Е.Д. Соловьева.

В целом же внимание литературной общественности к фигуре А.А. Иванова было вполне достаточным. Писатель, разумеется, следил за посвященными своей особе публикациями, и все это отложилось в личном архиве. Остается только систематизировать большой массив газетно-журнальных вырезок. Особый интерес к творчеству А.А. Иванова проявляли «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и др. Содержательное интервью с писателем помещено в четвертом номере «Нескучного сада» за 2012 г.: издание позиционирует себя как «журнал о православной жизни» (с 1993 г. А.А. Иванов является усердным прихожанином одного из столичных храмов).

В отдельной папке собраны вырезки из воронежских газет «Коммуна» и «Молодой коммунар»: московский обитатель никогда не порывал духовных и иных связей с краем, делегировавшим его в общероссийскую литературу. Кстати, в подборке нашлась краткая заметка из «Молодого коммунара» (1960, 25 мая) с упоминанием о том, как студент А. Иванов выступал со своим юмористическим рассказом на «вечере творчества» во Дворце культуры имени С.М. Кирова. Местная пресса никогда не упускала повода поведать читателям об успехах своего земляка, а «Воронежский курьер» отвел целую полосу для беседы журналистки Н. Верзилиной со столичным жителем (2008, 5 апреля).

Произведения А.А. Иванова пользовались немалым покупательским спросом, что порой толкало нечистоплотных сочинителей на присвоение его текстов. Писателю приходилось не раз обращаться за помощью в соблюдении своих законных интересов в Российское авторское общество (РАО). Документы по разрешению таких правовых коллизий тоже присутствуют среди архивных «единиц хранения»...

Судя по всему, А.А. Иванов рано уверовал в свое литературное предназначение. Такое умозаключение вытекает при просмотре большого количества сохранившихся еще со школьной поры материалов. В обычных тетрадях писались первые произведения, фабулы которых

были, естественно, далеки от реальности. Начинаящий сочинитель уводил своих героев в некий воображаемый мир, где с ними происходили самые невероятные, овеянные романтикой истории. В одной из тетрадей обнаружилось, в частности, повествование, озаглавленное так: «Дальнейшие приключения барона Мюнхгаузена, изложенные им самим в кругу друзей за кружкой пива и трубкой табака, в Африке, Америке, Алжире...». Пятиклассник Алик Иванов исписывает целую тетрадь про похождения пиратов, обосновавшихся в таинственной Золотой пещере – там даже имелась солидная библиотека с полным собранием сочинений Марка Твена. Индейцы, мустанги, ковбои, «огненная вода» и тому подобное – все это есть в повести «Прерия». Роман «Приключения странствующего рыцаря» зачах на первой главе, зато текст украшен рисунками с изображением людей в полном рыцарском облачении. А вот рассказ про щенков Пипса и Пупса занимает две тетради.

В студенческие годы А.А. Иванов продолжал творческий марафон. Уже на первом курсе он приобретает общую тетрадь, куда вписываются новые произведения, персонажи которых традиционно носят иноземные имена вроде Боба, Дика, Джо и иных. Впрочем, вскоре от сюжетов, заимствованных из приключенческой классики, А.А. Иванов переходит к близким по жизни темам. Нашелся, между прочим, автограф рассказа с обыденным названием: «На Икорце» – это, кажется, первый опыт на излюбленную автором проблематику. Описание рыбалки на степной речке предвосхищает многие последующие произведения на эту тему. «Битюжанин» А.А. Иванов был настолько в ней силен, что именно ему предложили позднее подготовить специальный «рыбачий» альманах для одного из столичных издательств.

Отыскалась и тетрадка с ранними сочинениями давнего приятеля А.А. Иванова – Юрия Тихоновича Воищева (1937–2008). Их совместная творческая карьера развивалась стремительно. Еще в сравнительно молодом возрасте они стали соавторами четырех прозаических книжек для подростков (1962–1968), из которых три были изданы в Москве. Впоследствии каждый из друзей выбрал свою профессиональную дорогу. Ю.Т. Воищев отметился в большой литературе повестью «Я жду отца», выдержавшей несколько изданий.

Важно отметить тот факт, что в архиве А.А. Иванова отложились тексты, не увидевшие света по различным причинам. Такова, к примеру, остросюжетная повесть-сказка «Лентяй и принцесса», действие которой разворачивается на Древнем Востоке. По всей вероятности, ее создание было продиктовано теми же романтическими порывами, кото-

рые толкали прежнего школяра, а потом и студента-филолога в объятия приключенческого жанра...

Сбереженные автором рукописи и машинописи позволяют полное представить содержание и масштаб художественного наследия нашего земляка. Сценарий мультфильма «Стихи с бегемотами» для кино-сборника «Веселая карусель», литературная заявка на сценарий мультфильма для взрослых «Подпись» (в основу положена оригинальная идея визуально использовать буквы русского алфавита), расширенное либретто сценария «Наша тихая улица», текст для актрисы Н. Державиной, озвучивавшей на телевидении роль Хрюши в известной передаче «Спокойной ночи, малыши!», последний вариант сценарного плана анимационного фильма «Крылья, ноги и хвосты», черновики сказок про Хому и Суслика – все это и многое другое в том же роде рано или поздно пригодится как ценный подсобный материал для тех исследователей, которых увлечет творческая судьба А.А. Иванова.

Как писатель он был мастером на все руки: любая работа со словом доставляла удовольствие. А.А. Иванов не отказывался ни от каких интересных предложений, готов был даже инсценировать чужую прозу, если в этом возникла необходимость. В архиве нашлась машинопись третьего (видимо, окончательного) варианта сценария приключенческой кинокомедии «Бабий остров» – по мотивам ранних рассказов М.А. Шолохова... Для известного уже нам режиссера Е.Е. Карелова А.А. Иванов написал еще один сценарий – и снова с захватывающими фабульными поворотами. Он называется – «Отдел ББ» (так в годы войны сокращенно именовалось особое милицееское подразделение по борьбе с бандитизмом). Поразительно, с какой достоверностью изображены здесь суровые будни тогдашнего советского тыла, где активизировались всяческие уголовные группировки... Издательство «АСТ-пресс» обратилось к А.А. Иванову с просьбой сочинить тексты для ребят от пяти до десяти лет на важную бытовую тему – как поступать в домашних аварийных ситуациях. Так появилось восемь учебных сказок для серии «Азбука безопасности»: увы, только половина из них увидела свет (1996)... Эксцентрическая комедия «Только про любовь» способна развеселить даже самого угрюмого зрителя... «Мультяшный» сценарий «Дуэль» – это аллегорический рассказ о различных исторических этапах извечного противостояния между людьми, от Адама и Евы до нынешней ракетной угрозы, исходящей от ядерных сверхдержав... А.А. Иванов с воодушевлением брался за самые разные темы и жанры: жажда творчества была неискоренима, и об этом красноречиво свидетельствуют накопившиеся в архиве материалы.

Несколько папок содержат рукописи разных произведений, созданных еще в воронежский период жизни. Не исключено, что рано или поздно некоторые из них будут преданы тиснению: автор уже с юношеских лет не без успеха наработывал писательский опыт. В сказке «Хрен редьки не слаще» действуют персонажи, наделенные «растительными» именами: явная оглядка на произведения своего популярного современника, итальянца Джанни Родари... В коротких сказках-новеллах «Лампа» и «Авторучка» обычные предметы сочинительского быта наделяются вполне человеческими свойствами... Фонтан авторского воображения воистину неиссякаем!

В той же папке неожиданно отыскался еще один след давней дружбы А.А. Иванова с Ю.Т. Воищевым. «Дорогому Альке – память детства. Юрка. 29.III. 60 г.» – гласит авторская надпись Ю.Т. Воищева на титуле иллюстрированного (есть даже акварельная картинка) повествования «Сыны моря» (написано в 1948 г.) – о романтике пиратства. Похоже, между «Алькой» и «Юркой» шло открытое соревнование на «пиратскую» тему.

Обозреть в данной статье все перебравшиеся в Воронеж тексты А.А. Иванова невозможно по причине их обилия. Писателя можно отнести к категории «трудооголиков»; известный девиз «Ни дня – без строчки!» был, думается, и его лозунгом. Творческий запал А.А. Иванова ничуть не охлаждало то обстоятельство, что многое из написанного ложилось мертвым грузом в стол. Для него главное было – успеть воплотить в слове толпившиеся в воображении сюжеты и образы. Специалисту-архивариусу еще предстоит приятная работа по хронологической и иной сортировке текстов в соответствии с канонами архивистики.

Как всякий уважающий себя автор А.А. Иванов не остался равнодушен к различным артефактам, сопровождавшим его на творческом пути. Перечислю кое-что из них... Это, в частности, афиша с приглашением в широкоформатный кинотеатр «Океан» (Владивосток) на премьеру двухсерийного фильма «Поговорим, брат...», созданного на студии «Беларусьфильм» по сценарию с участием А.А. Иванова (1979)... Это адресованные ему эпистолы, полученные от писателей Дэвиса Хантера из Англии (1989) и Матти Пайюла из Финляндии (2013)... Фотографическая коллекция невелика: писатель не любит сниматься (разве что во время заграничных путешествий – на фоне тамошних древностей). Тем не менее он не утерпел запечатлеться едва ли не во фраке, когда отмечал в Центральном доме литераторов свое шестидесятилетие (1998). Кстати, рядом с ним стоит кинодраматург,

лауреат Ленинской премии В.И. Ежов, тот самый, который предпослал свое краткое предисловие к книге А.А. Иванова «Билет туда и обратно» (1985)... Любопытна групповая фотография, сделанная в Воронеже 18 сентября 1957 г. На ней изображены лица, популярные в ту пору среди студентов-сверстников, – Михаил Сафонов, Исаак Руссман, Альберт Иванов, Владимир Смольянов (остальные персоны пока не опознаны)...

В архиве можно обнаружить и другие небезынтересные документы. Примечательны копии двух довольно сердитых писем, отправленных А.А. Ивановым в редакцию газеты «Правда» по поводу неконтролируемого отстрела охотниками и егерями волков, а заодно и медведей: последних, дескать, развелось слишком много! Основная мысль защитника природы: нельзя нарушать и без того хрупкое экологическое равновесие, сложившееся в сообществе диких животных!.. Программы туристического пребывания в зарубежных странах сберегались как память о визуальном знакомстве с европейской культурой: А.А. Иванов не пренебрегал ни единой возможностью повидать белый свет. Бывал и с более основательными целями. Оказавшийся в бумагах обзор А.А. Иванова стендов 62-й Международной книжной выставки-ярмарки в немецком Франкфурте-на-Майне (октябрь 2010 г.) свидетельствует о том, что книжническая страсть, разгоревшаяся в душе юного воронежца, не остыла с годами... Комплект графически выразительных приглашений напоминает о состоявшемся в марте 2008 г. юбилейном торжестве по случаю 95-летия С.В. Михалкова. Кстати, последний ходатайствовал перед Советом по детской книге России о выдвижении А.А. Иванова на соискание Диплома Г.Х. Андерсена (похоже, дело ничем не завершилось)... Есть и другая схожая бумага – служебная характеристика нашего земляка на бланке Московской писательской организации в связи с его выдвижением – в составе авторов сценария кинокартины «Поговорим, брат...» – на соискание Государственной премии РСФСР 1981 г.: увы, и на сей раз что-то не сложилось... Зато благополучно завершились хлопоты по приему в члены Академии российской словесности (все соответствующие документы кандидат, как принято, готовил сам)... В свидетельстве об окончании четвертого класса воронежской 10-й мужской средней школы (1949) ученик назван Александром: видимо, имя «Альберт» вызывал у педагогов дурные ассоциации – мета послевоенного времени!..

Об архиве А.А. Иванова нельзя рассказать в пределах одной статьи. Добавлю в заключение, что по моей просьбе литератор составил и прислал более или менее исчерпывающий перечень своих книг и подроб-

ное описание провинциального этапа собственной биографии. Все это пригодится будущим изучателям его творчества. Дело теперь за специалистами, способными определить ценность писательского архива и составить полную и систематизированную опись имеющихся в нем документов.

P.S. Недавно к основному массиву архивных «единиц хранения» добавились исполненные в цвете копии документов об учебе А.А. Иванова в Воронежском государственном университете (1955-1960). Между прочим, выпускник ВГУ защитил с оценкой «отлично» дипломную работу на тему «О фельетоне (по материалам Воронежской областной газеты «Коммуна» за 1958 – 59 гг.)». Стажерскую практику по газетному делу А.А. Иванов проходил в редакции бобровской районной газеты.

***АРХИВНЫЙ ОПЫТ,
СОТРУДНИЧЕСТВО***

**Личный фонд Серафима Александровича Миловского,
музыковеда, дирижера, композитора,
члена Союза композиторов СССР, педагога**

В.М. Евдокимова,
*ведущий архивист Государственного
архива Воронежской области*

*«Музыка – единственный всемирный язык,
его не надо переводить, на нем душа
говорит с душою».*

Бертольд Ауэрбах

Работа с документами личного фонда композитора для архивиста – это особая сфера деятельности, где прежде всего невольно делаешь хотя бы маленькую попытку в некотором познании музыки как в ее теоретической части вообще, так и ее духовной сущности, особенно если ты в жизни не музыкант. Начинаешь свою работу с элементарного – со знакомства специфики музыкальной терминологии. Много нового и интересного узнаешь для себя и для будущей работы. Мир музыки необычайно многогранен и терминологически богат, чтобы, в первую очередь, понять как эти одаренные, талантливые люди, композиторы, могут писать музыку для инструментов, на которых они иногда сами не играют, как из всего лишь семи нот получаются гениальные произведения, как, другими словами, талантливые композиторы пишут музыку, которую они переводят из того, что они «слышат» внутри, а не потому, что правила теории музыки диктуют им, что это «правильно».

Теоретики и историки музыки утверждают, что композиторы и исполнители, каждый по-своему, познают музыку, изучают ее, чтобы творить для людей, творить иной мир, отличный от нашей действительности, показывая тем самым, что у человека есть много возможностей для своего совершенствования. Человека привлекает «иной мир», который создается талантливыми людьми, а композитор – это прежде всего талантливый человек, которому присущи важные качества: музыкальный слух, работоспособность, знание основ музыкальных дисциплин: гармонии, композиции, оркестровки, полифонии, инструментовки и т.д. Именно та-

кими качествами обладал Миловский Серафим Александрович, музыковед, дирижер, композитор, член Союза композиторов СССР, педагог.

Миловский Серафим Александрович – человек с непростой судьбой, его биография представляет интерес для широкого круга людей, которым небезразлична судьба человека, много пережившего, добившегося известности и уважения как в кругу музыкальной общественности, так и в педагогической среде.

Накопившиеся в течение жизни и сохранившиеся документы его личного фонда отличают особенная музыкальная тематика, связанная с его основной профессией, а также и семейные документы. Документы личного фонда Миловского С.А. поступили в КУВО «Государственный архив Воронежской области» в августе 2018 г.

В августе – сентябре 2018 г. была проведена научно-техническая обработка документов и дел. В результате проведения экспертизы ценности документов сформировано 109 единиц хранения (184 документа), которые внесены в опись № 1 за 1905-2018 гг.

Миловский Серафим Александрович родился 17 января 1905 г. в селе Кочкурово Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье священнослужителя, что подтверждается архивной справкой от 27.07.2011 г. № 1786/08 – 07, выданной Центральным архивом Нижегородской области на основе хранящихся там документов архивного фонда Нижегородской духовной консистории, где в метрической книге церкви села Кочкурова Лукояновского уезда за 1905 год есть запись № 10 о рождении Серафима¹.

Из воспоминаний Миловской Людмилы Серафимовны, старшей дочери композитора, мы узнаем интересные биографические подробности не только об ее отце, но и его родословной. Родословная составлена на основе выписок из клировых ведомостей, сохранившихся в Нижегородском областном общественно-политическом архиве, предоставленных с помощью местного краеведа А.С. Грамматина. Ценная информация о роде Миловских также содержится в книге «Из старины ко дню сегодняшнему», автором которой является Софья Михайловна Миловская, родственница, краевед, педагог нижегородских университета и пединститута. Она приводит довольно подробно генеалогическую схему рода Миловских за период 1700-2000 гг.² Основываясь на документах вышеназванных источников, Людмила Серафимовна Миловская пишет, что «С.А. Миловский принадлежит к старинному нижегородскому

разночинному духовно-просветительскому роду, первые сведения о котором хранятся в нижегородских архивах. Старшие сыновья, как правило, обучались в духовных училищах и семинариях, направлялись учителями в церковноприходские и земские школы, а при посвящении в сан служили в храмах. Остальные дети выбирали профессию по своим склонностям»³.

Александр Митрофанович Миловский (1867–1910) и Александра Ивановна Миловская (урожд. Огневская (1870–1921), – родители Серафима Александровича Миловского, имели большую дружную семью, двух старших детей Елену и Ивана и младшего сына – Серафима, жили в среднем достатке в доме, принадлежащем церкви. Они знали и любили музыку, играли на музыкальных инструментах, имели большую библиотеку, учили детей всему, что умели сами. В 1910 г. отец Серафима Александровича трагически погиб, оставив вдову Александру Ивановну с пятилетним сыном Серафимом на руках. Старший сын, Иван, на тот момент служил в армии, Елена была замужем и жила самостоятельно. В 1919 г. Серафим Александрович с матерью ввиду сложившейся общественно-политической обстановки в России остались без крова, так как дом их, построенный вдовой с помощью родственников, был экспроприирован местной властью. Однако после долгих, мучительных и упорных хлопот матери, после обращения лично к В.И. Ленину в 1920 г. дом был все-таки возвращен его владельцам. Письмо Миловской Александры Ивановны вождю мирового пролетариата сохранилось в Нижегородском областном общественно-политическом архиве.

Миловская Людмила Серафимовна пишет в своих воспоминаниях об отце, что «к сожалению, в 1921 году бабушка умерла, старший ее сын Иван пропал без вести на фронтах первой мировой войны, и 16-летний Серафим отправился в Нижний учиться» музыке. В Нижнем Новгороде не оказалось хорового училища, и Серафим Александрович направился в Питер в Капеллу⁴.

С.А. Миловскому удалось обосноваться в Детском Селе близ Петербурга, где он подрабатывал на метеостанции и пел в Знаменской церкви в церковном хоре. Именно в этой церкви он познакомился со своей будущей женой, Марией Николаевной Топильской, обладавшей замечательным легким сопрано. Здесь же он познакомился с регентом, Анатолием Павловичем Акатовым, чудесным человеком, образованным музыкантом, художником, дружбу с которым поддерживал всю свою жизнь.

В 1929 г. С.А. Миловский окончил хоровое училище при Ленинградской Академической Капелле, женился на М.Н. Топильской (01.01.1909 г.р.), получил направление в Ленинградскую консерваторию, куда и поступил на историко-теоретическое, а через год – на дирижерско-хоровое отделение. В 1935 г. С.А. Миловский окончил консерваторию, получил направление вторым дирижером в украинскую хоровую капеллу «Думка», где он работал до 1937 г.⁵

Занимался у известных деятелей советской музыки – академика В.В. Асафьева, профессора А.А. Егорова, М.Г. Климова и др.⁶

В 1937-1939 гг. С.А. Миловский являлся художественным руководителем ансамбля песни и пляски при управлении по делам искусств в Ленинграде и Ленинградском военном округе, работал в Таллине в 1940-1941 гг. музыкальным руководителем Дома Красной Армии, в 1944-1957 гг. – музыкальным руководителем и дирижером хора Дома офицеров Армии и Балтийского Флота, одновременно преподавал в Таллинской консерватории (1950-1957 гг.)⁷.

В течение многих лет композитор ведет плодотворную творческую, исполнительскую, музыкально-педагогическую и общественную работу. В 1957 г., переехав с семьей в г. Воронеж, стал преподавать хоровое пение в Воронежском государственном педагогическом институте вплоть до 1966 г. В 1962 г. С.А. Миловский вместе с К.И. Массалитиновым создали Воронежское отделение хорового общества, возглавил которое Серафим Александрович и являлся его председателем до 1970 г. Он – автор ряда музыкально-исторических трудов и музыкальных произведений крупных форм: поэмы «У памятника Ленину», кантаты «Памяти А. Кольцова» (1959 г., на стихи А. Кольцова, Г. Луткова), музыкально-драматической картины «И. Никитин» (1963 г.), многих песен, романсов (в т. ч. на стихи А. Кольцова, И. Никитина, А. Прокофьева, В. Гордейчева, Н. Доризо и др.), хоровых обработок народных песен. Особое внимание С.А. Миловский уделял школьной музыкальной работе и детскому песенному творчеству⁸.

С.А. Миловский также занимался творческой музыкально-поэтической исследовательской работой, в частности, по материалам народных песен. Им написаны ряд тематических краеведческих очерков, объединенных одной темой «Песенные памятники Придонья», издана книга для школьного хора «Цвети, наша Родина». Представляет интерес «Учебно-методическое пособие для детского хора», которое создано музыкантом с учетом его огромного творческо-педагогического опыта⁹.

Последняя исследовательская работа композитора «Песенные памятники русской истории и быта» написана им по мотивам воронежского фольклора, которую он окончил 30 апреля 1982 г., за 10 дней до смерти¹⁰.

10 мая 1982 г. Серафима Александровича Миловского, музыковед, композитора, хорового дирижера, замечательного педагога, не стало. Некролог о его кончине был опубликован в журнале «Советская музыка» № 9 за 1982 г. Похоронен Серафим Александрович в Воронеже¹¹.

Вклад С.А. Миловского в общее дело на благо Отечества измерен практическими делами и поступками. Обширная научно-исследовательская, методическая, педагогическая, концертная и общественная деятельность отмечена на довольно высоком правительственном уровне: в 1945 г. он был принят в члены Союза композиторов СССР, в 1965 г. становится членом Музыкального фонда СССР и награждается Республиканским комитетом профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР нагрудным знаком «Отличник народного просвещения», в 1981 г. награжден медалью «Ветеран труда»¹².

В личном фонде С.А. Миловского представлены документы, которые являются подтверждением и одновременно высокой заслуженной оценкой всей его трудовой деятельности – это программы юбилейных вечеров, авторских концертов в связи с 60-летием, 70-летием, 75-летием со дня рождения и соответственно с 40-летием, 50-летием, 55-летием его творческой, музыкальной, педагогической и общественной деятельности. Также в фонде отложились документы об участии музыканта в концертах-смотрах, тематических концертах-посвящениях, например, 1958 г. – концерт в Москве коллективов профессионального и самодеятельного искусства Воронежской области, 1969 г. – концерт, посвященный 5-му юбилейному пленуму Воронежского отделения Союза композиторов РСФСР и 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, 1979 г. – концерт, посвященный 20-летию создания народной хоровой капеллы профсоюзов в г. Воронеже, организатором и хормейстером которой являлся С.А. Миловский¹³.

В личный фонд вошли некоторые документы членов семьи – это личные документы и фотографии Марии Николаевны Миловской, жены, Людмилы Серафимовны Миловской, старшей дочери, и Марины Серафимовны Миловской, младшей дочери.

М.Н. Миловская (урожд. Топильская) родилась 01.01.1909 г. в г. Детское село под Петроградом, где и произошла их встреча с С.А. Миловским. Из свидетельства о браке следует, что брак их был зарегистрирован 06.12.1929 г. В 1935 г. М.Н. Миловская поступила на вокальное отделение Ленинградской консерватории, которую она успешно окончила 22.06.1941 г. с присвоением ей квалификации оперной артистки. В личном фонде отложились документы за 1946-1952 гг. о работе М.Н. Миловской в Государственной филармонии Эстонской ССР в качестве певицы (сопрано) и о дальнейшей ее трудовой деятельности в Воронежском музыкальном училище в качестве преподавателя.

Серафим Александрович и Мария Николаевна прожили вместе 52 года, им пришлось пережить радости и невзгоды, тяжелые годы войны, оккупацию. 19 января 2002 г. в возрасте 93 лет Мария Николаевна Миловская скончалась, похоронена в Воронеже. Она пережила своего мужа ровно на 20 лет¹⁴.

Личные документы Людмилы Серафимовны Миловской, старшей дочери С.А. Миловского, вошли в личный фонд в основном в виде фотографий и воспоминаний о ее детстве, учебе, работе, взаимоотношениях с родителями, младшей сестрой. Л.С. Миловская родилась 04.10.1936 г. в г. Пушкине под Ленинградом, когда мама ее училась на 2-м курсе ленинградской консерватории. Детские болезни, трудности быта семьи, отсутствие стабильного заработка у родителей, обстрелы Гатчины, затем разрушенный Таллин – все это выпало на раннее военное детство Людмилы Серафимовны. Однако постепенно жизнь налаживалась, входила в мирное русло – это домашние занятия с отцом, восстановление средней школы, успешная учеба, окончание школы с серебряной медалью в 16 лет, поступление в Ленинградский университет на математико-механический факультет и, наконец, распределение в Воронеж, где уже работал отец. По приезду в Воронеж Л.С. Миловская год работала в школе, затем в вычислительном центре ЮВЖД. В 1960 г. Л.С. Миловская перешла в ВГУ на кафедру профессора П.В. Черпакова, где проработала 20 лет, защитила кандидатскую диссертацию, получила звание доцента. В 1980 г. после смерти руководителя профессора П.В. Черпакова Л.С. Миловская перевелась в ВГПИ на кафедру математического анализа, где проработала 36 лет, принимала активное участие в организации компьютерного образования преподавателей и студентов. Ушла на пенсию в 80 лет почетным профессором института, имея

множество поощрений и сотни учеников. В настоящее время Л.С. Миловская продолжает вести активный образ жизни, общается с университетскими друзьями, своими учениками, поддерживает отношения с питерскими родственниками¹⁵.

Марина Серафимовна Миловская, младшая дочь С.А. Миловского, родилась 01.10.1939 г., когда мама училась на 4-м курсе ленинградской консерватории. Была очень болезненным ребенком, война еще больше усугубила ее здоровье, только с помощью родителей она окончила школу, не имея возможности даже сдавать государственные экзамены. Болезнь (бронхиальная астма) прогрессировала в неподходящем климате Таллина и Ленинграда, в связи с чем отцу пришлось переехать в Воронеж, затем к нему переехала вся семья. М.С. Миловская работала секретарем в деканате математико-механического факультета и одновременно училась на вечернем отделении экономического факультета ВГУ, но по состоянию здоровья в 1973 г. она получила 2-ю группу инвалидности и уже больше не работала. Она неплохо знала французский язык, занималась переводами, рисовала карандашом и акварелью, хорошо фотографировала, сочиняла рассказы. Однако болезни прогрессировали, и 12 октября 2016 г. она скончалась¹⁶.

Документы внесены в опись в полном составе.

Опись построена по предметно-тематическому и хронологическому принципам и представляет условно три группы документов:

1. Документы С.А. Миловского, самого фондообразователя (основная часть).
2. Документы М.Н. Миловской, жены фондообразователя.
3. Документы Л.С. Миловской и М.С. Миловской, детей фондообразователя.

Переписка просистематизирована в описи по алфавиту корреспондентов. Документы о трудовой деятельности и юбилейных концертах фондообразователя просистематизированы по хронологии.

Вокально-инструментальные произведения С.А. Миловского для солистов и вокально-инструментальные произведения в обработке С.А. Миловского для солистов просистематизированы по алфавиту названий произведений, также просистематизированы произведения С.А. Миловского для хора и ансамбля и произведения для хора и ансамбля в обработке С.А. Миловского.

Состав документов: свидетельство о рождении и браке, свидетельства об образовании, трудовой деятельности, нотные рукописи, документы авторских юбилейных концертов, биография, документы о награждении почетными званиями, удостоверения, служебная характеристика, опубликованные работы, изданные книги, переписка, личные документы членов семьи, фотографии и др.

Физическое состояние документов хорошее.

Все документы постоянного хранения приведены в порядок в соответствии с «Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук», утвержденными приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 года.

Документы в делах соответственно просистематизированы, листы пронумерованы, имеются заверительные надписи, на обложке дел представлены все необходимые реквизиты (наименование фондообразователя, наименование архива, заголовки, даты документов, срок хранения, количество документов в деле и количество листов, заполнен архивный шифр).

К фонду имеется следующий научно-справочный аппарат (НСА): к описи № 1 дел постоянного хранения составлено предисловие, оглавление, список сокращенных слов, к фонду – историческая справка.

¹ Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

² Там же. Д. 51. Л. 1-13.

³ Там же. Д. 48. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 51. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 84. Л. 1-3.

⁶ Там же. Д. 39. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 50. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 39. Л. 1.; Д. 50. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 37. Л. 1-156.; Д. 38. Л. 1-93.; Д. 39. Л. 1-17.

¹⁰ Там же. Д. 50. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 81. Л. 66.

¹² Там же. Д. 54. Л. 1-4.; Д. 55. Л. 1-2.; Д. 56. Л. 2-5.

¹³ Там же. Д. 32. Л. 1-5.; Д. 33. Л. 2-14.; Д. 35. Л. 1.; Д. 66. Л. 1-2.; Д. 67. Л. 1-2.; Д. 69. Л. 1-2.

¹⁴ Там же. Д. 84. Л. 1.; Д. 85. Л. 1.; Д. 86. Л. 1-11.; Д. 87. Л. 1-3.; Д. 89. Л. 1-3.; Д. 90. Л. 1-9.; Д. 91. Л. 1-2.

¹⁵ Там же. Д. 99. Л. 1-3.

¹⁶ Там же. Д. 96. Л. 1.; Д. 97. Л. 1.; Д. 99. Л. 1-3.

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ***

Документы Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова

В.В. Бахтин,
*к. и. н., учитель истории
МБОУ «Гимназия имени Н.Г. Басова
при Воронежском государственном
университете»*

В Государственном архиве Воронежской области сформирован отдельный фонд Ф. Р-357 «Борисоглебское городское отделение общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, г. Борисоглебск Тамбовской губернии» в составе всего одного дела «Устав Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова и его обращение об организации работы отделений общества. Протоколы заседаний Борисоглебского городского отделения о выборе членов правления отделения и списки членов Борисоглебского отделения».

На обычной канцелярской папке указаны хронологические даты: начало – 19 января 1921 г., окончание – 19 января 1921 г. Однако просмотр дела показал, что оно содержит документы и других лет. Самый ранний документ датирован 25 июня 1920 г., а поздний – 25 февраля 1922 г.

Таким образом, небольшое дело в объеме 29 листов охватывает сложный период становления советской государственности периода Гражданской войны и новой экономической политики. Данное время вызывает в обществе повышенный интерес, в том числе и из-за отсутствия в исторической науке однозначной оценки революционных явлений и процессов. Все это обуславливает актуальность архивного фонда.

Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, или Пироговское общество, возникло в России в 1883 г. Оно являлось идеологическим и организационно-методическим центром общественной и прежде всего земской медицины. Общество названо в честь великого отечественного врача и ученого, выдающегося педагога и общественного деятеля, одного из основоположников хирургической анатомии и анатомо-экс-

периментального направления в хирургии, военно-полевой хирургии, организации и тактики медицинского обеспечения войск Николая Ивановича Пирогова (1810–1881).

Общество занимало противодействующую позицию как в имперский период, так и в советский. После захвата власти большевиками в 1917 г. руководство Пироговского общества открыто отказалось сотрудничать с новой властью. В 1922 г. Общество прекратило свое существование. Сохранение документов в то время, когда Общество признано анти-советским, являлось актом гражданской позиции как составителей дела, так и работников архива.

Д.Н. Жбанков

В деле отложились информационные письма правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова и личные письма члена правления Дмитрия Николаевича Жбанкова (1853–1932).

Д.Н. Жбанков – врач, активный деятель земской медицины, этнограф, писатель. Личным знакомством и перепиской он был связан со многими писателями: А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, В.В. Вересаевым, В.Г. Короленко, А.М. Горьким и др.¹

Д.Н. Жбанков родился 9 сентября 1853 г. в городе Балахна Нижегородской губернии. После окончания Нижегородской гимназии в 1871 г. поступил в Петербургский университет, затем перевелся в Медико-хирургическую академию, которую и окончил в 1879 г. со званием врача.

Первая его служба началась в земстве в Рязанской губернии, где и сформировались его идеалы врача-просветителя, защитника народа. С конца 1880-х гг. деятельность Д.Н. Жбанкова неразрывно связана с Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова. Начиная со II Пироговского съезда (1887) Д.Н. Жбанков был активным участником всех съездов. С 1904 г. Жбанков – секретарь и член правления Общества, возглавлял ряд комиссий. Много сил и энергии Д.Н. Жбанков отдал работе в комиссии помощи голодающим: с 1905-го по 1919 г. он руко-

водил Пироговским врачебно-продовольственным комитетом, который оказывал помощь крестьянам.

Февральскую революцию Жбанков приветствовал с восторгом. Он, как и многие пироговцы, был уверен в ее преобразовательном характере.

Свержение Временного правительства большевиками категорически не принял. Подписал обращение «К товарищам врачам от правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», опубликованное в журнале «Общественный врач»: «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова вместе со всей страной, до глубины народной жизни взволнованной и страдающей, тяжело и болезненно переживает ее потрясения и не может остаться молчаливым зрителем событий, разрушающих основные устои демократического строя и приводящих страну к развалу и гибели.

Не останавливаясь на точке зрения какой-то партии или политической группы и оставаясь в плоскости общечеловеческих и общедемократических идеалов, Правление Общества считает своим гражданским долгом в настоящий трагический момент народной жизни поднять свой голос. Правление призывает все живые врачебные силы страны стать на защиту общенародных интересов и принять участие в борьбе с надвигающейся реакцией, психологическая почва для которой подготовлена всеми переживаниями страны и предостерегающим признаком которой являются успехи большевизма, захватившего власть насильем меньшинства над большинством его»².

В 1919 г. стали издавать «Бюллетени журнала «Общественный врач». Первый номер вышел 23 апреля 1919 г. После выхода № 8-9 в сентябре 1919 г. типография отказалась печатать журнал без разрешения государственного издательства. Попытки получить разрешение не увенчались успехом, так как Пироговское общество официально не было зарегистрировано.

Правление 18-20 октября 1919 г. созвало совещание санитарных врачей, на которое прибыли 80 человек, из них 40 – из Москвы, 14 – из Московской губернии и 26 – из других мест³.

Собрание «ввиду продолжавшихся и даже усиливавшихся казней, погромов и насилий» выразило самое решительное осуждение «этих ужасных явлений».

В принятом постановлении собрание заявило:

«1. Устранение продовольственной разрухи и улучшение питания населения потребляющих губерний возможно только при прекращении междоусобной войны и установлении правильных сношений с хлебными губерниями.

2. Признан несправедливым принцип распределения населения по категориям для поучения пайков; неправильной организации питания больных и почти полное отсутствие в Москве санитарного надзора как в учреждениях общественного питания, так и вне...»⁴.

На совещании было принято решение о создании местных отделений Пироговского общества, на которые в первую очередь возлагалась задача по изучению влияния войн и революционных событий на врачебно-санитарное дело.

Д. Жбанков стал составителем писем от имени правления, который и стал отправлять на места. Первое информационное письмо от 25 июня 1920 г. за его личной подписью было направлено в Тамбовский уездный отдел здравоохранения. Это письмо и станет первым фондообразующим документом.

Письмо в Тамбове было получено 8 июля 1920 г., о чем свидетельствует печать административного отдела.

Следующий лист дела – это «Список борисоглебских врачей, сделавших членские взносы по 120 рублей на 1920 год». В списке 24 человека⁵. Список рукописный, заверенный печатью Пироговского общества и подписью Жбанкова.

Затем идет письмо Д. Жбанкова к Марии Павловне (фамилия не указана). Оно подписано «Мой искренний привет Вам. Секретарь Д. Жбанков». Письмо написано черными чернилами на бланке редакции журнала «Общественный врач». Можно предположить, что получатель и отправитель письма уже к этому времени были знакомы. Из него мы узнаем, что 13 августа 1920 г. заказным письмом М.Г. Пойминову были направлены квитанции, устав и списки борисоглебских врачей. Однако 30 ноября 1920 г. письмо вернулось «за не нахождением адресата», и тогда Д. Жбанков переслал письмо Марии Павловне. Возможно, адресат письма – Михаил Гаврилович Пойминов, единственный врач с такой фамилией, по данным на 1916 год, временно проживал в Москве⁶.

Это письмо станет началом переписки, сохранившейся в деле. Мария Павловна – это Мелешкевич. Она выпускница женского медицин-

*Борисоглебские врачи,
в центре – М.П. Мелешкевич*

ского института Харьковского медицинского общества (первый выпуск, февраль, 1914). В Борисоглебске исполняла обязанности городского врача⁷. В 1914 г. по ее инициативе и при поддержке принца Ольденбургского в городе была построена новая инфекционная больница. В годы Первой мировой войны работала в лазарете. О ней князь С.М. Волконский в своих мемуарах написал: «У нас была главным врачом некая Мария Павловна Милишкевич (так в тексте. – В.Б.), прекрасный врач и очень выдающийся человек. Высокая, стройная,

с чрезвычайно простым человеческим обхождением и с большим авторитетом, она пользовалась совсем исключительным уважением со стороны раненых»⁸.

Мария Павловна заведовала инфекционной больницей в течение десяти лет⁹. В 1920-1930 гг. работала в санатории «Высокие горы» г. Москвы заведующей отделением для тяжелобольных¹⁰, затем руководила терапевтическим отделением первого Московского туберкулезного института¹¹.

В деле 7 рукописных писем Д. Жбанкова, адресованных в Борисоглебск, в том числе 5 адресованы лично М.П. Мелешкевич и 2 – Борисоглебскому отделению. Также автографы Д. Жбанкова присутствуют и на 4 информационных письмах правления Пироговского общества. В конце «2-го Пироговского письма» есть дописка Д. Жбанкова: «Многоуважаемые товарищи! Ввиду невозможности в настоящее время размножить путем гектографа¹² или мимеографа¹³ циркулярных обращений и извещений правление высылает Вам 2-е письмо о жизни и деятельности Общества за последнее время только в одном экземпляре с убедительной просьбой ознакомить с ним всех товарищей, за которых Вами присланы членские взносы за 1920 год»¹⁴.

В деле сохранился единственный подлинный протокол заседания Пироговского объединения врачей г. Борисоглебска, датированный

18 ноября 1922 г. 1922 год – это год разгрома Пироговского общества. В мае 1922 г. состоялся Второй Всероссийский съезд врачей, на котором делегаты выступили с критикой советской власти. Сущность выступлений сводилась к следующему:

- 1) восстановление земской медицины;
- 2) введение свободного местного самоуправления;
- 3) создание самостоятельной профессиональной организации;
- 4) осуждение советской экономической политики¹⁵.

В июне 1922 г. было принято решение о ликвидации Пироговского общества, аресте и ссылке активных членов¹⁶. Ликвидация Общества проходила в результате секретных операций. В провинции не знали об этом, и врачи Борисоглебска сохраняли верность Обществу. Борисоглебское отделение в текущем вопросе о новой медицинской литературе принимает решение: «Просить Общество указать адрес для новых медицинских изданий»¹⁷. Это свидетельствует о том, что отделение планировало функционировать и далее. Однако среди решений есть и еще одна деталь, характеризующая политическую ситуацию. На заседание не явился заведующий уездным отделом здравоохранения Б.А. Яхонтов. Причина неявки не указана. Возможно, он не посетил заседание из-за неясности статуса отделения или ему могли сотрудники административного отдела рекомендовать не посещать это совещание.

Общество не было официально зарегистрировано, что дало основание власти провести его ликвидацию без лишнего шума.

Ярким показателем нелегального статуса Общества был и устав, присланный Д.Н. Жбанковым в Борисоглебск в первом письме. Устав хранится в деле, но он – дореволюционный, утвержден 16 января 1892 г.

Текст устава более поздней редакции, так как содержит список постоянных членов Общества за 1909 г., перечеркнутый карандашом красного цвета. Окончания устава нет. Вероятно, что именно в таком виде он был прислан самим Д.Н. Жбанковым. Среди коллективных членов значится Воронежская уездная земская управа, Кирсановская, Козловская, Моршанская уездные земские управы Тамбовской губернии. Борисоглебск в числе членов Пироговского общества не указан¹⁸.

Архивный фонд Борисоглебского городского отделения Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, несмотря на малочисленность, является ценным комплексом документов по истории

гражданского общества, общественно-политической жизни, здравоохранения России.

Документы фонда попадают под критерии особо ценных документов, так как они созданы в период братоубийственной Гражданской войны, экономической разрухи, голода 1921 г., что соответствует критериям определения особо ценных документов, установленным Методическими рекомендациями по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации как созданные «в особые периоды истории как страны в целом, так и ее отдельных регионов»¹⁹. Фонд отвечает критериям: 1) время создания документа; 2) ценность содержащейся в документах информации. Особую ценность фонду придают и подлинные письма видного общественного деятеля Дмитрия Николаевича Жбанкова (это 3-й критерий – авторство (и адресат) документа)²⁰.

В заключение отмечу, что в Российском государственном архиве древних актов есть фонд № 1497 «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова», в котором насчитывается 746 единиц хранения. В фонде хранятся дела с перепиской правления с различными отделениями за 1920-1922 гг. Отдельного дела по переписке с Борисоглебским отделением нет, однако не исключено, что ответные письма М.П. Мелешкевич сохранились в архиве, что позволит исследователям в дальнейшем восстановить деятельность Борисоглебского городского отделения Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова.

¹ Антюфеева И.Н. Л. Толстой и Д. Жбанков // Толстовский сборник. Вып. 5. Тула: Тульский пединститут им. Л.Н. Толстого, 1975. С. 240.

² «К товарищам врачам от правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» // Общественный врач, 1917, № 9-10. С. 79-80.

³ ГАВО. Ф. Р- 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Российский медицинский список: списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 1 мая 1916 г. Петроград: Тип. М-ва внутренних дел, 1916. С. 373.

⁷ Там же. С. 622.

⁸ Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2-х т. М.: Искусство, 1992. Т. 2. С. 226.

⁹ Список медицинских врачей С.С.С.Р.: (на 1 января 1924 года). М.: Нар. комиссариат здравоохранения Р.С.Ф.С.Р., 1925. С. 114.

¹⁰ Лечебные учреждения и медперсонал г. Москвы. М.: Изд-во МКХ, 1928. С. 108

¹¹ Акимова Г. Что в имени твоём? Шесть улиц в Борисоглебске носят «женские» названия // Борисоглебский вестник. 7 марта 2014. № 10 (16718). С. 5.

¹² Гектограф – множительный прибор, печатающий оттиски с рукописного текста и рисунков при помощи особой желатиновой массы.

¹³ Миннеограф (или ротатор) – аппарат для получения незначительного количества оттисков с текста, изготовленного (от руки или на пишущей машинке) в виде трафарета из провощенной бумаги.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р- 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 22-28.

¹⁵ Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921-1924 гг. М.: Русский путь, 2010. С. 136.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАВО. Ф. Р- 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 5-7.

¹⁹ Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации (одобрены Росархивом 06.10.2004) // СПС Консультант Плюс.

²⁰ Там же.

Революционный боевик Харитон Шабанов

О.Н. Квасов,
д. и. н., доцент Воронежского
государственного
лесотехнического университета
имени Г.Ф. Морозова

В последнее время краеведческая литература пополнилась местными революционными персоналиями¹. Эти работы дополняют известный портретный ряд политических деятелей, написанный историками еще в прошлом веке². Важный интерес представляет и персонифицированный анализ противоположной стороны социально-политического кризиса начала XX в., который продуктивно предлагается в ряде исследований³. Таким образом, современный научный взгляд на губернские события начала XX в. приобретает и «человеческий» аспект изучения, благодаря которому можно делать определенные социокультурные и психологические выводы.

Революционный путь провинциального боевика-террориста начала XX в. редко превышал несколько месяцев – короткая подготовка акции, теракт, переход на нелегальное положение, неминуемый арест или эмиграция, суд, казнь или каторга. Немногим из них удавалось протянуть более полугода, а тем более год-два в боевой деятельности. Неудовольствие боевика значительно возрастало при возможности переезда на новые места деятельности, но для этого необходимо было иметь тесные контакты с партийным руководством. Известные боевики Камо (С.А. Тер-Петросян), Г. Котовский, А. Лбов, братья Кадомцевы стали легендарными фигурами во многом благодаря «революционному долгожительству». Подобный симптоматичный, но не ставший героем революции, боевик есть и среди воронежских террористов.

Харитон (Константин) Никифорович Шабанов (конспиративная кличка «Алдоха») – яркая фигура местных событий революции 1905–1907 гг. Выделяется Шабанов как провинциальной оригинальностью,

революционной смелостью и боевой предприимчивостью, так и тривиальным предательством, трусостью и заурядной уголовщиной. Столь контрастная личность была из крестьян с. Пески Новохоперского уезда. Роста выше среднего, солидный, с коротко остриженными русыми волосами, лицом чистым с небольшими усиками, грубой речью, 23-летний Шабанов пользовался высоким боевым авторитетом в среде воронежских и борисоглебских эсеров.

С 1906 г. он активно участвует в революционных событиях. Вместе с крестьянином с. Троицкого С.Н. Лабыкиным организует крестьянскую боевую дружину эсеров, которая временами насчитывала до 50 человек. Именно их деятельность сделала из Новохоперского уезда один из самых беспокойных районов губернии в период Первой русской революции. Позже и в Гражданскую войну этот уезд будет одним из центров Антоновского восстания.

Боевая дружина новохоперцев одной из первых в Воронежской губернии приступила к экспроприациям. Главной причиной обращения революционеров к политически мотивированным грабёжам стала нехватка денежных средств на партийные нужды. Экспроприированные суммы направлялись в комитет и шли на содержание нелегалов, организацию партийной инфраструктуры и революционную деятельность. Обязательными были требования безупречной чистоты революционеров, совершавших грабежи. Однако именно в этом революционные требования и мораль будут постоянно попираемы, а экспроприации станут ахиллесовой пятой боевиков всех революционных организаций.

Новохоперские боевики активно предпринимали нападения вооружёнными группами по 4-6 человек на стационарные учреждения (волостные правления, винные лавки, железнодорожные станции) и без лишнего шума забирали выручку, редко более тысячи рублей. Особенно агрессивно они начали действовать с конца 1906 г. Шабанов активно практиковал и денежные вымогательства с состоятельных обывателей на революционные нужды, которые партийная мораль уклончиво называла «мандаты». Учитывая, что имя Шабанова к тому времени уже наводило ужас не только на обывателей, но и уездную полицию, этот способ добывания денег был наиболее удачным и безопасным.

При этом, естественно, были и лица, не желающие добровольно расстаться с трудовыми сбережениями. Для острастки таковых Шабанов осуществил два дерзких убийства: в апреле 1907 г. на многолюдной

платформе ст. Борисоглебск с близкого расстояния расстрелял богатого торговца Ф. Осипова и «самым покойным образом положил револьвер в карман, повернулся и пошел не спеша» с места преступления, а в августе 1907 г. ночью застрелил через окно с улицы песковского торговца П. Семенова⁴.

Прилагаемые в поисках боевика усилия новохоперской и борисоглебской полиции не приводили к результатам. Как позже признавался сам Шабанов, часть борисоглебской полиции он подкупал, а часть из-за трусости своей сама его не замечала⁵. Разыскиваемый боевик без страха посещал даже борисоглебские театр и цирк. Наглость Шабанова была впечатляющей. Новохоперский уездный исправник с разрешения воронежского губернатора объявил премию за поимку каждого из двух известных боевиков в 500 руб., что для того времени было весьма крупной суммой⁶. На одном из таких объявлений в Новохоперске появилась наклеенная записка, в которой рукой Шабанова было провокационно вызывающе безграмотно написано: «Цель Ваша неудачна. но скоро ат-кроим свои действия. ВСП. Х.Ш. и С.Л.»⁷.

В 1907 г. новохоперских боевиков как наиболее дееспособных губернский съезд ПСР пригласил в Боевой отряд местного комитета. На лето 1907 г. в смелых планах эсеров была организация крупного крестьянского восстания. Первоначальный состав отряда, на счету которого уже были известные революционные подвиги 1906 г., к тому времени полицейскими преследованиями был ликвидирован. По приглашению в Воронеж приехали, кроме Шабанова, новохоперцы Иван Зюзин, Николай Шамов и Иван Белкин. Для боевиков, привычных к свободе передвижения, началась тяжелая жизнь, диктуемая законами конспирации. С первых же дней пребывания в Боевом отряде от боевиков требовали дисциплины и строгой исполнительности. Как раз тех качеств, которыми боевики не могли похвастать. Постепенно нарастающий конфликт непонимания боевиков и губернского руководства усугублялся отсутствием активных боевых выступлений. В то же время Новохоперский уезд захлестнула волна террора – 21 июля убит «шпион» с. Троицкого крестьянин Н. Устинов, 22 июля у с. Никандровки совершено покушение на жизнь местной помещицы Н.Д. Алфердовой, 21 августа выстрелом из револьвера убит волостной старшина с. Еланское Колено И. Шмелев, 30 августа во время ночного обхода с. Троицкого выстрелом из ружья дробью ранены урядник и стражник, 23 сентября ра-

нен новохоперский стражник Е. Хожайлов, днем позже ранен стражник с. Новогольского. Кровавые покушения перемежались экспроприациями. Жандармское управление по привычке обвиняло Лабыкина и, как всегда, Шабанова.

Осенью 1907 г. из-за внутренних разногласий и бездеятельности губернский отряд уже не представлял собой боевого единства. Долго и тщательно планируемое комитетом ограбление 30 октября 1907 г. почтового вагона на ст. Абрамовка завершилось полным провалом. В воспоминаниях представителя губернского комитета в Боевом отряде И.Д. Смирнова прямо говорится, что кроме технических недостатков подготовки (невзорвавшиеся бомбы) и неисполнительности ряда боевиков основной причиной провала стал «заговор» – ряд террористов сговорились захваченную сумму в 80 тыс. руб. разделить между собой и скрыться. Губернский комитет исключает боевиков за это не только из отряда, но и из партии⁸. Характерно, что, как выяснится уже два десятилетия спустя, в это время в составе отряда было два агента районного охранного отделения А.И. Жданов и И. Тайницкий⁹.

Можно предположить, что исключение из отряда было не самым сильным жизненным ударом для боевиков. В провинциальных условиях начала XX в. рефлексия на понятия партийных верности и ренегатства была далеко не актуальна, а тонкости различия партийных платформ знали вообще единицы. Поэтому переходы в зависимости от ситуации из партии в партию были достаточно обычным явлением.

После исключения из губернского отряда боевики возвращаются в Новохоперский уезд и возобновляют свою террористическую деятельность, но уже от имени анархистов и максималистов. При этом, уходя, Шабанов похитил с конспиративной квартиры чистые подписные листы на пожертвования с печатью Воронежского комитета ПСР, которые в дальнейшем будет использовать при рассылке «мандатов». Из наиболее громких дел Шабанова в конце 1907 г. известны следующие: 4 ноября с десятью товарищами он ограбил Лысогорский женский монастырь; 10 ноября – Алферовское волостное правление; 5 декабря – правление Третьяковского ссудо-сберегательного товарищества. Эти акции взбудоражили общественность губернии. Обвиняемых в преступлениях эсеров и Шабанова шельмовали местные газеты. В большей мере негодовали за беззащитных монашек, которые натерпелись бандитского лиха. И хотя жертв не было, губернскому комитету ПСР в сво-

ей нелегальной газете пришлось оправдываться: «...ни партия, ни член ее – товарищ Ш-В, ни какого отношения к этим предприятиям не имеет»¹⁰. Расстаться с боевой славой «наиболее смелого и талантливого» боевика, как о нем отзывался И.Д. Смирнов, тем более объяснять свои сложные взаимоотношения с ним комитет посчитал неуместным.

8 января 1908 г. Шабанов совместно с И. Зюзиным и С. Лабыкиным совершает свое последнее преступление – ограбление на 600 руб. кассы железнодорожной станции Колено. Известно, что из этой суммы было передано 100 руб. в помощь политическим заключенным Новохоперской уездной тюрьмы¹¹.

В руки полиции известный боевик попал 15 февраля 1908 г. в г. Борисоглебске. Получив информацию о пребывании Шабанова и боевика А. Есина в одном из частных домов, местная полиция, собрав все наличные силы и подключив в помощь армейскую роту, блокировала ближайший к дому район. Боясь упустить Шабанова в ночной темноте, полиция отложила облаву на 7 часов утра. Когда поутру нагрянули стражники, хорошо вооруженные боевики сдались без единого выстрела. Сообщая подробности успеха, исправник в донесении отмечал, что Шабанов был обнаружен в пустом сундуке весь «...измазанный в сажу, при котором в кармане найден заряженный «браунинг» с вложенной в него обоймой с 7 пулями и другая обойма также с 7 пулями, из коих одна крестообразно надрезана...»¹².

Арестованного Шабанова сразу заковали в кандалы и отправили в Воронежскую губернскую тюрьму. На допросах он первоначально отказался отвечать на вопросы и не признал политических обвинений в свой адрес, объясняя, что если же в «...в письмах, которыми вымогал под угрозой смерти деньги и упоминал «Боевые организации» или же «Борисоглебский революционный комитет», то исключительно с целью запугать адресатов писем и тем заставить их платить требуемые суммы денег»¹³. Кроме того, он заявил, что никогда не состоял ни в какой политической организации. Однако со временем боевик выдал столько сведений, что из «героя революции» превратился в ее предателя. Шабанов раскрыл известные ему адреса конспиративных квартир и типографию комитета. Последовавшие аресты нанесли сильнейший удар по воронежским эсерам. Пытаясь вымолить пощаду, он указал и места возможного появления в Воронеже своего боевого товарища С. Лабыкина. Созданные четыре полицейских отряда в течение нескольких дней за этими

адресами следили. 14 марта 1908 г. С. Лабыкин появился в частном доме по Нижне-Дьяконовской улице. Нагрянувшие 13 полицейских не смогли застать врасплох боевика, он оказал отчаянное вооруженное сопротивление, ранив двоих. В ответ те буквально изрешетили его выстрелами из револьверов¹⁴. Отмечая самоотверженность полиции в этом деле, губернатор наградил руководившего задержанием пристава Гусева, раненного Лабыкиным, орденом св. Владимира 4-й степени. Предательство же Шабанова выяснится только в 1928 г. во время советского суда над начальником воронежской тюрьмы И.А. Дикаревым.

Однако сколько ни старался Шабанов, его предательства не хватило, чтобы вымолить себе пощады. И если Воронежский военно-окружной суд не приговорил его к высшей мере наказания, то это сделал Тамбовский суд за преступления в пределах своей губернии, а в очереди судить Шабанова был еще и Усть-Медведицкий окружной суд Войска Донского. Особенно не затягивая следственный процесс и судебное разбирательство, суды инкриминировали Х.Н. Шабанову 3 убийства, 10 грабежей, несколько вооруженных столкновений с полицией и ряд поджогов. 17 июля 1908 г. он был повешен в стенах Тамбовской губернской тюрьмы¹⁵. В летописи казней царизма историограф русской каторги С. Ушерович это событие отразил так: «Шабанов. Казнен в Тамбове в 1908 г. за принадлежность к группе анархистов»¹⁶.

Смерть Лабыкина и Шабанова далеко не знаменовала окончание террористической борьбы в губернии, эстафету революционного бандитизма подхватили их ученики И. Зюзин, И. Белкин, Д. Грачев¹⁷. А фигура Харитона Шабанова при всей своей противоречивости является во многом симптоматичным явлением Первой русской революции и революционного терроризма, ярко характеризующим не только специфику отношений боевиков и партийных комитетов, но и драматизм боевой деятельности революционеров.

¹ Квасов О.Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов», или Судьба «анархиста-мстителя» // Воронежский вестник архивиста. Вып. 7. Воронеж, 2009. С. 223-232; Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1(27). С. 89-104; Разиньков М.Е. Иван Давыдович Смирнов – революционер, историк и провокатор // Из истории воронежского края: Сборник статей. Вып. 25 / отв. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж, 2018. С. 88-104.

² Севастьянова Т.М. Революционерки Воронежа. Воронеж, 1967. 116 с.

³ Перегудов А.В. Об образовании ВГЖУ и его первом руководителе // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 145-148; Страхов Л.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна: монография. – Воронеж, 2019. С. 216-256.

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 164.

⁵ Там же. Л. 45-46.

⁶ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 6530. Л. 158.

⁷ ГАВО. Там же. Л. 589.

⁸ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 203.

⁹ Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 705. Оп. 1. Д. 353. Т. 1. Ч. 1.

¹⁰ Борьба и жизнь. Издание Воронежского комитета ПСР. 1907. № 3. 15 декабря.

¹¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1481. Дело об ограблении кассы на ст. Колено ЮВЖД. 09.01.1908 - 02.04.1911 гг. 24 л.

¹² ГАВО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 453. Л. 247.

¹³ Там же. Л. 330.

¹⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1342. Л. 5.

¹⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6791. Л. 14.

¹⁶ Ушерович С.С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1933. С. 434.

¹⁷ Подлесных С.Н. Банда Грачева на территории Новохоперского и Бобровского уездов в 1908-1909 гг. // Битюг. 2016. № 3. С.14-24.

И небо – одно на двоих

*А.Е. Коробанов,
редактор центра общественной
информации и печати
Воронежского акционерного
самолетостроительного общества*

12 февраля 1962 г. техсостав Воронежского авиационного завода заправил барражирующий перехватчик Як-25М топливом, проверил работоспособность навигационной и радиосистем; бортмеханик Лихачев, ответственный за подготовку к полету, дал «добро», и экипаж – летчик-испытатель Владимир Ларионов и штурман-испытатель Иван Лукашев – вывел воздушную машину на взлетную полосу. В задании, подписанном заместителем начальника лётно-испытательной станции Воронежского авиационного завода А.И. Вобликовым, цель была обозначена так: тренировочный полет по кругу. В 12.29 самолет оторвался от ВПП, шасси были убраны¹.

После первого разворота машины на вопрос Вобликова, какова видимость с воздуха, командир экипажа ответил: «Видимость хорошая, более восьми километров». Доклад о втором развороте командно-диспетчерский пункт завода не получил, и, когда Вобликов в очередной раз вызвал экипаж на связь, летчик не ответил.

Через полчаса стало ясно, почему молчала радиостанция Як-25М: катастрофа произошла в 12.33 в трех километрах северо-восточнее Новой Усмани и двенадцати километрах от завода (на траверсе дальней приводной радиостанции аэродрома)...

В комиссию по расследованию обстоятельств авиационного происшествия вошли два представителя Воронежского СНХ: главный инженер В.К. Шведов и начальник инспекции по качеству В.И. Цветков; инспектор отдела лётной службы Государственного комитета по авиационной технике Н.В. Гаврилов; представитель главного конструктора В.А. Лихачев; сотрудники Лётно-испытательного институ-

та: летчик-испытатель А.Б. Филосовов и инженер по эксплуатации А.П. Трошев. Завод делегировал зам. главного инженера С.П. Татиевского, главного контролера А.Ф. Лидяева, зам. начальника серийного конструкторского отдела А.А. Ратнера, а также А.И. Вобликова. От войсковой части 34538 в комиссию вошел инженер-полковник Д.И. Попов.

Вот что они обнаружили. Обломки самолета и двигателей разметало по пашне на площади полосой в ширину около 100 метров и длиной 560 метров. При этом отсутствовали следы удара о землю.

Как вспоминал современник трагического события штурман-испытатель Н.И. Иркутский, в сотне метров от следа взрывной волны на распущенном куполе парашюта лежало распластанное тело летчика. Сгоревший труп штурмана был обнаружен под остатками обшивки элерона в пятистах метрах от места взрыва².

На основании показаний очевидцев, характера разброса обломков, отсутствия следов удара самолета о землю, размеров и состояния поля, на которое экипаж направил воздушную машину, члены комиссии пришли к заключению, что взрыв произошел в воздухе на высоте 15-20 метров вскоре после того, как пилот стал выбирать площадку для экстренной посадки...

Як-25М был арендован предприятием незадолго до трагического происшествия для сопровождения при отработке в воздухе новой воздушной машины, сверхзвукового истребителя Ту-128, и с целью тренировки летного состава.

Арендованная заводом воздушная машина с серийным номером 0327 сошла со ступеней Саратовского авиационного завода № 292 в середине декабря 1956 г., проходила профилактический ремонт в июле 1956 г. и имела налет 374 часа и 41 минуту. Турбореактивные двигатели АМ-5А были изготовлены в разное время: левый (№ МТ643095Л) – в декабре 1956-го, правый (№ МТ914090П) – в марте 1959-го заводом № 500. Причем правый ремонтировался дважды: в 1960 г. по причине выработки ресурса, а через год – из-за малого остатка ресурса. Левый – один раз в 1959 г. – по причине обрыва лопатки на четвертой ступени компрессора (обратим внимание на этот факт).

Освоение серийного выпуска барражирующих перехватчиков Як-25 сопровождалось обычными для любой новой машины трудностями. Но основную тревогу доставляли авиадвигатели, дюралевые лопатки ком-

прессора которых чаще, чем на других самолетах, повреждались посторонними предметами, засасывавшимися с взлетно-посадочной полосы. И это не было, к сожалению, единственной причиной отказов АМ-5А. Вот хроника нескольких происшествий.

4 декабря 1954 г. во время испытаний бомбардировщика на базе этой машины – Як-25Б произошла авария. У самолета, управляемого летчиком В.М. Волковым, на высоте 1200 метров остановился двигатель³.

19 августа 1955-го на Як-25М, № 0913, в полете отказали оба двигателя; спустя двенадцать дней на другой машине с заводским номером 1812 остановился левый двигатель. Меньше чем через год подготовка к первомайскому параду также сопровождалась чередой отказов АМ-5А. 14 апреля 1956 г. только мастерство пилота не привело к катастрофе. Командир группы полковник Вовк после разрушения одного двигателя Як-25М сумел посадить машину на втором, к счастью, не отказавшем. Как показало расследование, происшествие произошло из-за обрыва лопатки второй ступени турбины. За восемь дней, предшествовавших параду, при налете 140 часов на 56 машинах пять раз отказывали двигатели по конструктивно-производственным причинам⁴.

Возможной причиной взрыва Як-25М в небе под Воронежем, по мнению членов комиссии, мог быть обрыв вращающихся деталей двигателя или лопаток турбины и попадание их в топливные отсеки, повреждение магистралей (кислородной, топливной, электрической, гидравлической систем). К такому сценарию катастрофы подталкивал разброс на значительной площади лопаток компрессора, лопаток турбины и мелких деталей двигателя. К тому же в левом крыле в районе расположения компрессора левого двигателя зафиксированы сквозные пробоины, а внутри крыла – куски корпуса компрессора, лопатки компрессора и турбины.

С глубокой скорбью завод провожал в последний путь двух мужественных своих сыновей, опытных летчиков, отличных товарищей, вспоминал Н.И. Иркутский⁵.

Жизненные пути членов погибшего экипажа Як-25М были различны.

Владимир Яковлевич Ларионов родился в 1923 г. в Подмоскowie, после окончания школы в 1941 г. был мобилизован в Красную Армию и зачислен курсантом летной школы первоначального обучения, которая

Владимир Яковлевич Ларионов

дислоцировалась в Чувашии. Проявленные способности привели его в Качинское училище летчиков, где он после обучения был оставлен инструктором.

Следующие строчки в его биографии – школа летчиков-испытателей при Лётно-испытательном институте (1951-1953) и назначение на должность летчика-испытателя Воронежского авиационного завода (1953). К этому времени список освоенных им самолетов был внушительным. Непременный для пилотов того поколения УТ-2, далее практически вся линейка яковлевских машин, от Як-3 до Як-18, воздушные машины Лавочкина, МиГи – 15, 17, 19.

В Воронеже к ним добавились головные и серийные Ил-28 (1953-1955), Ту-16 (1955-1957), Ан-10 (1958-1961), Ан-12 (1960-1962) и их модификации⁶. Особым штрихом в биографии летчика стало участие в отработке системы заправки Ту-16 в воздухе – операции непростой, требовавшей немалого мастерства.

Родина по достоинству оценила труд пилота. Летчик-испытатель 2-го класса полковник Ларионов был награжден медалью «За боевые заслуги». К моменту трагического происшествия его общий налет превышал две с половиной тысячи часов.

«Володя Ларионов был душой нашего летного коллектива. Всегда жизнерадостный, несмотря на высокий рост и плотное телосложение, был очень энергичным. Любил коллектив. Любил веселую компанию. В свободные от полетов и занятий дни, бывало, спрашивал у Вобликова: «Сир, может быть, устроим праздник?» В полетах был невозмутим при любых обстоятельствах. В обыденной жизни был очень прост, отзывчив, добр и скромен. Любил своих детей. Летную работу любил. По своим данным он был прирожденным летчиком-испытателем. Таким он остался в нашей памяти»⁷. Так вспоминал о коллеге Н.И. Иркутский.

Дорогу Ивана Сергеевича Лукашева к испытательной работе простой назвать нельзя.

Пережив послереволюционное лихолетье, на исходе Гражданской войны Лукашевы-старшие, уроженцы черноземного края, подались за лучшей долей на Украину. Там, на Полтавщине, в дружной крестьянской семье родился в 1922 г. их первенец – Иван. Вслед за ним в 1924 г. у них родилась дочь Ефросиния, в 1927-м сын Сергей, в 1930-м – третий мальчик – Алексей. В том же тридцатом семейство в полном составе возвратилось на малую родину – в село Березовку Воробьевского района: жить на Украине стало невмоготу. Альтернативы сплошной коллективизации не было, а дома, как известно, и стены помогают. Старшие записываются в колхоз, в 30 – 40-е годы носивший имя Сталина.

Иван Сергеевич Лукашев

После окончания Березовской семилетки Иван продолжил обучение в райцентре в Воробьевской средней школе. Однако завершить образование ему не удалось. В декабре 1940 г. его призывают в Красную Армию и направляют в Олсуфьевскую военно-авиационную школу стрелков-бомбардиров.

Надвигались грозные события, и в 1940 г. Наркомат обороны провел реорганизацию системы военного обучения. В Балашовской, Омской, Ворошиловградской, Энгельсской, Олсуфьевской школах ВВС с мая 1940 г. организуется подготовка стрелков-радиостов по 250 человек в каждой школе⁸. В этот курсантский набор попал Иван Лукашев.

В 1942 г. он получил специальность стрелка-радииста, и командование направило его в 13-й бомбардировочный авиаполк (бап) 321-й бомбардировочной авиадивизии (бад). В составе этого войскового подразделения Иван Сергеевич, пройдя горнило воздушных боев 1944-1945 годов, встретил Победу.

В действующую армию 321-я авиадивизия была направлена в апреле 1944 г. С этого времени ведет отсчет боевой службы И. Лукашев.

Дело свое старший сержант Лукашев знал твердо. В этом убеждают сохранившиеся архивные документы. По итогам Львовско-Сандомирской стратегической наступательной операции (шестой сталинский удар) против войск нацистской Германии и Венгрии, в результате которой была освобождена Украина, стрелок-радист 13-го бап 321-й бад в составе 8-й воздушной армии был награжден медалью «За отвагу».

Командир авиаполка гвардии полковник Журавлев в приказе о награждении отметил участие Лукашева в одной из боевых операций. 16 июля 1944 г. в ходе выполнения задания в районе Зборова группа советских бомбардировщиков была атакована четырьмя самолетами «фокке-вульф-190». Первым их заметил гвардии старший сержант Лукашев и метким огнем отогнал противника. «Группа, успешно выполнив задание, возвратилась без потерь на свой аэродром»⁹.

Великую Отечественную И.С. Лукашев завершил с орденом Красной Звезды на груди. Так командование оценило его заслуги в четырех десятках боевых вылетов в составе экипажей самолетов А-20Ж на 4-м Украинском фронте.

«Дуглас» А-20 производства США, получивший большую известность в СССР в годы войны как «Бостон», являлся самым распространенным в советской авиации иностранным бомбардировщиком. А самой массовой модификацией этой воздушной машины стал А-20G (в советских документах обозначавшийся как А-20Ж и получивший у пилотов название «жучок»).

Первые А-20Ж появились на советско-германском фронте летом 1943 г. и выполняли самые разные функции – дневного и ночного бомбардировщика, разведчика, торпедоносца и минного заградителя, тяжелого истребителя и транспортного самолета.

«По отзывам из 321-й авиадивизии, поступившим в НИИ ВВС в сентябре 1943 г., новая модификация вызвала одобрение наших летчиков. Подчерчивалась большая огневая мощь, надежность вооружения, удобство стрельбы из него днем и ночью»¹⁰.

Отлично освоил «жучок» и стрелок-радист Лукашев. Вот только несколько фактов.

В течение февраля 1944-го основные события Западно-Карпатской наступательной операции развернулись на моравско-остравском направлении. 12 февраля соединения 1-й гвардейской и 38-й армий ов-

ладели мощным узлом сопротивления немецких войск на подступах к Моравско-Остравскому промышленному району – городом Бельско-Бяла. День этот приближали и пилоты 13-го бап.

Из журнала боевых действий 321-й бад за 9 февраля 1944 г. можно узнать, что войска 4-го Украинского фронта на участке действий 38-й армии продолжали вести наступательные операции. Задача дивизии – содействовать наступлению 38-й армии сосредоточенными ударами групп, пятерками А-20Ж уничтожать живую силу и технику противника.

Девятого февраля 1944 г. Лукашев, как сказано в наградном листе, выполняя боевое задание на малой высоте, отбил атаку двух «фоккеров» на группу А-20Ж¹¹.

Такие малые эпизоды ложились в копилку общих успехов полков, дивизий, армий, фронтов.

24 марта 1944 г. 8-я воздушная армия содействовала наступлению 38-й армии. Три десятка А-20Ж участвовали в этот день в бомбометании на укрепленные пункты противника, в частности железнодорожную станцию Зорау. Лукашев в этот день входил в экипаж ведущего самолета. При подлете к станции, группа «жучков» была атакована шестью «мессершмиттами-109». С короткой дистанции гвардии старшина Лукашев отбил три атаки противника. По данным экипажей и расшифрованных фотоснимков, в Зорау «бомбы легли в центре, в результате чего возник один взрыв большой силы и много очагов пожара, от которого весь пункт закрыт густым дымом»¹².

Война для 13-го бап закончилась на землях Чехословакии, где еще 10 мая 1945 г. полк вел разведку колонн противника, двигавшихся на запад...

Три года Иван Лукашев слушал чужую речь, когда нес службу в Чехословакии, Польше, Германии, а также в Румынии – в составе южной группы войск Советской Армии. Только в мае 1948 г. он вернулся домой.

Надо было начинать жизнь сначала – ему и тысячам таких же фронтовиков-орденоносцев. Лукашев устраивается на восстанавливаемый из руин Воронежский авиационный завод, получает рабочую специальность шлифовщика, но не оставляет надежд на работу по специальности. И это ему удастся – правда, через год. Вначале он стрелок-радист, затем борт-радист, наконец, штурман-испытатель – эту свою квалификацию он подтвердил успешной учебой в Летно-испытательном институте. Во второй, мирной, жизни Иван Сергеевич освоил штурманскую

работу на всей линейке самолетов, сходявших со стапелей Воронежского авиационного завода в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов минувшего века: Ил-12 и Ил-28, Ту-16 и Ан-10, стал штурманом-испытателем первого класса.

Иван Сергеевич был человеком редкого мужества и хладнокровия, «отшлифованных» войной. Эти качества, проявленные им в апреле 1958 г., спасли жизнь его товарищу по летной работе. Во время аварийной посадки Ан-10 он сумел выпрыгнуть из воздушной машины, остался невредим и вытащил из кабины второго пилота, получившего множественные переломы. Приказом директора завода И.С. Лукашев был премирован изолированной квартирой¹³.

...Огненный шлейф оборвал жизни членов экипажа Як-25М морозным февральским днем 1962 г.

У Ларионова остались жена и две дочери, у Лукашева – жена и сын. Обои семьям были назначены пенсии. Исходя из доходов на каждого члена семьи, завод до совершеннолетия детей производил выплаты¹⁴.

¹ События излагаются по аварийному акту, хранящемуся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ): Ф. 29. Оп. 1. Д. 2402. Л. 2-7.

² Иркутский Н.И. Записки штурмана // «Новатор», газета Воронежского орденов Ленина и Трудового Красного Знамени авиационного производственного объединения (ВАПО), № 5 (7839), 7 февраля 1992.

³ Якубович Н. Барражирующий перехватчик. О самолете Як-25 и его модификациях // «Крылья Родины», ежемесячный научно-популярный журнал, № 11 (602), 2000.

⁴ Там же.

⁵ Иркутский Н.И. Записки штурмана // Там же.

⁶ Испытатели, сайт, <https://testpilot.ru/base/2015/02/larionov-v-ya/>. (Дата обращения 20 июня 2019.)

⁷ Иркутский Н.И. Записки штурмана // Там же.

⁸ РГВА Ф. 4. Оп. 11. Д. 86. Л. 198-199, цит. по: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: Терра, 1994. Т. 13 (2–1). С. 126-127.

⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6205. Л. 113 об.

¹⁰ Котельников В.Р. «Краснознаменные «американцы» Сталина. А-20 «Бостон»: штурмовики, бомбардировщики, торпедоносцы, истребители. М.: ВЭРО Пресс; Яуза; ЭКСМО, 2010. С. 74.

¹¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3148. Л. 203.

¹² Там же. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0229. Л. 218-218 об.

¹³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-3175. Оп. 1. Д. 100. Л. 247.

¹⁴ Там же. Д. 164. Л. 65, 66.

История села Данково в документах и материалах Государственного архива Воронежской области

Г.Н. Мокшин,
*д. и. н., доцент Воронежского
государственного университета*

Данково – одно из старинных сел Южной России. В прошлом году ему исполнилось 250 лет. В связи с этой датой нами был издан сборник документов и материалов «Из истории хворостанского края. Село Данково в документах и материалах» (Воронеж, 2019).

Хворостанский край – это неофициальное название местности, прилегающей к реке Хворостани – левому притоку Дона. Ныне это территория Каширского и Лискинского районов Воронежской области. Край не очень обширный (наиболее заселенная его часть – всего сорок километров вниз по течению реки: от села Каширского до Старой Хворостани), но имеющий свою особую историю.

Большая часть архивных документов (от времени основания села и до конца 1950-х гг.) извлечена из фондов Государственного архива Воронежской области. Рассмотрим, что из них, на наш взгляд, представляет наибольший интерес.

Освоение хворостанского края, расположенного к югу от Белгородской черты, началось на рубеже XVI-XVII вв. Первое постоянное поселение появилось в низовьях Хворостани не позднее 1615 г. Выше по реке находились владения Воронежского Покровского женского монастыря, в 1626 г. пожалованные ему царем Михаилом Федоровичем. В 1764 г. по указу Екатерины II эти земли у монастыря отобрали, и сюда, на тучный чернозем Хворостанского уожея, которого еще не касалась соха пахаря, хлынул поток переселенцев их южнорусских уездов: Данковского, Епифановского, Каширского, Мосальского и др.

В 1768-1772 гг. вдоль извилистых берегов Хворостани, от места впадения в нее Лево́й Россо́ши и до речки Красной, возникает цепочка поселков: Рябчевский, Данковский, Епифанский, Казьмадемьянский и Карамышевский. В настоящее время все они входят в состав Данковского сельского поселения.

В 1770-1774 гг. первопоселенцы строят церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1809-1821 гг. на месте тесного обветшавшего деревянного здания они возводят новую каменную церковь, а в 1869 г. с северной и южной сторон Покровского храма пристраивают новые приделы. По названию церкви до начала XX в. село Данково официально именовалось Новопокровским.

Главным источником по дореволюционному периоду истории села является «Летопись Покровской церкви», составленная в 1907 г. ее младшим священником И.Г. Ферронским. Эта рукопись объемом в 8 п. л. хранится в фонде Воронежской духовной консистории¹. В ГАВО она попала после Великой Отечественной войны из фондов краеведческого музея. Опубликовано в 2009 г.²

Военно-топографическая карта России Ф.Ф. Шуберта. 1868 г.

Летопись Ферронского состоит из четырех глав: 1) Исторические сведения о местности и приходе; 2) Храм; 3) Причт; 4) Школы. Архивные документы, на которых основывался автор-составитель (ревизские сказки, исповедные ведомости, метрические и приходно-расходные книги, церковные описи, грамоты, указы, прошения и т.д.), увы, не сохранились. Единственное исключение – материалы 8-й, 9-й и 10-й ревизий. Мы их использовали при составлении комментариев к летописи Ферронского.

Иоанн Ферронский первым установил точную дату основания Данковского поселения. В прошении переселенцев о построении Покровского храма есть упоминание о том, что они были переведены на речку «Форосан» по указу Коллегии экономии «в прошлом 1768 году»³.

Новизна труда Ферронского заключается также в систематизации данных по топонимике села; изменению численности населения прихода; по истории первого и второго храмов; составу причта, развитию в Данково школьного дела и т.д.

Покровская церковь. Рис. А.Г. Белоусова

Для историков и воронежских краеведов несомненный интерес представляет такой факт, включенный Ферронским в свою летопись. В 1881 г. в память об Александре II, убитом народолюбцами, крестьяне с. Данкова заказали на заводе Самофалова в Воронеже колокол весом в 422 пуд. (Это почти 7 тонн. В Воронежской епархии больше был только колокол Благовещенского собора Митрофановского монастыря в Воронеже – 440 пуд.). Когда в 1882 г. этот колокол доставили на ст. Колодезная Юго-Восточной железной дороги, то 15 верст до села его везли не лошади, а сами крестьяне⁴.

Лучшим подтверждением весомости вклада отца Иоанна в изучение истории хворостанского края служит высокая оценка его труда Воронежским церковным историко-археологическим комитетом, который в январе 1908 г. избрал данковского священника в свои действительные члены. В том же году первая часть летописи, в которой описывается история заселения Хворостани в 60–70-е гг. XVIII в., была опубликована в «Воронежской старине»⁵.

Дополнительные сведения о жизни Данково до 1917 г., получившие отражение на страницах нашего сборника документов, в основном касаются истории местных школ. В частности, в отчете о деятельности Воронежской палаты госимуществ за 1851 г. имеются данные о старейшем в Каширском районе учебном заведении – Данковском приходском училище, открытом в 1844 г.⁶ Этот факт в летописи Ферронского почему-то не зафиксирован, хотя данное училище упоминается в Памятной книжке Воронежской губернии на 1856 г.

Кроме того, в фонде духовной консистории каким-то чудом сохранилась клировая ведомость Покровской церкви за 1911 г., содержащая данные о численности местных жителей – около 7 тыс. чел.⁷ Сведения о церкви, послужные списки причта и статистические данные по приходу вписаны в стандартный бланк самым молодым здешним церковнослужителем – псаломщиком А.И. Казьминым.

Когда была установлена в Данково советская власть, теперь уже никто не помнит. Известно, что весной 1918 г. здесь было 5 сельсоветов (по числу крестьянских обществ). Так вот, судя по анкете секретаря Елифанского сельсовета Казьмы Рыжкова, которая хранится в фонде Р-114, он будет занимать эту должность с 8 апреля 1918 г.⁸ Более ранней даты присутствия советской власти на территории Данковской волости пока обнаружить не удалось.

Сама Данковская волость была образована в сентябре 1917 г. Это было детище Февральской революции. Но как самостоятельная административно-территориальная единица она просуществовала недолго – чуть больше 5 лет – до января 1923 г., т.к. в результате Гражданской войны и жестокого голода начала 1920-х гг. ее население сильно сократилось. Главным источником для изучения этой интересной страницы из истории Данковского сельского поселения являются протоколы заседаний Данковского волостного ревкома и волисполкома за 1919-1922 гг. Сохранилось несколько объемных дел (некоторые под грифом «секретно»), в которых содержатся сведения об отношении местных жителей к советской власти; о конфликтах местных властей с населением; данные о голоде 1921-1922 гг. (количестве смертей и т.п.); ведомость об изъятии церковных ценностей в 1922 г. в пользу голодающих в Поволжье⁹. В сборник включено около трех десятков документов, в том числе не так давно опубликованный нами годовой отчет о работе Данковского волисполкома – с ноября 1921 г. по ноябрь 1922 г.¹⁰ Данный документ охватывает один из самых драматических периодов в истории советской России, когда на нее обрушился «царь-голод». В селе Данково в 1922 г. в августе смертность от истощения и болезней превысила рождаемость в 3,5 раза. В то же время именно 1922 г. стал для местного населения годом долгожданного перелома. Заканчивалась Гражданская война, на которой только из Данковской волости на стороне «красных» воевали представители более 450 семейств. В отчете волисполкома за сентябрь отмечается возрождение местного хозяйства. Население начинает производить ремонт построек, «вечерами по хатам загорались огоньки, чего в течение 3-х предыдущих лет не наблюдалось». А некоторые жители настолько «воспрянули духом», что стали опять гнать самогон, что было категорически запрещено и каралось штрафом в 10 тыс. руб. и 15-дневными принудительными работами¹¹.

История Данковского поселения второй половины 1920-1930-х гг., когда в горниле первых сталинских пятилеток рождалась новая история села (ее теперь будут писать передовики колхозного производства – «данковские стахановцы»), представлена в фондах ГАВО сравнительно бледно. Самые интересные материалы хранятся в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской

области. Ранее нам удалось обнаружить и опубликовать только один, но по-своему уникальный документ – письмо от 15.02.1934 г. прихожан Покровской церкви к архиепископу Захарию (Лобову) с жалобой на свой церковный совет. Его члены устраивали «пьяные оргии», растрчивали на личные нужды церковные суммы и расхищали имущество храма¹². Безнаказанность церковного совета отчасти объясняется его правом приглашать и смещать священников, что, безусловно, способствовало падению авторитета местного духовенства. Это отчасти объясняет, почему местные жители так легко согласились с требованием местного партийного руководства о закрытии храма, что и было сделано в мае 1936 г.

С 1931-го по 1959 г. в Левороссошанском районе, к которому с 1928 г. относилось село Данково, издавалась газета «Колхозное знамя». В отделе периодики ГАВО хранятся ее экземпляры за 1942–1959 гг. Опубликованные здесь статьи, очерки, информационные заметки прекрасно передают дух, настроение той предельно идеологизированной эпохи (война, поздний сталинизм, хрущевский voluntarизм). Нами были отобраны для публикации в сборнике около 80 текстов.

Летом 1942 г. фронт будет проходить в 20 км от Данково по левому берегу Дона. Население эвакуируют в соседнее село Можайское. Однако стране был нужен хлеб, и полевые работы не прекращались ни днем, ни ночью. В 1944 г. данковцы внесут 112 тыс. руб. на постройку танковой колонны им. 8 Марта, удостоившись приветственной телеграммы от самого И.В. Сталина¹³. На колхозном танке будет воевать их земляк Иван Митрофанович Мокшин.

Пик трудовой славы данковцев пришелся на послевоенный период. В январе 1948 г. за получение небывалого урожая зерновых (30–31 ц/га) 3 бригадирам и 7 звеньевым колхоза «Красный Октябрь» во главе с его председателем П.П. Саломатиным будет присвоено звание Героя Социалистического Труда. И еще 39 передовиков наградят орденами и медалями.

В 1950-м и 1957 г. происходит укрупнение данковских колхозов. В итоге из пяти хозяйств останется только одно – сельхозартель «40 лет Октября». В результате печально знаменитых кампаний Н.С. Хрущева по быстрому подъему сельского хозяйства (кукурузная, мясная, молочная, реорганизация МТС и т.п.), вынуждающих колхозы непрерыв-

но расширять производственные мощности, данковцы задолжают государству четыре миллиона рублей.

К сожалению, в фондах ГАВО практически не отразилась история села Данково 1960-1970-х гг., когда его труженикам под руководством нового председателя Я.Т. Твердохлебова удалось превратить сельхозартель «40 лет Октября» в передовое многоотраслевое хозяйство. Как и последующий кризис социалистической системы хозяйствования и становление новый – рыночной¹⁴. К слову сказать, в настоящее время Данковское сельское поселение – это место, где созданы условия для нормальной учебы, работы и культурного отдыха. В селе есть асфальт, газ, интернет и прочие блага современной цивилизации. И хотя население Данково, Рябчево и Карамышево, по сведениям 2017 г., составляет всего 1473 чел., примерно 30% от этого числа – молодежь. И именно это обстоятельство позволяет руководителю нынешней сельской администрации Л.В. Чернякиной уверенно смотреть в будущее.

И в заключение чуть подробнее о дате основания села Данково. В связи с празднованием юбилея села в 2018 г. этот вопрос получил понятный интерес.

Выше уже отмечалось, что в летописи И.Г. Ферронского есть выписка из прошения местных жителей о строительстве у них храма, в котором четко сказано, что они были переведены на речку Форостань из села Малинки, Покровское тож Данковского уезда в 1768 г.¹⁵ Но, по мнению первого данковского краеведа, первопоселенцы могли появиться здесь между 1764 и 1768 гг.¹⁶ И еще из летописи того же Ферронского известно, что в 1768 г. здесь уже существовал поселок Черницын, память о котором сохранялась в названии села (Черницыно и Данково тож) до начала XX века¹⁷.

В конце 1960-х гг. известный воронежский краевед В.А. Прохоров, описывая историю возникновения Данково, уточнит, что Черницын – это хутор (черница означает монашка¹⁸), близ которого стали селиться бывшие монастырские крестьяне¹⁹. И далее он выскажет предположение, что этот хутор мог состоять из 2-3 «домиков» и возникнуть в первой половине XVIII в., когда данная территория являлась вотчиной Воронежского Покровского монастыря²⁰.

В 2010 г. современная исследовательница Л.В. Кригер в книге «Каширские родники» уже без ссылки на Прохорова напишет, что хутор

Черницын был основан в начале XVIII в.²¹ (на самом деле не раньше 1626 г. – Г.М.). А Ольга Василенко в диссертации, посвященной заселению воронежского края, уточняет, что дворов было 3-4, но тоже без отсылок к каким-либо источникам²².

Попытки удревнить историю села не могут не вызывать сочувствия у всех, для кого история Данково носит эмоционально окрашенный характер. Да и сам факт существования на месте села более раннего поселения сомнений не вызывает. Только даже примерное время его возникновения (четверть века – не вариант), численность жителей и род их занятий нам неизвестны. В архиве В.А. Прохорова, хранящегося в ГАВО, Черницыно упоминается только в названии села – «Данково, что при Черницыне хуторе». Исследователь обнаружил его в «Ведомости Воронежской губернии на 1801 г.»²³. Поэтому пока за точку отсчета истории Данковского сельского поселения следует брать 1768 г.

¹ ГАВО. Ф. И-84. Оп. 3. Д. 64а.

² Ферронский И.Г. Летопись Покровской церкви села Данково [1907]. Воронеж, 2009.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Ферронский И. Хворостань (Очерк из истории колонизации края) // Воронежская старина. Воронеж, 1908. Вып. 7.

⁶ ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 444. Л. 162-163 об.

⁷ Там же. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951а. 2.

⁸ Там же. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 28. Л. 4.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 7, 93, 176, 208; Ф. Р-18. Оп. Д. 492.

¹⁰ Там же. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 208. Л. 26-29.

¹¹ Там же. Л. 20-20 об., 30.

¹² Там же. Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 16.

¹³ Саломатин П. Непрерывно помогать фронту // Колхозное знамя. 1944. 25 мая.

¹⁴ Из истории хворостанского края. Село Данково в документах и материалах. – Воронеж, 2019. Ч. IV-V.

¹⁵ Подробнее см.: Мокшин Г.Н. Из истории возникновения села Покровского, Малиново тож (70–80-е гг. XVII в.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 3.

¹⁶ Ферронский И.Г. Летопись Покровской церкви. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 37.

¹⁸ И.Г. Ферронский тоже считал, что название «Черницын» имеет церковное происхождение, поскольку несколько священнослужителей Покровской церкви (от времени ее основания в 1770 г.) носили фамилию Черницын. См.: Ферронский И.Г. Летопись Покровской церкви. С. 37-38. Заметим, что в России есть несколько деревень с названием «Черницыно». Его происхождение действительно связано со словом «черница». Правда, по одной из версий оно происходит от мирского имени Черница (от прилагательного «черный», указывающего на особенности внешности человека).

¹⁹ В настоящее время на южной окраине Данковского сельского поселения (ул. Набережная) есть местность под названием «Хутора». Возможно, в 1768 г. именно здесь находился хутор Черницын.

²⁰ Прохоров В. Данково // Путь Ленина. 1969. 14 марта.

²¹ Кригер Л.В. Каширские родники. Воронеж, 2010. С. 17.

²² Василенко О.В. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII-XVIII вв. (на примере его центральной части): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. С. 117.

²³ ГАВО. Ф. И-229. Прохоров В.А. Оп. 1. Д. 30. Топонимическая характеристика сел Воронежской области. «Д». Т. 1. Л. 99 об. «Ведомость Воронежской губернии», на которую ссылается В.А. Прохоров, хранится в ЦГВИА (г. Москва).

«Неутомимый труженик»: новый документ к биографии архиепископа Воронежского и Задонского Захарии (Лобова)

*П.А. Овчинников,
священник*

Архиепископ Воронежский и Задонский Захария (Лобов) встретил свое 70-летие, как и все предыдущие, – в служении. В служении молитвой и словом. Но если богослужебная сторона жизни святого от нас пока скрыта, то служение словом приоткрывается благодаря чудом сохранившемуся журналу исходящей корреспонденции за январь-май 1935 г., который собственноручно им велся¹. Удивительно, как могли сохраниться эти документы, если известно, что при аресте 23 мая 1935 г. в результате следственных действий у него были изъяты несколько папок с церковной перепиской. Среди этих бумаг, по всей видимости, был и этот журнал.

Документ представляет собой рукописную тетрадь в линейку форматом А4. В каждой строчке есть запись, у которой свой порядковый номер. Тетрадь имеет три нелинованные графы: а) порядковый номер записи (нумерация сплошная), б) дата записи, в) заголовков письма с фамилией и адресами получателей. Каждая фамилия подчеркнута теми же синими чернилами, какими исписана вся тетрадь.

За первые пять месяцев 1935 г. Захарией отправлено 828 писем, если обратиться к номеру последнего письма. На самом деле писем было больше, потому что в ряде случаев номера повторяются. Можно сделать предположение об еще большем количестве полученных писем и телеграмм. Исходящие даты показывают, что писал он ежедневно, в том числе в воскресные и праздничные дни. В отдельные дни отправлял до 19 писем. Следует отметить, что с момента при-

бытия в конце мая 1929 г. на воронежскую кафедру архиепископ Захария сам вел делопроизводство, не имея собственной канцелярии и делопроизводителя². Количество приходов и священников с мая 1929 г. до его ареста 23 мая 1935 г. уменьшалось в связи с репрессиями, а с этим увеличивалась тяжесть душевной ноши мученика, который понимал, по какой причине переставала поступать корреспонденция из приходов епархии. Преследовались не только общины и священники, но также архиереи епархий Центрально-Черноземной области (мученики и исповедники Онуфрий (Гагалюк) и Вассиан (Пятницкий) и др.).

По распоряжению Священного Синода и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на его архипастырском попечении находились епархии Центрально-Черноземной области и Преосвященные³. Ежегодно Захария получал отчеты об их деятельности, наградах священнослужителей, ситуации с раскольниками и находящимися в разделениях, деятельности приходов. В 1935 г. он также получил такие отчеты от Преосвященного Елецкого Сергия (Зверева), канонизированного в 2000 г., и Петра (Савельева), управляющего Моршанской епархией. Эти и другие архипастыри огромной по своей территории Центрально-Черноземной области обращались к священномученику Захарии за разъяснениями затруднительных вопросов приходской и епархиальной жизни, находясь в Воронеже по служебным делам, проживали у него на квартире, получали справки по отдельным священнослужителям.

В случае ареста архиереев Захария должен был принимать в управление освободившиеся епархии. Когда в январе 1935 г. был арестован архиепископ Елецкий Сергей (Зверев), то Захария (Любов) сначала принял его епархию, затем передал ее в управление Уару (Шмарину), будущему священномученику⁴, после чего сообщил в Москву митрополиту Сергию (Страгородскому) о произведенных действиях⁵.

Половина исходящей корреспонденции Захарии касалась епархиальных сборов. Хотя ежемесячные сборы были совсем небольшими, эквивалентными стоимости двух пудов картофеля, но и эти деньги священники и приходские собрания высылали очень неохотно. Часть поступающих средств архиепископ отправлял в Москву на содержание Патриархии, часть тратил на содержание воронежской кафедры. Основная же сумма шла на уплату налогов, которые были в то время для

священнослужителей грабительскими. В редких случаях владыка обращался к своим доверенным помощникам – благочинным с просьбой помочь ему уплатить продуктовые налоги, которые он сам был не в состоянии внести. На момент ареста в епархиальной кассе имелось 22 тыс. руб.⁶ Это была примерная сумма ежегодных государственных налоговых сборов для архиереев Центрально-Черноземной области. При получении денежных средств владыка Захария (Лобов) в третьей графе тетради делал отметку о размере полученной от прихода или священников сумме (30, 45, 50 руб. и т.д.).

Поскольку к 1935 г. священников, имевших семинарское образование, в большинстве случаев уже арестовали, выслали или расстреляли, то в своих письмах и обращениях Захария разъяснял богослужебные вопросы, давал указания благочинным и приходским собраниям по организации церковной жизни. Именно в эти годы в Русской Православной Церкви впервые широко распространилась пагубная практика заочных отпеваний. Усопшего не приносили в храм для последней молитвы, а сразу погребали, иногда с участием священника. И уже позже родственники покойного, желающие христианского погребения для своего родного, просили батюшку «освятить земельку». Также в эти годы вынужденно появилась практика совершения крещений, венчаний и даже Божественной Евхаристии не в храмах, которые зачастую были заняты под сельскохозяйственные нужды, а в сторожках или доме священника. В своих письмах владыка, основываясь на благословении священноначалия, давал свое разрешение на подобные практики ввиду сложности времени и церковной необходимости.

Много писем адресовано благочинным. Поскольку сам управляющий епархией не мог посещать многочисленные приходы Воронежской области ввиду негласного запрета на это от государственных органов, то благочинные становились его глазами и руками. Благочиние в те годы имело размеры одного района Воронежской области. Ознакомившись с письмами от благочинных, множество из которых доступно сегодня в фонде «Воронежское митрополитанское управление»⁷, мы видим, что они стараются сообщать архиепископу все подробности церковной жизни своего благочиния: положение приходов, отношение со стороны государственных органов и официальных лиц, настроения среди духовенства и верующих, деятельность раскольников, еретиков

и сектантов и др. Из рассматриваемого журнала исходящей документации следует, что многие приходы были подвержены «нестроениям», вследствие чего было большое количество переводов и запрещений в священнослужении.

Оторванность верующих и приходов от своего архипастыря приводила к различным нестроениям в церковной жизни Воронежской области. Церковная переписка 1930-х гг. вскрывает возникшие сложности с приходскими собраниями и духовенством, воровством и мошенничеством церковнослужителей. Все это, конечно, объясняется беспрецедентным давлением местных властей на духовенство, приходы и церковнослужителей, общим духовным оскудением, когда церковная жизнь была выдвлена в нелегальное положение.

За страницами журнала исходящей документации остались также судьбы храмов. Когда приход лишался своего священника (арест, отъезд в другой регион, смерть) и не был назначен новый, то скоро храм закрывали и местная власть передавала его под зернохранилище. Если назначенный священник получал указ в закрытый храм, то, приезжая, он начинал служить в храмовой сторожке или любом свободном и удобном доме села. Именно в эти годы священнослужители делали свой жизненный выбор еще раз. И этот выбор становился для них определяющим. Если они оставались верны своему призванию и, следовательно, Церкви, то были гонимы, преследуемы от мира сего и, скорее всего, претерпевали смерть за Христа. Если оказывались предателями Церкви, то на короткое время были вознесены, а потом забыты и умирали в одиночестве и болезнях. 20 мая 1935 г. оперуполномоченный Болдин подписал постановление об аресте архиепископа Воронежского. В ночь с 22 на 23 мая начальник отдела Управления государственной безопасности Черепенин арестовал владыку⁸. Какие же распоряжения отдавал в эти дни ничего не подозревающий человек?

20 мая Николаю Чудинову выслано удостоверение о лишении его сана; Митрополиту Сергию задан вопрос по документу 1928 г.;

21 мая псаломщик Иоанн Сухомлинов уведомлен о перемещении в с. Борки (?); священник Булавин перемещен на священническое место в с. Верхний Телелуй с увольнением священника из этого села.

22 мая священнику Владимиру Лебедеву запрещено в священнослужении с уведомлением об этом благочинного и церковноприход-

ского совета; епископ Павел Моршанский уведомлен о назначении священника; священнику Александру Грибановскому разрешено в священнослужении⁹.

Архиепископ Захария дышал Церковью, Ее болью, Ее утратами. Дни и ночи были посвящены тому служению, к которому он был призван.

¹ ГАВО. Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 43. Л. 17-31 об.

² См.: Овчинников П.А. Служение управляющего Воронежской епархией в 1929-1935 гг. // Воронежский вестник архивиста. 2013-2014. Вып. 11-12. С. 86-94.

³ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода. Положение об областных Преосвященных от 12 марта 1934 г. № 14 // Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 гг. – М.: Издательский совет РПЦ, 2001. С. 218-219.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 43. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 21, 22.

⁶ ГАОПИВО. Ф. П-9353. Оп. 2. Д. 6014. Л. 4.

⁷ ГАВО. Ф. Р-2565.

⁸ ГАОПИВО. Ф. П-9353. Оп. 2. Д. 6014. Л. 1-3.

⁹ ГАВО. Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 43. Л. 31 об.

Жандармско-полицейский надзор на железнодорожной станции Борисоглебск

*А.В. Перегудов,
к. и. н., доцент Воронежского
государственного университета*

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в истории России бурным развитием железнодорожного строительства. Продиктованное экономической целесообразностью и вызванное к жизни мощным импульсом эпохи Великих реформ, сооружение железных дорог, а также сопутствующей им инфраструктуры затронуло в том числе уездный город Борисоглебск Тамбовской губернии. Написанные Н.А. Некрасовым строки в канун отмены крепостного права «В столицах шум, гремят витии, / кипит словесная война, / а там, во глубине России, – / там вековая тишина» уже во многом не соответствовали действительности. Провинциальная Россия сильно изменилась. Одну из главных ролей в этом сыграла железная дорога.

В соответствии с Высочайшим повелением от 16 марта 1867 г. жандармские полицейские управления (ЖПУ) на железных дорогах следовало формировать одновременно с началом на них земляных работ. Это было вызвано необходимостью пресекать возникающие среди рабочих беспорядки, зачастую сопровождавшиеся погромами, что причиняло многочисленные убытки железнодорожной администрации и наносило серьезный вред местному населению. Также в обязанности железнодорожной жандармерии входил надзор за взаимоотношениями между частными обществами, получившими концессию на строительство железной дороги и нанимаемыми ими для выполнения всех необходимых работ подрядчиками. В случае необходимости жандармы были обязаны урегулировать возникающие между ними спорные вопросы и тем самым предотвратить случаи возможного бунта.

«Из поступивших в последнее время донесений некоторых губернаторов видно, – писал 17 июля 1869 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев главному начальнику III Отделения Н.В. Мезенцову, – что на вновь строящихся линиях железных дорог неоднократно возникали волнения рабочих, выражавшиеся тем, что они целыми артелями оставляли подрядчиков без всякой уважительной к тому причины и лишь в видах увеличения условной заработной платы»¹. Министр внутренних дел ходатайствовал о командировании жандармских команд наблюдательного состава на строящиеся линии не со дня открытия по ним движения, а со дня начала работ по устройству полотна дороги, что, по его мнению, в значительной степени способствовало бы «предупреждению и устранению возникающих при работах на железной дороге беспорядков. <...> Причем строители, – продолжал генерал, – в видах устранения тех значительных ущербов, какие они могут нести от несвоевременного оставления целыми артелями работ, конечно, не откажутся принять на свой счет содержание этих команд во все время до открытия эксплуатации»².

Беспорядки рабочих происходили в разных частях империи, отчасти повторяя географию железнодорожного строительства. Они не были похожи на эпизодические акции, напротив, со временем приобретали системный характер. Желая видеть жандармов на железных дорогах, за содействием к III Отделению обращались и губернаторы, и Министерство путей сообщений. Первые, как и полагалось по закону, через МВД, в системе которого они состояли, МПС – напрямую.

В частности, летом 1869 г. буйствовали рабочие на строящейся Тамбово-Саратовской железной дороге. Главный инспектор частных железных дорог действительный статский советник В.И. Граве фиксировал в своем рапорте: 26 июня рабочие, находившиеся на земляных работах у села Любичи в 20 верстах от Кирсанова, совершили нападение на питейный дом, «в котором выпили и разбили бочку водки, разбили также окно и дверь, разграбили деньги и все имущество торговца и выбили несколько стекол в крестьянских домах, а 8 июля рабочие той же дороги близ села Никольского Кирсановского уезда, в 50 верстах от Тамбова, произвели драку, избили ночных сельских караульных и перебили окна в избах крестьян»³. По убеждению В.И. Граве, для прекращения беспорядков и обуздания рабочих необходим за ними особый полицейский надзор. После этих случаев А.Е. Тимашев снова обратился к Н.В. Ме-

зенцову, прося поспешить с решением данного вопроса, «поскольку случаи беспорядков рабочих на частных железных дорогах все возрастают», и хотя бы временно командировать жандармские команды на те из них, где в этом наблюдается наиболее настоятельная потребность.

Более того, в сентябре 1869 г. тревогу забил прибалтийский генерал-губернатор, просивший об учреждении с весны будущего 1870 г. жандармского надзора на строящейся Балтийской железной дороге. Рабочие, задействованные в стройке на территории Эстляндской губернии, по словам администратора, «часто совершают противоправные поступки и беспорядки»⁴. В обоих случаях обязательства по содержанию жандармских чинов готовы были взять на себя частные общества.

Вполне резонными выглядели доводы министра внутренних дел, утверждавшего о невозможности уездной полиции, вследствие ее малочисленности, «к повсеместному и своевременному предупреждению подобных беспорядков», и что неисполнение закона подрывает «во мнении масс значение правительственных учреждений и поощряет вместе с тем склонность рабочих к безосновательному оставлению работ»⁵.

Каких бы то ни было документальных свидетельств о беспорядках среди рабочих на участке от Грязей до Борисоглебска найти не удалось, тем не менее появление здесь жандармов хорошо вписывалось в контекст царивших на тот момент среди властей и предпринимателей настроений.

Жандармско-полицейский надзор для наблюдения на строящихся железных дорогах – Козлово-Тамбовской, Грязе-Борисоглебской, Тамбово-Саратовской и от Сергиева Посада до Ярославля – был учрежден приказом военного министра № 318 от 16 сентября 1869 г.⁶ В соответствии с документом сформированное ранее ЖПУ Московско-Ярославской и Московско-Воронежской железных дорог расширило свой штат на пять офицеров (одного адъютанта и четырех начальников отделений) и 88 нижних чинов (унтер-офицеров). Штаб-квартира одного из начальников отделений разместилась в Борисоглебске⁷. Помимо структуры изменилось и название жандармского управления, отныне именовавшегося ЖПУ Московско-Ярославской и Московско-Воронежской с ветвями к Моршанску, Саратову, Борисоглебску и Ельцу железных дорог. Начальником управления являлся майор В.Н. Куликовский (1831–1885). 4 ноября 1869 г. штаб Корпуса жандармов одобрил его инициативу по разделению управления на 7 отделений.

Движение по железнодорожной линии от Грязей до Борисоглебска протяженностью 195 верст было открыто 4 декабря 1869 г. К этому времени завершилось формирование Борисоглебского жандармского железнодорожного отделения. Жандармский справочник 1884 г. свидетельствует о 27 служащих, входивших в его штат, – один офицер и 26 унтер-офицеров. В зону их деятельности входил участок от Грязей до Борисоглебска полностью⁸. Вскоре в российской жандармерии для нижних чинов учредили новую должность вахмистра, на которую переводили наиболее смелых и опытных унтер-офицеров, помогавших офицерам в хозяйственной деятельности и обучении нижних чинов строевой подготовке. Поэтому уже справочник 1886 г. отразил это нововведение – в составе Борисоглебского отделения служили 1 вахмистр и 25 унтер-офицеров⁹. Отметим, что численный состав отделения оставался практически неизменным до 1917 г., несмотря на увеличившийся в начале XX в. объем работы и большую протяженность вверенного им наблюдению пути¹⁰.

У современного исследователя благодаря иллюстрированному журналу «Вестник полиции» есть уникальная возможность увидеть борисоглебских жандармов воочию. В 1912 г. на его страницах была размещена их групповая фотография, сделанная рядом со зданием

Железнодорожные жандармы Борисоглебска. 1912 год

вокзала по случаю чествования вахмистра С.М. Хитрова, прослужившего в Отдельном корпусе жандармов 30 лет, «из коих 18 лет вахмистром отделения»¹¹.

В ходе ряда организационных изменений, вызванных ликвидацией старых и созданием новых управлений, Борисоглебское отделение побывало в составе разных ЖПУ ж. д.: Воронежского, Орловского (с 1887 г.), Харьково-Царицынского (с 1895 г.). В 1905 г. оно вновь вернулось в состав Воронежского ЖПУ ж. д. В разное время начальниками отделения были: капитан (позднее майор, подполковник) М.А. Змиов (1876-1891), ротмистр А.В. Мезенцов (1891-1893), подполковник В.А. Марченко (1899-1900).

С июля 1904 г. и вплоть до революционных событий 1917 г. Борисоглебским отделением руководил ротмистр (позднее подполковник) Михаил Николаевич Белявский. Отец шестерых детей, воспитанник Воронежского Михайловского кадетского корпуса, он родился в эпоху Великих реформ – 10 марта 1870 г. После успешного окончания кадетского корпуса продолжил военное образование в Петербурге – в 1-м Павловском училище, которое закончил с отличием в 1890 г. Тогда же вступил на службу в 122-й Тамбовский пехотный полк, в строю которого провел немногим более пяти лет. В январе 1896 г. поручик М.Н. Белявский перешел в Отдельный корпус жандармов, где служил исключительно в железнодорожных подразделениях. Его служба протекала преимущественно на территории современных Средней Азии и Украины. В Борисоглебск Белявского перевели с должности начальника Бобровского отделения Харьково-Царицынского ЖПУ ж. д.¹²

В Государственном архиве Воронежской области документы Борисоглебского отделения Воронежского ЖПУ ж. д. составляют отдельный фонд (И-277), включающий 108 единиц хранения, преимущественно начала XX в.¹³ Среди них сохранились протоколы о нарушениях порядка, составленные жандармскими унтер-офицерами, служба которых протекала на станциях, входивших в район деятельности отделения. Помимо Борисоглебска – это Поворино, Токаревка, Жердевка, Алексиково, Филоново, Мордово, Волконская, Ярыженская и др.

Железнодорожный жандарм был фигурой публичной, его могли наблюдать абсолютно все, кто выбрал для своих путешествий или деловых поездок перемещения по железной дороге. Образ жандарма, встречавшего и провожавшего поезда, так и вовсе стал неотъемлемой частью

железнодорожной инфраструктуры и переживаемых публикой на станциях и полустанках разнообразных чувств. «Жандарма потертая форма, / Носильщики, слезы. Свисток – / И тронулась плавно платформа; / Пропел в отдаленье рожок»¹⁴, – напишет один из поэтов Серебряного века. Жандарма хорошо знали железнодорожные служащие, политическую благонадежность которых он был обязан проверять.

В здании каждого российского железнодорожного вокзала находилась жандармская комната, в которой попеременно дежурили нижние чины. В случае необходимости блюстителя порядка можно было найти именно здесь. Сюда же частенько доставляли для выяснения личности, чтобы составить протокол о правонарушении и привлечь виновного к ответственности. К примеру, 22 ноября 1913 г. в 19.40 во время стоянки почтового поезда на станции Борисоглебск в зале 1-го класса появились три молодых человека. «Схватившись между собою руками под плечи, из которых два были сильно пьяны, громко кричали и смеялись, чем нарушали общественную тишину и спокойствие, и своим бурным появлением обратили внимание пассажиров»¹⁵, – зафиксировал в протоколе унтер-офицер Иван Титов. На предложение жандарма удалиться ответили отказом, сопровождавшимся угрозой со словами «мы тебе покажем». В жандармской комнате, в которую их удалось препроводить при посредстве железнодорожных служащих, после долгого запирательства буяны назвали свои имена. Ими оказались сотрудники Больше-Грибановского свеклосахарного завода: сын московского купца В. Яшке, крестьянин Тульской губернии В. Савельев и крестьянин Орловской губернии М. Гранкин. Выяснилось, что компания приехала в город еще утром с целью «провести время». Здесь они загуляли, вследствие опьянения побывали даже в доме терпимости, после чего и появились на станции, чтобы с ближайшим поездом отправиться обратно. В общей сложности нарушителям общественной тишины за появление в публичном месте «пьяным до беспамятства» и неисполнение распоряжений полицейской власти грозил штраф в кругленькую сумму¹⁶.

Протоколы составлялись жандармами от руки на листах, несколько превышающих современный формат А4. Степень изложения мысли и в целом уровень грамотности их составителей можно считать удовлетворительным. Документы датированы началом 1910-х годов и отражают картину происходивших вдоль линии железных дорог происшествий. Условно их можно разделить на две группы.

Как известно, поезд – транспортное средство повышенной опасности. Тем не менее, всегда находились люди, которые в силу разных причин игнорировали эту непреложную истину, рисковали жизнью и принадлежавшим им имуществом. Так, 24 марта 1913 г. около пяти часов вечера борисоглебский мещанин и легковой извозчик Дмитрий Новичков, проживавший в собственном доме в Станичной слободе, выехал в сторону города. По дороге с ним случилось несчастье. Подъезжая к железнодорожному переезду в направлении станции Звегинцево, он был остановлен сторожем, запретившим дальнейшее движение, поскольку в это время производилось маневрирование паровозом состава из десяти вагонов. Однако Новичков, движимый, судя по всему, жадой наживы (конечной его целью был поезд, прибывавший в Борисоглебск, на извозе пассажиров которого он мог заработать), самовольно открыл барьер, преграждавший путь на переезд, и выехал на железнодорожные линии. По словам служащих и обывателей, ставших очевидцами происшествия, «тут же его толкнуло идущими вагонами, прижало линейку к стрелке № 55, каковую и разрушило в куски»¹⁷. Новичков соскочил с линейки в сторону, чем спас себе жизнь. Лишь брусом вагона ему «сделалась незначительная царапина на правой ноге ниже колена». Для перевязки он был направлен в приемный покой. Лошадь также оказалась невредима.

Жандармский унтер-офицер Яков Никульшин узнал об этом событии от начальника станции Борисоглебск И.И. Соколова, лично сделавшего соответствующее заявление. После завершения осмотра места происшествия и опроса свидетелей жандарм составил протокол, дело было передано городскому судье для привлечения Д. Новичкова к ответственности по статье 76 Устава о наказаниях, в соответствии с которой ему грозил штраф в размере 50 рублей¹⁸.

Однако подавляющее большинство правонарушений, фиксировавшихся жандармскими железнодорожными нижними чинами, совершались на почве главного бича русского народа – пьянства. Из протокола унтер-офицера Петра Мороза, составленного 26 декабря 1912 г., мы узнаем, что в девятом часу вечера две крестьянки села Пески Новохоперского уезда Воронежской губернии, проживавшие в Борисоглебске за полотном железной дороги в Воровой деревне, Аграфена Плешакова и Фекла Верещагина пришли в железнодорожный театр на маскарад, устроенный в честь Рождественских праздников. При

входе в театр подошедший к ним сзади неизвестный человек, находясь «в пьяном состоянии и без всякого с их стороны повода» со словами: «Зачем стоите у дверей», ударил Плешакову кулаком по голове¹⁹. Крестьянка сделала заявление станционному жандарму и указала хулигана. Жандарм отправил неизвестного в городское полицейское управление, где он должен был содержаться до вытрезвления. Позже выяснилась его личность. Им оказался крестьянин Уваровской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Тимофей Данилов, проживавший в Борисоглебске на Гавриловской улице в собственном доме. Данилов указывал, что был пьян, поэтому не помнит, как и за что ударил женщину. Дело было передано в суд для привлечения виновного к ответственности. Ему грозил арест не свыше семи дней или денежное взыскание размером в 25 рублей²⁰.

Приведенные примеры иллюстрируют, насколько хлопотной была служба железнодорожных жандармов и вместе с тем необходимой для поддержания общественного порядка. В то же время дела политического характера занимали незначительную часть от общего объема. Отметим, что с момента своего учреждения и до Первой русской революции железнодорожные жандармы, в отличие от своих коллег в губернских управлениях и охранных отделениях, политическим сыском не занимались. Как можно было убедиться выше, круг их обязанностей замыкался исключительно на полицейских функциях в полосе отчуждения железных дорог и на объектах транспортной инфраструктуры. Однако события 1905 г. в корне изменили ситуацию. Как следствие, 7 августа 1906 г. Департамент полиции МВД выпустил циркуляр о привлечении офицеров ЖПУ ж. д. к политическому розыску. Рассуждая о мотивах подобного шага, высшие полицейские чиновники империи указывали на деятельность «Всероссийского железнодорожного союза», устроившего забастовки в октябре и декабре 1905 г. «Безнаказанное зарождение, развитие и выступление “Союза” произошли вследствие того, – говорилось в документе, – что чины ЖПУ ж. д., не занимаясь политическим розыском, не были надлежаще осведомлены о происходящем и не смогли дать достаточную оценку отдельным фактам, свидетельствовавшим о существовании столь опасного революционного сообщества»²¹. По мнению властей, «жандармская железнодорожная полиция ближайшим образом соприкасается с железнодорожной средой», поэтому «ее чинам легче приобретать агентуру в этой среде».

Забастовки в борисоглебских железнодорожных мастерских встречались и ранее, например, в 80–90-е годы XIX в. Как правило, они носили экономический характер. Первая крупная политическая стачка произошла летом 1903 г. Ротмистр М.Н. Белявский в этот и последующие годы отмечал развернутую членами РСДРП усиленную агитацию, направленную на железнодорожных служащих и рабочие массы. В 1905–1906 гг. встречались неоднократные попытки остановить работу мастерских и устроить забастовку²².

Поскольку успех сыска руководители политической полиции начала XX в. видели в секретных сотрудниках (осведомителях), освещавших деятельность антиправительственных групп, железнодорожным жандармам пришлось сразу же идти в ногу со временем, приобретая таковых. Наличие агентуры стало обязательным требованием. Оно во многом определяло профессиональную пригодность жандарма и влияло на его дальнейшие карьерные перспективы. В целях конспирации при сношении с агентом никто, кроме офицера, в чьем ведении он состоял, не знал его настоящего имени. Ему присваивалась кличка (псевдоним), под которой он проходил в агентурных сводках и документах финансовой отчетности. В разные годы осведомителями в Борисоглебске были сотрудники «Попугай», «Кошка», «Сокол», «Карпов», «Гвоздев», «Ястреб». Они освещали настроение среди служащих и рабочих железнодорожных мастерских, наблюдали за Станичной слободой, где преимущественно проживали мастеровые, следили за преступной агитацией на станции, в городе, уезде и вдоль линии всего района деятельности Борисоглебского отделения. Размер вознаграждения зависел от ценности сотрудника, добываемых им сведений, а также исторического периода, в который он действовал. В годы пика революционной угрозы услуги агентов оплачивались щедрее, нежели в годы затишья. Так, М.Н. Белявский доносил начальству о нанятых им с 1 декабря 1906 г. двух секретных сотрудниках за вознаграждение по 40 руб. каждому²³. Оба являлись выходцами из числа служащих на железной дороге, ни в каких организациях не состояли, один из них был беспартийным, другой по своим убеждениям анархист. Исходя из этого, никаких ценных сведений такие агенты предоставить не могли, вследствие чего сотрудничество с ними носило скоротечный характер: «Секретных сотрудников я не имею»²⁴, – доносил Белявский начальству в августе 1907 г. К тому же подавление революционных выступлений и в целом переход

общественно-политической борьбы в стены парламента поставили резонный вопрос о целесообразности наличия секретных сотрудников.

Приобретение агентуры активизировало создание районных охранных отделений (РОО) в структуре политической полиции. Циркуляр Особого отдела Департамента полиции от 21 марта 1908 г. ставил на вид начальнику Воронежского ЖПУ ж. д. генералу Д.Е. Кирсанову отсутствие в некоторых отделениях подведомственного ему Управления секретных сотрудников, что «несомненно отражается на осведомленности в революционной деятельности как местных противоправительственных организаций, так и отдельных их деятелей. Принимая во внимание, что политический розыск является главной и непременной обязанностью каждого офицера Отдельного корпуса жандармов», Департамент полиции просил Д.Е. Кирсанова обратить особое внимание на правильную постановку политического розыска в железнодорожных отделениях²⁵. По поручению начальника копию циркуляра сразу же направили в наиболее проблемные отделения, в число которых входило Борисоглебское, с резолюцией: «Для немедленного приобретения секретного сотрудника и донесения, с какого времени и за какую плату приобретен».

С мая 1908 г. и в дальнейшем в течение многих лет агентом М.Н. Белявского был «Сокол», служивший в железнодорожных мастерских и соприкасавшийся с борисоглебской группой социалистов-революционеров (эсеров). Однако, по словам ротмистра, сотрудничество с ним началось задолго до официального поступления в осведомители. Так, в самом начале декабрьской забастовки 1905 г. он доставил «совершенно точные сведения о главарях забастовки», после чего их уже на второй день удалось арестовать и восстановить порядок на станции²⁶. В дальнейшем, во время проведения дознания, «Сокол» предоставил жандармам ряд сведений о причастных к забастовке лицах. Результатом стал обвинительный акт с привлечением 38 человек, являвшихся членами забастовочного комитета, из которых 32 признали вину и получили сроки от шести месяцев до полутора лет заключения в крепости²⁷. Оказался полезным «Сокол» и летом 1906 г., когда среди рабочих железнодорожных мастерских началась агитация в пользу возобновления железнодорожной забастовки. Для этой цели использовалась лесная местность соседнего Новохоперского уезда, находившаяся всего в десяти верстах от Борисоглебска. Здесь собирались большие митинги, где по-

мимо всего прочего пролетариев подстрекали к устройству погрома в городе. По утверждению М.Н. Белявского, благодаря своевременным сведениям «Сокола» ему удалось узнать имена главных руководителей сходов, часть из которых была арестована и по распоряжению губернатора выслана из пределов губернии²⁸. Каким образом и в каком размере оплачивались услуги столь ценного агента в указанный период, документы, к сожалению, не уточняют.

Месячное жалованье «Сокола», начиная с момента официального поступления в осведомители весной 1908 г., составило 25 руб. В его обязанности входило «непрерывное наблюдение за недопущением революционной пропаганды среди рабочих больших железнодорожных мастерских в Борисоглебске, служащих на железной дороге и проживающих в полосе отчуждения»²⁹. В 1909 г. агентское жалованье было сокращено до 15 руб., а в 1910 г. – до 10³⁰. Главным образом это было связано с бездействием революционных партий и, как следствие, отсутствием на железной дороге и в городе разного рода агитации и тайных собраний. Правдивость сведений и обоснованность сделанных на их основе «Соколом» выводов подтверждались проверкой его докладов посредством постоянно находившегося в железнодорожных мастерских унтер-офицера Борисоглебского отделения Климова и унтер-офицера дополнительного штата Тамбовского ГЖУ Пастухова.

Немаловажным фактором, повлиявшим на снижение размера агентского вознаграждения, послужила недостаточная ценность «Сокола» как сотрудника. В конце 1908-1909 гг. Департамент полиции на фоне общего политического затишья и в связи со скандальным разоблачением Азефа стал отличаться финансовой прижимистостью, призывая местные органы политического сыска отказаться от услуг лиц, не приносящих пользу, и в целом сократить расходы на агентуру. В марте 1909 г. Департамент полиции начал масштабную акцию по «фактической проверке агентуры на местах для выяснения как личного состава всех секретных и вспомогательных агентов» на соответствие предъявляемым к ним требованиям, так и «размеров получаемого ими вознаграждения в связи с приносимой делу розыска пользой»³¹. От секретных сотрудников требовалось, чтобы они «непременно, обладая полной правдивостью, принадлежали бы вместе с тем к числу так называемых “партийных” людей, или, по крайней мере, к числу лиц, имеющих связи с партийными работниками на почве родственных или личных отношений»³².

4. Воронежский вестник архивиста

Для знакомства с постановкой агентуры на местах в различные уголки империи командировались офицеры и классные чиновники РОО. Ревизию Борисоглебского отделения осуществлял начальник Саратовского охранного отделения и по совместительству помощник начальника Поволжского РОО ротмистр А.П. Мартынов, известный современному исследователю по опубликованным в годы эмиграции подробным воспоминаниям. 6 августа 1909 г. он имел личное свидание с «Соколом», в ходе которого убедился, что агент «ни в какой организации никогда не состоял, не состоит и теперь», являясь беспартийным и с партийными вопросами незнакомым³³. Как результат, вознаграждение в 25 руб. за сведения общего характера было признано чрезмерным. С 1 мая 1911 г. «Соколу» и вовсе отказали в услугах, «ввиду проявляемой им большой склонности к спиртным напиткам»³⁴. Тем не менее, в октябре 1915 г. «Сокол», которого Белявский называл личным негласным сотрудником, вновь был принят в осведомители на 10-рублевый оклад «для наблюдения за настроениями рабочей массы в железнодорожных мастерских»³⁵.

В годы Первой мировой войны организации и «партии преступного характера» никоим образом себя не проявляли, настроение служащих и рабочих железнодорожных мастерских в Борисоглебске по-прежнему было «совершенно спокойное». Все были заняты работой на нужды армии. Разговоры и суждения велись исключительно на военную тематику, неся на себе отпечаток времени (1915 г.): о необходимости удаления всех немцев с заводов и из мастерских (особенно, где производились снаряды), так как они умышленно будут тормозить ход дела; о дороговизне, но, по данным жандармов, рабочие не проявляли недовольства, поскольку запрет на продажу спиртных напитков значительно повысил их заработок и трезвая масса стала заметно рассудительнее³⁶.

После падения самодержавия в 1917 г. новые власти в лице Временного правительства первым делом расформировали органы правопорядка, главным образом ненавистные им подразделения политической полиции. Офицеры и нижние чины были направлены в действующую армию, частью оказались не у дел (те, кто оказался старше 43 лет). Весной началась работа по разбору архивов, библиотек, цейхгаузов бывших жандармских частей по всей стране.

Летом 1917 г. при станции Борисоглебск работала комиссия по ликвидации бывшего Борисоглебского отделения Воронежского ЖПУ ж. д. в составе председателя (товарища прокурора Тамбовского окружного

суда по Борисоглебскому участку К.Г. Милевского) и двух членов (представителя от Борисоглебского уездного комиссара Временного правительства уездного члена Тамбовского окружного суда 2-го участка Борисоглебского уезда В.Н. Арнольда и уполномоченного от Управления ЮВЖД председателя Борисоглебского районного железнодорожного комитета П.А. Тишевского). 20 и 21 июня был произведен разбор архива, дел и переписка жандармского отделения. В соответствии с циркуляром МВД Временного правительства от 6 апреля 1917 г. документы распределялись по группам для дальнейшей передачи в соответствующие органы³⁷. Дела политического и уголовного характера надлежало отправить в Тамбовский окружной суд, по шпионажу – в штаб Московского военного округа, по строевой и хозяйственной части – уездному воинскому начальнику, остальные (конкретику которых установить не удалось) – в Управление ЮВЖД. Все бумаги в присутствии членов комиссии вложили в ящики, которые опломбировали, после чего сдали «для отправления по принадлежности малой скоростью». Цейхгауз с обмундированием для бывших нижних жандармских чинов следовало передать по описи начальнику станции А.П. Волостных, «согласно выраженному желанию борисоглебским районным железнодорожным комитетом, как нужные вещи для экипирования чинов железнодорожной милиции»³⁸.

Уничтожение новыми властями железнодорожной жандармерии оказалось сродни пирровой победе. Народная милиция, на которую были возложены функции ликвидированных учреждений, дискредитировала себя в рекордно короткие сроки, о чем свидетельствует резкое увеличение числа правонарушений на железнодорожном транспорте.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в 60–70-е гг. XIX в., сопровождавшиеся бумом железнодорожного строительства, жандармы оказались высоко востребованной группой служащих. Учитывая кадровый дефицит местной полиции, они представляли собой едва ли не единственную силу, способную предотвратить распространение беспорядков среди рабочих, не допустить срыва сроков введения в эксплуатацию инфраструктурных объектов и сохранить авторитет власти среди обывателей на должном уровне. В свою очередь, общества частных железных дорог, ожидавшие в обозримом будущем больших финансовых доходов, были готовы нести бремя содержания жандармских команд. В этом смысле необходимость организации

полицейского надзора была продиктована не только приверженностью руководства страны охранительным тенденциям, но и во многом очевидными обыденными потребностями железнодорожной отрасли, заинтересованной в поддержании общественного порядка и борьбе с экономическими преступлениями.

В начале XX в., наряду с полицейскими функциями, жандармские железнодорожные офицеры в обязательном порядке стали осуществлять политический розыск. Использование внутренней агентуры в целом по стране оказалось оправданным и принесло в скором времени свои плоды в виде подавления революционного движения. Количество секретных сотрудников в Борисоглебске, наблюдавших за настроениями рабочих железнодорожных мастерских, как правило, редко превышало одного. Этого было более чем достаточно, поскольку никакой активной деятельности в городе революционные партии не вели.

Таким образом, на примере первичного структурного звена железнодорожной жандармерии, каким являлось Борисоглебское отделение, прослеживаются функциональные изменения, произошедшие в пореформенный и поздний имперский периоды в ОКЖ и нашедшие свое отражение в российской провинции.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 1157. Л. 2.

² Там же. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 2-2 об.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же.

⁸ См.: Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 15 мая 1884 г. СПб., 1884. С. 94.

⁹ См.: Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 10 ноября 1886 г. СПб., 1886. С. 84.

¹⁰ В 1910-е годы борисоглебские жандармы «обслуживали» участок пути общей протяженностью 316 верст от Грязей до Бударино включительно с ветвью от Алексеево до Урюпино.

¹¹ Вестник полиции. 1912. № 47. С. 1039.

¹² Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 15 ноября 1912. Ч. 1-2. СПб., 1912. С. 427; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915. Ч. 1-2. Петроград, 1915. С. 415.

¹³ См.: Государственный архив Воронежской области: Путеводитель / Под общ. ред. В.В. Гурова. Воронеж, 2010. С. 48.

¹⁴ См.: Белый А. В вагоне // Белый А. Собрание стихотворений, 1914. – Репринт. изд. / Подгот. изд. А.В. Лавров. М.: Наука, 1997. С. 138.

¹⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-277. Оп. 1. Д. 60. Л. 465.

¹⁶ Там же. Л. 466.

¹⁷ Там же. Л. 68-68 об.

¹⁸ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: С доп. по 1 янв. 1879 г. / Сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н.С. Таганцевым. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1879. С. 113.

¹⁹ ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 60. Л. 18-19.

²⁰ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями... С. 68.

²¹ ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 24. Л. 252.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 28 об., 64 об.

²⁸ Там же. Л. 9 об., 29 об.

²⁹ Там же. Л. 25.

³⁰ Там же. Л. 84, 133.

³¹ Там же. Л. 55–55 об.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 81. Можно сказать, что тогда же произошло разоблачение «Сокола», поскольку ранее во всех отчетных документах М.Н. Белявский упоминал его как члена борисоглебской группы ПСР.

³⁴ Там же. Л. 159.

³⁵ Там же. Л. 348.

³⁶ Там же. Л. 348-349.

³⁷ Подробнее см.: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 17. Л. 1-1 об.

³⁸ ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

Социальная защита студентов вузов и учащихся техникумов областей Центрального Черноземья в 1960–1980-е годы

В.А. Перцев,

*д. и. н., руководитель управления
по охране объектов культурного
наследия Воронежской области*

Одной из форм организации социальной поддержки студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений в 1960–1980-е гг. являлась выплата им стипендий. 31 марта 1960 г. СМ СССР принял постановление № 370 «О порядке выплаты именных стипендий студентам высших учебных заведений СССР»¹. Для упорядочения выплаты именных стипендий студентам вузов признавалось целесообразным выплачивать им ранее установленные стипендии имени выдающихся партийных, государственных и общественных деятелей, выдающихся деятелей науки, техники и культуры в размере 60 руб. в месяц². Перечень именных стипендий состоял из более 100 фамилий известных деятелей советского государства и других стран мира: «<...> Имени П.П. Аносова в количестве 2 стипендий; академик А.Н. Баха – 4; академика И.Н. Бурденко – 4; И.Ф. Гамалея – 2; А.С. Грибоедова – 4; Народного акына Казахстана Джамбула Джамбаева – 2; Ф.Э. Дзержинского – 8; В.В. Докучаева – 4 и др.»³.

Хорошо успевавшие студенты, учащиеся средних специальных учебных заведений, ПТУ получали государственные стипендии. В соответствии с приказом министра высшего образования СССР от 14 августа 1956 г. № 648 и приказом министра высшего и среднего специального образования СССР от 26 июля 1963 г. № 245 государственные стипендии назначались студентам вузов, обучавшимся с отрывом от производства, с учетом успеваемости и материального положения. Стипендиальное обеспечение предусматривалось для студентов, получивших на экзаменах отличные и хорошие оценки, в отдельных

случаях – и имевшим удовлетворительные оценки, если они «оказались в сложной жизненной ситуации»⁴. 1 октября 1963 г. приказом министра высшего и среднего специального образования СССР № 301 утверждалась инструкция о порядке назначения и выплаты стипендий студентам высших учебных заведений⁵. Государственные стипендии назначались стипендиальными комиссиями, сформированными из числа руководства факультетов, преподавателей и студенческого актива. Если студенческий контингент факультета превышал 500 человек, то создавались курсовые стипендиальные комиссии⁶. Стипендиальное обеспечение предоставлялось направленным в вузы промышленными предприятиями, совхозами и колхозами⁷. Студентам из числа направленных в вузы стипендии назначались и ежемесячно выплачивались непосредственно предприятиями, стройками, совхозами и колхозами, направившими их на учебу, в размере на 15% выше стипендии, установленной для данного курса⁸.

С 1 сентября 1972 г. стипендии студентам вузов повышались на 25% и учащимся средних специальных учебных заведений – на 50%. Устанавливались следующие размеры стипендий: студентам вузов в зависимости от специальностей и курса обучения – от 40 до 60 руб. в месяц и учащимся средних специальных учебных заведений в зависимости от специальностей на всех курсах обучения – от 30 до 45 руб. в месяц⁹. На повышение стипендий и расширение числа стипендиатов в девятой пятилетке дополнительно выделялось 1,5 млрд руб.¹⁰ С помощью стипендиальной системы создавались возможности для получения качественного профессионального образования широкими слоями населения вне зависимости от уровня их материального достатка.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с обострением социально-экономической ситуации в стране возросла роль работы по улучшению материального положения студенческой и учащейся молодежи. Появившиеся нормативно-правовые документы¹¹ рекомендовали дифференцировать нуждавшихся в дополнительных финансовых средствах студентов по уровню материальной обеспеченности и использовать стипендиальный фонд для стимулирования учебной работы и повышения творческой активности. Минвуз СССР 15 июля 1987 г. издал приказ № 508, обязавший ректоров вузов всем студентам, имевшим по результатам экзаменационной сессии только отличные оценки, повышать размер стипендии на 50%, а имевшим только хорошие

и отличные оценки – на 25%¹². Принятое решение расширило состав студентов, на которых распространялись государственные материальные выплаты и в сложных жизненных условиях обеспечило определенные социальные гарантии.

7 апреля 1990 г. СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли совместное постановление № 330, в соответствии с которым стипендии выплачивались всем успевавшим студентам, не имевшим академических задолженностей по результатам экзаменов. 19 марта 1991 г. Кабинет Министров СССР расширил контингент студентов, которым по результатам экзаменационных сессий назначалась государственная стипендия, и повысил размер стипендиальных выплат¹³. 20 августа 1991 г. приказом Государственного комитета СССР по народному образованию № 386 утверждалась инструкция о порядке назначения и выплаты стипендии студентам вузов, предусматривавшая новые социальные гарантии для студентов, обучавшихся по целевым направлениям промышленных предприятий, организаций и учреждений¹⁴.

Можно констатировать, что на протяжении 1950–1980-х гг. государственная социальная политика предусматривала улучшение материального положения учащейся и студенческой молодежи. Осуществлявшиеся мероприятия создавали студенчеству необходимые жизненные условия и стимулировали заинтересованное отношение к обучению. Под влиянием социально-экономической обстановки конца 1980-х гг. активизировалась деятельность по обеспечению социальной защиты учащихся средних специальных учебных заведений, системы профессионально-технического образования и студентов вузов. Однако государственное стипендиальное снабжение формировало низший предел материального обеспечения. Для повседневной жизни обучавшейся молодежи требовалась дополнительная денежная и натуральная помощь родителей и родственников.

Организация социальной защиты студенческой и учащейся молодежи происходила в условиях расширявшейся образовательной системы. За 1950–1980-е гг. увеличилось количество общеобразовательных школ, ПТУ, средних специальных учебных заведений и вузов. Вырос контингент обучавшихся в них учащихся и студентов¹⁵. В 1989 г. в общей численности рабочих кадров, подготовленных для народного хозяйства РСФСР, удельный вес обученных в ПТУ

составил 27%, непосредственно на производстве – 73%. В 1980 г. этот показатель составлял соответственно 23% и 77%¹⁶. В 1989 г. 22,5 тыс. квалифицированных работников были подготовлены ведомственными профессиональными училищами¹⁷.

Существенные изменения произошли в системе высшего, среднего специального и профессионально-технического обучения Центрально-Черноземного экономического района. Электронная и электротехническая отрасли, машиностроение и металлообработка, химическое и металлургическое производства ЦЧЭР ставили перед вузами, техникумами и ПТУ перспективные задачи, связанные с подготовкой специалистов для работы в условиях научно-технического прогресса. В соответствии с темпами развития областных народнохозяйственных комплексов в 1980-е гг. в ЦЧЭР сформировалась сеть специальных образовательных учреждений. Студенческий контингент численно вырос в Белгородской и Липецкой областях. В Курской области численность обучавшихся студентов практически не изменилась. В Воронежской и Тамбовской областях количество студентов вузов сократилось. Число вузов Центрального Черноземья в 1989 г. было ниже состава аналогичных учреждений в Центральном экономическом районе, но превышало количество учреждений высшего профессионального образования в Волго-Вятском районе¹⁸.

Однотипные явления отмечались в системе среднего специального образования. Несмотря на высокую потребность народного хозяйства региона в специалистах с таким уровнем базовой профессиональной подготовки, в Центральном Черноземье произошло сокращение численности учащихся средних специальных учебных заведений. В 1989/1990 учебном году по сравнению с 1980/1981 учебным годом численность учащихся средних специальных учебных заведений региона уменьшилась на 9,8%. В пределах РСФСР аналогичное сокращение составило 11,5%, в Центральном районе – 16,8% и в Волго-Вятском районе – 14,4%¹⁹. Статистические сборники содержат сведения о том, что в конце 1980-х гг. в ЦЧЭР сохранялась объемная группа образовательных учреждений со средней специальной профессиональной подготовкой, уступавшая только аналогичным показателям в Центральном и Волго-Вятском районах²⁰.

Численный состав учащихся средних специальных учебных заведений Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей

в 1980-е гг. сокращался. В Белгородской области контингент учащихся средних специальных учебных заведений вырос²¹, что объяснялось высокой интенсивностью индустриального развития и расширением промышленно-производственной базы. Выпускники средних специальных учебных заведений Белгородской области преимущественно трудоустраивались на местные промышленные предприятия, так как их профессиональная подготовка соответствовала характеру производственно-технического состояния индустриальной и аграрной сферы²². Эффективность образовательной деятельности региональных средних специальных учебных заведений в целом удовлетворяла существовавшие потребности промышленно-производственных отраслей народного хозяйства и сферы услуг. По оценке администрации ведущих промышленных предприятий региона, к ним на работу устраивались основательно подготовленные специалисты среднего звена²³.

Изменения произошли в системе профессионально-технического образования. Внедрение в производство достижений научно-технической мысли, механизация и автоматизация технологических процессов предъявляли повышенные требования к уровню квалификации работников, выполнявших обычные трудовые операции. Партийно-государственные постановления, направленные на расширение сети ПТУ, способствовали росту их числа в РСФСР и в областях ЦЧЭР²⁴. В 1976/1977 учебном году по сравнению с 1970/1971 учебным годом число средних ПТУ в РСФСР возросло в 5,9 раза, количественный состав обучавшихся в них увеличился в 9,2 раза. В Центральном экономическом районе соответствующие показатели возросли в 6,3 и 10,3 раза; в Волго-Вятском районе – в 6,1 и 10,2 раза; в Центрально-Черноземном районе – в 4,5 и 7,2 раза. Аналогичный численный рост наблюдался в областях Центрального Черноземья²⁵. Расширение системы профессионально-технического образования не всегда сопровождалось качественными изменениями в уровне подготовки молодых работников. Не соответствовавшая потребностям достигнутого уровня индустриального развития материально-техническая база ПТУ и недостатки в организации учебного процесса отрицательно сказывались на профессиональной квалификации выпускников. На крупных промышленных предприятиях сформировалась система повышения квалификации молодых рабочих, пришедших на производство после окончания профессионально-технических учебных заведений²⁶.

С середины 1950-х гг. наметились изменения в составе студентов вузов Центрального Черноземья. При норме приема на первый курс всех факультетов ВГУ в 1955 г. 475 человек было подано 1098 заявлений. Контингент первого курса составил 500 человек, превысив плановые показатели приема на 25 человек²⁷. В 1959 г. на первые курсы ВГУ были зачислены 482 человека, в том числе лиц с производственным стажем, включая демобилизованных из Советской Армии, 315 человек, что составило около 65%²⁸. На 1 июня 1960 г. в ВГУ обучались 6056 студентов, в том числе на дневном отделении – 2632 студента, на вечернем отделении – 619 студентов и на заочном отделении – 2805 студентов²⁹.

На протяжении 1960-1970-х гг. численный рост студентов ВГУ продолжился. На 1 января 1979 г. контингент студентов университета включал 6951 человек, из которых мужчины составляли 2191 человек и женщины – 4760 человек³⁰. Благодаря открытию подготовки по новым специальностям и количественному росту контингента на отдельных факультетах на 1 января 1989 г. в ВГУ насчитывалось 6650 студентов³¹.

Наряду с решением вопроса об укреплении материально-технической базы, ректорат ВГУ, руководство факультетов предпринимали шаги по совершенствованию учебно-воспитательного процесса. Анализируя успеваемость в 1955 г., ректор университета отметил: «Только 58% студентов сдали все экзамены с отличными и хорошими оценками»³². В дальнейшем студенты повысили уровень общей и профессиональной подготовки³³. Выступая на заседании Ученого совета с анализом сдачи сессий в 1969/1970 учебном году, Б.И. Михантьев отметил: «Успеваемость по ВГУ составила: в зимнюю сессию 84,6%, в зимнюю сессию 88,4%»³⁴.

Изучение отчетов об учебно-воспитательной деятельности ВГУ за 1978/1979 учебный год показывает, что за десятилетие произошли существенные изменения в отношении студентов к учебному процессу. За зимнюю экзаменационную сессию 1978/1979 учебного года по всем предметам получили «отличные» оценки 924 человека, или 13,8%; на «отлично» и «хорошо» и только на «хорошо» сдали экзамены 2767 человек, или 41,4%; преимущественно на «удовлетворительно» – 2314 человек, или 34,7%; только на «удовлетворительно» сдали 239 человек, или 3,6% и получили «неудовлетворительные» оценки по одному или нескольким предметам 350 человек, или 6,5%³⁵. Материалы свидетельствуют о повышении уровня успеваемости студентов. Однако наряду

с успешно овладевавшими учебными дисциплинами сохранялись студенты, не справлявшиеся с выполнением учебных планов и программ³⁶.

В 1980-е гг. в ВГУ появились новые специальности и специализации, реализовывались новые учебные планы, программы, издавались учебно-методические пособия, что положительно сказалось на качестве профессиональной подготовки. Отчетные документы администрации ВГУ за 1988/1989 учебный год демонстрируют в процентном соотношении результаты зимней экзаменационной сессии студентов дневного отделения: для «сдавших по всем предметам учебного плана, выносимым на сессию» студентов 1 курсов – 87,3%; 2 курсов – 83,4%; 3 курсов – 88,0%; 4 курсов – 85,1%; 5 курсов – 93,4% и 6 курса (исторический факультет) – 100,0%, в целом по категории – 87,3%. Экзаменационную сессию только на «отлично» сдали 12,8%, в том числе по отдельным курсам: 1 курс – 10,3%; 2 курс – 12,1%; 3 курс – 10,8%; 4 курс – 12,0%; 5 курс – 20,4% и 6 курс – 12,8%³⁷.

Студенты, сдавшие экзаменационную сессию на «отлично», претендовали на получение повышенной студенческой стипендии. Сдавшие на «отлично» и «хорошо» и только на «хорошо» претендовали на получение обычной студенческой стипендии. В ВГУ по результатам зимней экзаменационной сессии 1988/1989 учебного года для получения обычной стипендии рекомендовалось 40,3% студентов. По отдельным курсам показатели составили: для 1 курсов – 39,3%; 2 курсов – 40,0%; 3 курсов – 41,5%; 4 курсов – 37,4%; 5 курсов – 44,0% и для 6 курса – 28,6%³⁸. Общая успеваемость студентов, сдававших зимнюю экзаменационную сессию 1988/1989 учебного года, в целом по ВГУ составила 93,1%. По отдельным курсам данный показатель составил: на 1 курсах – 91,8%; 2 курсах – 92,3%; 3 курсах – 92,8%; 4 курсах – 93,1%; 5 курсах – 96,5% и на 6 курсе – 100,0%³⁹.

Можно сделать вывод о том, что во второй половине 1950–1980-х гг. успеваемость студентов вузов была высокой и по результатам сдачи экзаменационной сессии стипендиальное обеспечение получали от 40% до 50% студентов, из которых для 10% до 15% предусматривалась повышенная стипендия. По заключениям стипендиальных комиссий стипендии назначались остро нуждавшимся студентам, получившим наряду с «отличными» и «хорошими» также «удовлетворительные» оценки. По смете на 1970 г. сумма стипендиального фонда ВГУ по студентам дневного отделения составила 1909 тыс. руб.; по

аспирантам – 153 тыс. руб.; по иностранным студентам и аспирантам – 186 тыс. руб. и по слушателям факультета повышения квалификации – 8 тыс. руб. Общая сумма стипендиального фонда равнялась 2256 тыс. руб.⁴⁰

Для студентов очной формы обучения предусматривались и другие виды стипендиального обеспечения. Отдельные студенты обучались по целевым направлениям, и стипендии им выплачивались из фондов предприятий, организаций, учреждений. Назначение и выплата денежных средств для таких студентов не зависели от успеваемости. В 1970 г. в ВГУ 22 студента очной формы обучения получали стипендии от предприятий, направивших их на учебу⁴¹. В 1989 г. материальное обеспечение от предприятий, организаций и учреждений получали 420 студентов-целевиков ВГУ⁴².

Студентам, достигшим особых успехов в учебной и научной работе, выплачивались именные стипендии. 25 февраля 1956 г. ректор ВГУ Б.И. Михантьев направил в Министерство высшего образования СССР начальнику Главного управления университетов, экономических и юридических вузов М.А. Прокофьеву служебную записку, в которой ходатайствовал о назначении во втором семестре 1955/1956 учебного года студентам университета именных стипендий: имени И.В. Сталина студентам В.Л. Афанасьеву, Л.П. Бахтиной, В.С. Зотову, Д.М. Крамаренко, И.Ф. Николайчуку, Г.В. Рыбалкину, В.Н. Стебаковой; имени И. Ньютона студенту А.Ф. Журавлеву; имени 15-летия ВЛКСМ студенту Н.А. Котукову⁴³.

В дальнейшем практика назначения студентам именных стипендий сохранилась и расширилась. 31 октября 1989 г. ректор ВГУ В.В. Гусев подписал приказ «Об именных стипендиях на 1989/1990 учебный год»: стипендия имени В.И. Ленина в размере 130 руб. в месяц устанавливалась студентам А.В. Селезневой, О.В. Баулину, А.В. Кирносу, Н.Ю. Рубанович; имени Н.Г. Чернышевского в размере 110 руб. в месяц – О.В. Соколовой⁴⁴.

Администрация учебных заведений контролировала решение других вопросов повседневной жизни обучающихся. К их числу относились обеспечение студенческой молодежи питанием и создание условий для проживания. В подготовленной 1 января 1977 г. директором воронежского городского треста столовых № 2 Б.И. Сандлером информационной справке о состоянии организации питания студентов и учащихся в

высших и средних специальных учебных заведениях г. Воронежа, отмечалось: «В девяти вузах обучаются 57,5 тыс. студентов и 6,7 тыс. учащихся обучаются в техникумах и училищах. Профессорско-преподавательский и вспомогательный персонал учебных заведений насчитывает 12,1 тыс. человек. Для обслуживания этого контингента горячим питанием и буфетной продукцией функционируют 19 столовых на 3432 посадочных места, 49 буфетов и раздаточных на 1131 посадочное место. С 1971 г. по 1976 г. сеть студенческих столовых увеличилась на 1615 посадочных мест»⁴⁵.

Цены в столовых в целом соответствовали уровню материального дохода студентов. На 25 февраля 1977 г. меню включало следующие блюда: капуста с рисом – 0-09 коп., борщ из квашеной капусты со свиной – 0-28 коп., суп-харчо из говядины – 0-35 коп., пельмени со сметаной – 0-35 коп., шницель говяжий рубленый натуральный с картофельным пюре – 0-39 коп., чай с сахаром – 0-03 коп., какао – 0-10 коп., кисель – 0-08 коп.⁴⁶ Можно сделать вывод, что обычной студенческой стипендии было достаточно для обеспечения питания студенческой молодежи.

В высших и средних специальных учебных заведениях ЦЧЭР в 1950–1980-е гг. строились новые и благоустраивались действовавшие студенческие общежития. Информация об обеспеченности общежитиями иногороднего контингента обучавшихся в ВГУ свидетельствует о том, что в 1970 г. жилыми местами в собственных общежитиях университета были снабжены 32,0% обучавшихся на дневном отделении студентов, 66,1% аспирантов, 100,0% иностранных учащихся и слушателей курсов повышения квалификации, 40,0% слушателей рабфака. 68,0% иногородних студентов проживали на съемных квартирах. Из общего количества проживавших на частных квартирах 34,9% получали дотации на оплату арендуемых жилых помещений⁴⁷. В предоставлении дополнительных мест в студенческих общежитиях нуждались иногородние семейные студенты. В 1978/1979 учебном году в ВГУ к семейным студентам относились 13,4% контингента обучавшихся на дневном отделении. Более 50% от этого состава проживали в студенческих общежитиях⁴⁸. Несмотря на то что администрация высших учебных заведений РСФСР внимательно относилась к организации учебно-воспитательного процесса и обеспечению жилищно-бытовых условий, возникали социальные проблемы, приводившие к жалобам студентов и их

родителей в вышестоящие органы⁴⁹. Жалобы на администрацию ВГУ были связаны с необоснованным отчислением и низкой обеспеченностью студентов очной формы обучения общежитиями⁵⁰.

Отдельным направлением внеучебной работы являлись участие в сельскохозяйственных работах и производственная деятельность в составе студенческих строительных отрядов. Студенты вузов, учащиеся училищ и техникумов под руководством преподавателей в осенние месяцы работали на полях, в садах колхозов и совхозов, собирая выращенный урожай. Потери учебного времени компенсировались сокращенными лекционными курсами и небольшим количеством семинарских занятий⁵¹. Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы СМ СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, Президиум ВЦСПС 5 июня 1974 г. приняли постановление о порядке и условиях направления студентов учебных заведений и учащихся средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ на сельскохозяйственные работы в 1974 г. За студентами вузов, учащимися средних специальных учебных заведений и ПТУ, направленными на сельскохозяйственные работы, сохранялись выплата стипендий и бесплатное питание. Студентам и учащимся выплачивалась заработная плата за выполненные объемы сельскохозяйственных работ, но не могла быть менее 1 руб. 20 коп. в день⁵².

На основании постановления ЦК КПСС «О письмах трудящихся в связи с привлечением учащейся молодежи на сельскохозяйственные и другие работы, не связанные с учебным процессом»⁵³ воронежские обком 29 апреля 1980 г. и облисполком 27 августа 1981 г. утвердили комплексы мер по привлечению студенческой и учащейся молодежи на сельскохозяйственные работы⁵⁴. Рекомендовалось активнее использовать молодежь вузов, техникумов и училищ на уборке урожая. В связи со сложными погодными условиями на сельскохозяйственные работы в 1981 г. привлекалось более 22 тыс. студентов вузов, учащихся средних специальных учебных заведений и ПТУ. Для руководства работами в вузах создавались оперативные штабы. Уборка урожая осуществлялась также по принципу студенческих строительных отрядов⁵⁵.

Однако привлечение студенческой и учащейся молодежи в учебное время на уборку урожая не оказывало существенной практической помощи сельскохозяйственным предприятиям, являлось вынужденной и

экономически не обоснованной мерой, в большей степени вызванной недостатком рабочих кадров на селе. Отсутствие в течение длительного времени на занятиях отрицательно сказывалось на качестве профессиональной подготовки специалистов.

В ЦЧЭР на протяжении 1970–1980-х гг. в высших и средних специальных учебных заведениях ежегодно создавались студенческие трудовые отряды как строительного профиля, так и нестроительной квалификации⁵⁶. Находясь в отрядах строительного и нестроительного профиля, молодежь овладевала производственными навыками, формировала организаторские способности, зарабатывала дополнительные денежные средства.

Снижение жизненного уровня в период перестроечных процессов повлияло на положение студенческой и учащейся молодежи. В 1990 г. минимально гарантированный доход населения составлял 80 руб. С учетом инфляции на январь 1992 г. ВС России определил его в размере 342 руб. Опираясь на это решение, Федерация независимых профсоюзов России потребовала повысить с 1 марта 1992 г. минимальную заработную плату с 342 руб. до 1000 руб. в месяц⁵⁷. Пропорционально увеличивались размеры стипендиальных выплат. Однако даже с учетом индексации стипендий студенты оказались не в состоянии обеспечить себя денежными средствами в необходимом объеме.

Среди проблем перехода к рыночной экономике вопросы поддержания материального уровня студентов заняли особое место. В феврале–июне 1992 г. Министерство науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, Комитет по высшей школе, Воронежский государственный университет и Ассоциация научных организаций вузов Российской Федерации «Росвузнаука» при содействии межотраслевого предприятия «Петровский сквер» организовали социологическое исследование материального положения студенческой молодежи в условиях начавшейся перестройки. В процессе работы исследовались особенности вхождения студенческой молодежи в новые социально-экономические отношения, факторы, способствовавшие и препятствовавшие адаптации студентов к условиям рынка, нравственно-психологические аспекты восприятия молодыми людьми происходивших в стране перемен.

Большое значение уделялось выяснению роли факторов, оказывавших воздействие на материальное положение студенческой молодежи.

жи. В процессе опроса, определяя источники материальной обеспеченности, большинство респондентов, или около 70% студентов, указали на стипендию и помощь родных. Получая стипендию и помощь родителей, подрабатывали 20% участвовавших в опросе. 10% студентов ожидать поддержки родственников не приходилось. Из них ориентироваться только на свои силы вынуждены были 4% опрошенных. Основным источником их существования являлась стипендия и приработок. 6% студентов рассчитывали прожить в течение месяца только на стипендию⁵⁸. Для 89% студентов I-го курса стипендия являлась основным источником материального обеспечения. Из общего числа студентов, получавших стипендии в 1991 г., 79% получали обычную стипендию, 20% – повышенную и 1% – именную⁵⁹. Социологическое исследование показало, что молодые люди активно стремились к экономической самостоятельности и материальной независимости. Более 33% утвердительно ответили на вопрос о наличии дополнительного заработка. В ходе анализа проявилась тенденция к увеличению доли студентов, которым приходилось подрабатывать, и возрастала она от курса к курсу⁶⁰.

Одним из направлений в реализации государственной социальной политики являлась поддержка студенческой и учащейся молодежи, включавшая стипендиальное обеспечение, выплату стимулирующих денежных пособий, компенсаций за оплату съемного жилья, предоставление бесплатных путевок в дома отдыха и санатории. Сохранялась возможность для получения дополнительного заработка в виде трудоустройства на временную работу, участия в летних студенческих трудовых отрядах строительного и нестроительного профиля, выполнения разовых поручений. В условиях стабильной социально-экономической обстановки в стране сложившаяся структура материальных доходов студенческой и учащейся молодежи позволяла молодым людям обеспечивать жизненные условия. Обострение экономической ситуации в условиях перестройки оказало на студенческую молодежь негативное воздействие. Несмотря на меры по социальной защите студентов, учащихся средних специальных учебных заведений и ПТУ, уровень их повседневной жизни снизился. Молодые люди вели активный поиск источников получения дополнительных материальных средств, ограничивая время учебной деятельности.

¹ СП СССР. 1960. №. 10. Ст. 69. С. 286-294.

² Там же. С. 292-293.

³ Там же. С. 286-294.

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 257. Л. 111-115.

⁵ Там же. Л. 124-128.

⁶ Там же. Л. 129-132.

⁷ Там же. Д. 354. Л. 81-87.

⁸ Постановление СМ СССР «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для своих предприятий» от 18 сентября 1959 г. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 354. Л. 87-89.

⁹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений» от 18 окт. 1971 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1972. № 2. С. 154-156; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. 1971-1975 гг. С. 157; Правда. 1971. 25 окт.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. 1971-1975 гг. С. 157; Правда. 1971. 25 окт.

¹¹ Постановление ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О мерах по улучшению материальных и жилищно-бытовых условий аспирантов, студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений» от 13 марта 1987 г. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 412. Л. 34-37; СП СССР. 1989. № 34. Ст. 153. С. 871-872.

¹² ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 412. Л. 96-99.

¹³ Там же. Д. 574. Л. 67-71.

¹⁴ Там же. Л. 85-88.

¹⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 328, 350; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М.: Респуб. информ.-издат. центр, 1990. С. 119, 243, 263-264.

¹⁶ Там же. С. 119.

¹⁷ Там же. С. 119, 243.

¹⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 338, 346; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 321, 322, 327; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 474, 475; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М.: Респуб. информ.-издат. центр, 1990. С. 265-266.

¹⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 342, 346; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 320, 321, 324; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 476, 477; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М.: Респуб. информ.-издат. центр, 1990. С. 269-270.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф. 1. Оп. 7. Д. 23. Л. 155-156.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7676. Оп. 20. Д. 3207. Л. 84, 86.

²⁴ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 23. Л. 204-205; Оп. 12. Д. 29. Л. 77-79; Оп. 14. Д. 34. Л. 41-44; Оп. 16. Д. 21. Л. 19-21; Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 21. Д. 191. Л. 34-37; Оп. 26. Д. 218. Л. 22-24.

²⁵ Народное хозяйство Белгородской области за годы девятой пятилетки (1971-1975 гг.). Белгород: Белгородстат, 1976. С. 89-90; Народное хозяйство Воронежской области за годы девятой пятилетки. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1976. С. 101, 134; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М.: Статистика, 1971. С. 432, 435; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М.: Статистика, 1976. С. 452, 456, 462; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М.: Статистика, 1977. С. 300; ГАРФ. Ф. Р-7676. Оп. 20. Д. 3207. Л. 21-22.

²⁶ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 18. Д. 19. Л. 37-41; Д. 215. Л. 1-4, 14-19.

²⁷ ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 78. Л. 4, 5.

²⁸ Там же. Л. 18а, 19.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Д. 257. Л. 81.

³¹ Там же. Д. 763. Л. 19.

³² Там же. Д. 48. Л. 11-12; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 167. Л. 3; Д. 179. Л. 27-28.

³³ ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 257. Л. 81; Д. 48. Л. 50-51.

³⁴ Там же. Д. 154. Л. 12, 41; ГАОПИВО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 711. Л. 52.

³⁵ ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 78. Л. 6-7; Д. 257. Л. 8-12, 82-83.

³⁶ Там же. Д. 257. Л. 81-86.

³⁷ Там же. Д. 763. Л. 38.

³⁸ Там же. Л. 28-39.

³⁹ Там же. Л. 40-42.

⁴⁰ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 68. Д. 159. Л. 36.

⁴¹ Там же. Л. 100.

⁴² Там же. Д. 763. Л. 19.

⁴³ ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 51. Л. 118, 145.

⁴⁴ Там же. Д. 764. Л. 1-1 об.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-3086. Оп. 1. Д. 607. Л. 1-1 об.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-3084. Оп. 1. Д. 439. Л. 271-273.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 155. Л. 102-103.

⁴⁸ Там же. Д. 257. Л. 26-27.

⁴⁹ Там же. Д. 153. Л. 23, 24.

⁵⁰ Там же. Л. 24, 25, 26.

⁵¹ Там же. Д. 48. Л. 14-15.

⁵² Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-408. Оп. 2. Д. 1040. Л. 23, 24, 25.

⁵³ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 68. Д. 159. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

⁵⁶ ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 54. Д. 2402. Л. 1, 2, 4, 7, 15, 22, 27, 28, 38, 40, 47, 49, 53.

⁵⁷ Чупров В.И., Быкова С.Н. Материальное положение молодежи в России. М.: Наука, 1992. Вып. 2. С. 18.

⁵⁸ Материальное положение студентов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. С. 7.

⁵⁹ Там же. С. 7-8.

⁶⁰ Там же. С. 8.

Бомбардировка г. Воронежа 13 июня 1942 г.: документы и факты

***Г.В. Плохотнюк,**
краевед*

Трагические события, о которых пойдет речь, произошли 77 лет назад. Тогда, в июне 1942 г., подходил к завершению первый и самый тяжелый год Великой Отечественной войны. Эта война принесла для народов Советского Союза неисчислимое горе и страдание.

Некоторое время беда обходила стороной Воронеж. В июне 1942 г. это был далекий тыл, 150 км от передовых позиций. Фронт с зимы стабилизировался, и ничего не предвещало беды. И хотя с 22 июня 1941 г. в городе и области было объявлено военное положение¹, Воронеж жил обычной мирной жизнью крупного тылового города.

Вечер субботы 13 июня 1942 г. ... Работали кинотеатры, парки отдыха, летние площадки. Рабочие и служащие спешили в центр города, чтобы отдохнуть после трудовой недели. Военнослужащие получили увольнительные. А в Саду пионеров по случаю окончания учебного года состоялся праздник, на который пригласили несколько сотен успешно учившихся школьников.

Мое дальнейшее повествование пойдет о трагедии, которая произошла в этом саду 13 июня. Казалось бы, что здесь можно сказать нового, ведь написаны десятки статей, изданы книги, снят фильм, а в центре города установлен памятный камень с мемориальной доской? На нем написано: «13 июня 1942 года в бывшем городском Саду пионеров от бомб, сброшенных фашистами, погибло более 300 детей».

В 1980-е гг. увековечением памяти о погибших пионерах активно занималась писательница О.К. Кретьева. Она первая собрала воспоми-

нения очевидцев и участников давних событий, опубликовав их в прессе и в книге «Русский город Воронеж»².

Эмоциональный итог исследованиям по этой теме подвела книга Ф.З. Блинчевской и Е.Н. Чернобоевой «Сад пионеров. Трагедия войны», изданная в 2010 г.³ В книге собраны воспоминания очевидцев и участников. Воспоминания – важная и нужная составляющая исследовательской деятельности, но книга носит популярный характер, и в ней не использованы архивные документы. Тем не менее, документы сохранились и более 20 лет доступны исследователям. Некоторые из них частично цитировались, даже ссылки на них приводились с точным указанием архива и номера дела. Так, еще в 1997 г. в газете «Берег» была опубликована статья журналиста Евгения Шкрыкина «Пионерский сад смерти»⁴. Автор впервые использовал архивные документы из фонда Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) и отвечал на самый главный вопрос: «Сколько же было жертв?». Затем в 2008 г. вышла книга историка П.А. Попова «Твой крест, Воронеж», где документ о жертвах, выявленный Е. Шкрыкиным, был введен в научный оборот и рассмотрен в контексте истории городского управления Воронежа, в комплексе с другими источниками 1940-х гг.⁵

Хотя, казалось бы, разгадка истории находится в руках воронежских историков, эта тема по-прежнему окутана ореолом тайны и недосказанности, а ключевые архивные документы в широкой массовой печати полностью не опубликованы до сих пор⁶. Все это, несмотря на правдивые публикации краеведов о числе жертв, по-прежнему образует вокруг «Сада пионеров» устойчивый миф, который обосновывается старыми постулатами, где уровень познания трагедии отражен надписью на памятном камне – «погибло более 300 детей».

Так что же произошло 13 июня? Об этом красноречиво говорят документы из ГАОПИВО. И наиболее значимыми среди них являются два спецсообщения УНКВД по Воронежской области от 13.06.1942 г. и 14.06.1942 г., направленные в адрес первого секретаря Воронежского обкома ВКП/б/ В.И. Тищенко под грифом «Совершенно секретно»⁷. Название – «О результатах налета вражеской авиации на гор. Воронеж, 13 июня 1942 г.». Кроме документов УНКВД большой интерес представляет информационные записки № 363 и № 365 от заведующего облздравотделом И.Ф. Попова от 13 и 14 июня 1942 г., адресо-

ванные секретарю Тищенко⁸. Дополняет выше перечисленные документы «Донесение» начальника облуправления Трудрезервов Хасина от 15.06.1942 г. о пострадавших от бомбежки среди учащихся школы ФЗО № 13⁹. Проанализировав документы, можно проследить развитие событий в динамике.

Первое: 13 июня 1942 г. было совершено два налета вражеской авиации. Налеты совершались одиночными самолетами. В обоих случаях это были бомбардировщики.

Первый налет произошел «в 19 ч. 07 минут»¹⁰ и пришелся по центру г. Воронежа, в том числе и по Саду пионеров. Это был «вражеский самолет – «Хейнкель-111» (во 2-м спецсообщении был указан другой тип бомбардировщика – «Ю-88» (Юнкерс-88. – *Авт.*). «С высоты 7200 м сбросил на центральную часть города 16 ФАБ (фугасно-авиационная бомба. – *Авт.*): 15 – ФАБ-50 (весом 50 кг. – *Авт.*), 1 ФАБ – 500 (весом 500 кг. – *Авт.*). Все авиабомбы взорвались». «В результате бомбометания разрушено прямым попаданием здание редакции «Коммуна», 2-х этажное здание на территории зоосада (столовая школы ФЗО № 13. – *Авт.*), 4 одноэтажных здания в районе зоосада и сада «Пионер». Частично разрушено – один 2-х этажный дом, два 3-х этажных дома, три 4-х этажных дома» (среди них – комплекс зданий гостиницы «Бристоль». – *Авт.*). Помимо перечисленных зданий в результате бомбежки пострадали и другие строения.

Этот первый массированный налет на центр города стал неожиданностью для противовоздушной обороны, показал потерю бдительности, просчеты и упущения в рамках мероприятий ПВО. Хотя казалось, что Воронеж надежно прикрыт с воздуха. С июня 1941 г. были созданы областной и городской штабы МПВО (местной противовоздушной обороны. – *Авт.*)¹¹. Город, его транспортная и промышленная инфраструктура были прикрыты воинскими частями противовоздушной обороны Красной Армии, которые входили в зону ответственности Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО. Объявление сигнала «Воздушной тревоги» «для населения, промышленности, транспорта и других объектов гражданского ведомства» производилось по распоряжению командующего дивизионным районом или его заместителем, «через начальника МПВО и его штаб»¹². В воздухе Воронеж прикрывала 101-я иад (истребительная авиационная дивизия) ПВО в составе двух полков: 487-го и 573-го

иап ПВО¹³. Каждый из авиаполков располагался на собственном аэродроме, и за каждым из полков была закреплена определенная полетная зона для патрулирования. 101-я дивизия имела на своем вооружении в том числе и самые современные на тот момент советские истребители МиГ-3, способные перехватывать противника на больших высотах. «Воронеж и ближние подступы к нему от авиации противника» обороняли зенитчики 3-й дивизии ПВО¹⁴. Оборона дивизии была построена эшелонированно. С запада город прикрывали батареи 254-го зап (зенитно-артиллерийского полка)¹⁵. Пять батарей полка располагались вдоль городских окраин (в правобережной части Воронежа) и окаймляли город по дуге с севера (р-он СХИ) на юг (современный район военного аэродрома и Ближних садов). И еще одна батарея располагалась в районе з-да «Электроприбор» на Чижовке¹⁶. С востока Воронеж защищал 183-й зап, 4 батареи орудий ПВО среднего калибра прикрывали район левого берега от д. Песчанки до ст. Отрожка (в том числе и завод № 18 (авиазавод)). Отдельно и усиленно был защищен железнодорожный узел Отрожка, в том числе и несколькими зенитными батареями 183-го полка¹⁷. Кроме того, город и окрестности обороняли воины 4-го зенитно-пулеметного полка, 93-й, 96-й и 296-й озад (отдельные зенитные артиллерийские дивизионы ПВО)¹⁸. На вооружение 3-й дивизии и отдельных зенитных частей имелись также самые современные в РККА средства обнаружения и уничтожения вражеских самолетов, в том числе и 76-мм зенитные орудия, способные поражать летчиков люфтваффе на самых верхних эшелонах полета. Далеко вперед, к линии фронта, веером от Воронежа расходилась сеть дальних и ближних постов наблюдения, оповещения и связи 4-го полка ВНОС... Но вечером 13 июня этого оказалось недостаточно.

«Налет вражеской авиации был произведен на гор. Воронеж внезапно, без объявления «Воздушной тревоги», и до начала бомбежки зенитная артиллерия огонь не открывала. В результате население в период бомбежки не было укрыто, а общественные места: сады, парки, скверы переполнены населением...¹⁹.

В непростой ситуации оперативно сработали медики. Для оказания «медицинской помощи потерпевшим от воздушного нападения медико-санитарная служба Скорой помощи явилась в очаги поражения через 8-10 минут. Послано было 17 автомашин. Кроме этого использовал-

ся транспорт поликлиники Лечспецуправления и других организаций». В оказании помощи принимали участие 28 человек из состава городской Скорой помощи, 18 медработников из медико-санитарного взвода Центрального района, а также медики 1-го и 2-го медучастка Центрального района общим количеством 19 человек. Из Кагановичского района прибыло два звена медико-санитарного взвода в количестве 8 медицинских работников. Медицинская служба Скорой помощи оказала помощь всем пострадавшим в течение 1 час. 20 мин. В пункте Скорой помощи была произведена сортировка раненых по степени ранения». Раненые и травмированные направлялись в хирургическое и терапевтическое отделения областной больницы. Сразу после налета зав. облздравотделом Попов постарался проинформировать областное начальство о числе погибших и раненых после бомбардировки. А последствия действий гитлеровских летчиков были тяжелейшими. Общее число погибших и умерших от ран после первого налета составило 70 человек (по информации облздравотдела № 363. – *Авт.*). В том числе: «детей и подростков» – 30; «взросл. гражд. населения» – 31; военнослужащих – 9. Более 170 человек были ранены.

Огромную помощь медработникам на первоначальном этапе оказали группы самозащиты (добровольные медицинские и противопожарные дружины, созданные в многоквартирных домах и организациях из числа жильцов и работников. – *Авт.*). Особо отличились группы самозащиты по ул. Алексеевской, д. 22, и редакции «Коммуна».

В спецсообщениях и информационных записках отмечались и недостатки в работе по устранению последствий первой бомбардировки. «Бойцы формирования (МПВО. – *Авт.*) Центрального района прибыли в очаги поражения с большим опозданием /через 35 мин./, по причине отсутствия приписного автотранспорта и плохой работы связи... Не был обеспечен четкий порядок в очагах поражения со стороны службы охраны порядка безопасности... Штаб Центрального района практически не руководил мероприятиями по ликвидации последствий воздушного налета. В результате начштаба района тов. Синельников через 1 час 40 м. после налета не знал точной обстановки и количества пострадавших».

Второй налет произошел через два часа после первого. На этот раз неприятель не смог подлететь к городу незамеченным. Средства ПВО засекли противника. За 10 минут до начала налета, «в 21 час 10 м...

в гор. Воронеже объявлена «Воздушная тревога». В 21 ч. 20 м. вражеский самолет типа «Хейнкель-111» с высоты 4000 м сбросил 12 ФАБ – 50, из коих 1 не взорвалась. В результате налета имеются следующие разрушения: 1 ФАБ-50 сброшена на Комсомольский сквер, разрушений нет, пострадавших – 1 человек /легко раненный/. 2 ФАБ-50 сброшены в склад готовой продукции жиркомбината, причинив незначительные разрушения. Жертв нет. 2 ФАБ-50 сброшены на здание трикотажной фабрики. Пробив чердачное перекрытие, взорвались в подвальном помещении /в склад пряжи/, в результате чего возник пожар, который был ликвидирован противопожарными звеньями этой же фабрики. Пострадавшие: один убитый и один раненый. 2 ФАБ-50 сброшены в районе трампарка. Незначительно поврежден трамвайный путь, который был немедленно восстановлен аварийно-восстановительной бригадой трампарка. Жертв нет. 6 ФАБ сброшено около бензосклада з-да Сталина. Одна не взорвалась. Разрушений и жертв нет». «Никитинская, 50, – одна бомба 50-ти кг взорвалась. Разрушений и жертв нет». Во время повторного налета большинство населения города находилось в бомбоубежищах и укрытиях. Поэтому пострадавших было минимальное количество. Кроме того, бомбовый удар на этот раз пришелся не по центру города, а по промышленным предприятиям, где часть работников закончила смену и ушла к этому времени домой, а часть работников находилась в укрытиях. Второе: сколько же было жертв? Подобным вопросом интересовалось не одно поколение воронежских краеведов. Собственно, ответ был дан в 1997 г. в упомянутой выше статье Евгения Шкрыкина. Архивные документы свидетельствуют (цитируется полностью по спецсообщению УНКВД по Воронежской области от 14.06.1942 г.):

«Ведомость пострадавших в результате воздушного налета вражеской авиации на гор. Воронеж, 13 июня 1942 года.

I.

1. Всего пострадавших	247.
2. Из них убитых	71.
3. Тяжело раненных	96.
4. Легко раненных	80.

II.

Из них: Военнослужащих	56 человек.
Гражданских взрослых	88 --/--
Детей	103 --/--

III.

Из убитых и умерших 71 человек:	Военнослужащих	9 чел.
	Гражданс. взросл.	32 чел.
	Детей	30 чел.
Из тяжело раненных 96 человек:	Военнослужащих	40 чел.
	Гражданс. взросл.	14 чел.
	Детей	42 чел.
Из легко раненных 80 человек:	Военнослуж.	7 чел.
	Гражданс. Взрослых	42
	Детей	31

Начальник МПВО УНКВД по ВО Дельник /роспись/»²⁰.

Хотелось бы отметить, что в информационной записке № 365 заведующего облздравотделом И.Ф. Попова от 14 июня 1942 г., на основе которого была подготовлена ведомость Дельника, количество погибших детей трактуется чуть шире – «детей и подростков». Вот такие были цифры пострадавших от двух бомбардировок 13 июня 1942 г. Погибли и умерли от ран 62 человека из состава мирного населения (включая 30 детей и подростков). В том, что они соответствуют действительности, нет ни малейшего сомнения. Спецсообщение начальника УНКВД по ВО в адрес руководителя Воронежской области, 1-го секретаря обкома ВКП/б/ В.И. Тищенко – под грифом «Совершенно секретно» и только для служебного пользования.

Полагаю, что именно эти цифры и должны быть взяты за основу в освещении этих исторических событий. Несмотря на весь трагизм си-

туации, Воронеж на момент 13 июня оставался тыловым городом, где исправно функционировали городские службы, в обязанности которых входил и подсчет пострадавших. Справедливости ради надо подчеркнуть, что эти цифры соответствуют дате 14 июня. И, надо полагать, среди тяжело раненных 42 детей и подростков, а также 14 взрослых (всего 56 человек) в течение некоторого времени позже были и скончавшиеся от ран. Думаю, их общее число не превысило 5-10 человек.

Если делать общий вывод и отвечать на вопрос: «Сколько же, предположительно было жертв среди мирного населения?», можно ответить: около 70 человек. А если брать по отдельной категории «детей и подростков», то можно согласиться с выводом историка Павла Попова: «...в Саду пионеров никак не могло погибнуть больше 35-45 детей»²¹. Это даже если учитывать, что среди тяжело раненных случился высочайший уровень смертности в 25%. Кроме того, если учтем 11 подростков из числа учащихся, убитых в столовой ФЗО № 13, обозначенная цифра станет еще меньше. 30 минус 11 получаем 19 детей (это исходя из данных ведомости Дельника). Если же ученики были учтены как взрослые, тогда погибших детей будет 30.

Эти цифры идут вразрез с выбитыми на памятнике, но несколько не умаляют всю тяжесть этой первой трагедии, постигшей наш город.

Третье: о мифах, связанных с Садам пионеров. Многочисленные послевоенные воспоминания утверждают, что немецкая бомбардировка Воронежа произошла «на очень низкой высоте», был отчетливо слышен гул мотора, и пилот немецкого самолета хорошо знал местность, так как раньше прилетал на соревнования в 1940 г. в город Воронеж²². А все вражеские бомбы были сброшены в районе Сада пионеров. Все это подводит нас к тому, что враг произвел преднамеренную бомбардировку центра города, и в том числе Сада пионеров, во время пионерского слета для того, чтобы убить как можно больше мирных граждан и нанести ущерб инфраструктуре города.

Немецкие военные, несмотря на проводимую ими изуверскую работу, четко выполняли установки командования. И цели у них были обозначены военные. Немцами Воронеж рассматривался прежде всего, как «важный дорожный и военно-промышленный центр»²³. В директиве Верховного главнокомандования вермахта ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht (OKW) № 41 были четко поставлены цели и задачи на проведение «главной операции на южном участке»

летом 1942 г., немецкой авиации отводилась следующая роль: «...парализовать его (противника. – *Авт.*) коммуникации и железные дороги, ведущие к району боев»²⁴. В 1941 и 1942 гг. ВВС Германии проводили тщательную воздушную разведку Воронежа и окрестностей. За период с 19 июля 1941 г. по 23 мая 1942 г. противник совершил 13 бомбардировочных и 68 разведывательных полетов над столицей Черноземья и в ее пределах²⁵. Помимо аэрофотосъемки собиралась развединформация от немецких агентов и советских военнопленных об объектах Воронежа. Все это скрупулезно фиксировалось и обозначалось на подробных схемах и обработанных аэрофотоснимках промышленных, транспортных и военных объектов на территории Воронежа. Это можно проследить на основе карты-схемы «Окрестность Воронежа. 2-й выпуск от 3.07.1942 г. Вражеские позиции по состоянию на 12 июня 1942 г. Масштаб 1 : 25000»²⁶. На ней очень подробно обозначены несколько десятков военных и промышленных объектов, а также объектов инфраструктуры города Воронежа, многие из которых имеют точную привязку к местности. Например, в районе проспекта Революции, куда пришлось немецкое бомбометание, показаны были как раз военные объекты. Так, местоположение Дома Красной Армии (ныне пр. Революции, 32) на карте обозначено, как пункт, где могут находиться средние и высшие офицеры. А район современной школы № 28 и дома № 4 по ул. Комиссаржевской, а также дома № 8 (той же улицы) намечены, как штабы ВВС и других подразделений. И сведения немецкой разведки были достаточно верны. Так, например, зимой и весной 1942 г. (до апреля) в доме № 8 (совпадает с довоенной нумерацией) располагался запасной КП (командный пункт) 4-го зенитно-пулеметного полка²⁷. Да и с Домом Красной Армии противник не ошибся.

Проанализировав места падения авиабомб при первом налете, выложив их в схему с привязкой на местности и обозначив курс самолета, можно предположить, какие цели были у немецких пилотов в тот вечер. А их с учетом полного боезапаса бомбардировщика (16 авиабомб), скорее всего, было намечено несколько. Ключевое слово здесь «предположить», поэтому за отсутствием боевых приказов и оперсводок люфтваффе приходится опираться на немецкие карты и советские документы. Так вот, анализируя маршрут полета «Хейнкеля», а также разлет бомб по движению самолета от ул. Таранченко

до стадиона ОСПС («Труд»), можно предположить, что целями для бомбометания были определены не только военные объекты в центре города, а еще и основная, более важная цель (исходя из директивы № 41) – транспортный узел железнодорожной станции «Воронеж-І». Помешало врагу точно положить бомбы, достаточно большая высота бомбометания для «Хе-111» – свыше 6000 метров при практическом потолке полета «Хейнкеля» – 8000 м. Хотя бомбы легли почти рядом, в нескольких десятках метров от Дома Красной Армии и домов по улице Комиссаржевской, а до железнодорожного узла не долетели несколько сот метров. При примерной скорости бомбардировщика в «120-130 м/с»²⁸ ошибка немецкого бомбардира составила 4-5 секунд преждевременного сброса. Иначе говоря, произошел недолет. Немецкий штурман четко вывел самолет на цель, выбрав верный маршрут, но с бомбометанием чуть поспешил. Фашистский самолет подлетел к городу «по курсу 360 на высоте 6300»²⁹. Это значит, что самолет шел строго в направлении с юга на север со стороны левого берега реки Воронеж. Перед атакой на цель немецкий пилот дал левое крыло (немного повернув левее прежнего курса). Затем он резко снизил высоту до 6000 м и «с пикирования» произвел бомбометание по городу³⁰. Курс немца, как и высота, менялся. Экипаж был очень опытный, и противник совершал противозенитный маневр. Над городом после бомбежки он перешел на курс «225» (направление на запад) и левым резким креном вырулил на «180»³¹ (направление с севера на юг), при этом снизившись до «3000 метров»³². К сожалению, наши зенитчики вовремя не среагировали на вражеский бомбардировщик, хотя он подошел к городу через зоны ответственности двух батарей 254-го зенап и одной – 183-го зенап, и открыли огонь после произведенной бомбежки уже вдогонку, не навредив противнику. Враг летел над воронежскими улицами на высоте свыше 6 км от земли. Даже высококлассному штурману-бомбардиру не просто с такой высоты при приборах и прицелах того времени попасть в цель. На то, что немцами в Воронеже, возможно, был выбран главной целью железнодорожный узел, указывает оперразведсводка № 166 УПВО Юго-Западного фронта за 14 июня 1942 г.: «В течение истекших суток авиация противника бомбардировала ж. д. станции в армейском тылу и вела разведку одиночными самолетами боевых порядков войск, ж. д. станций и перегонов.

...Авиация противника вела разведку ж. д. района Мармыжи-Касторное-Воронеж-Усмань ...и бомбардировала ж. д. станции»³³.

Утверждения очевидцев о низколетящем самолете не выдерживают никакой критики. Самолет «Хейнкель-111», с размахом крыла 22,6 м и длиной 16,5 м (Ан-24 – 29,2 и 23,5 м. – *Авт.*) на высоте 6000-7000 м невооруженным глазом (иначе случайным очевидцем) с земли можно было наблюдать как плохо различимый небольшой силуэт (точку), а звук двух моторов «Юмо-211 Ф-2» мощностью по 1350 л. с. на таком расстоянии – слабослышным звуком. Возможно, свист падающих с большой высоты авиабомб мог быть истолкован впоследствии очевидцами как гул приближающегося самолета противника.

Кстати, возможно, именно первая неудача в бомбардировке (недолет) заставила немцев изменить тактику 2-го налета на Воронеж и снизиться на высоту 4000 м, что и привело к более точному прицеливанию, а также попаданию в объекты противника. Часть бомб поразила цель № 124 (обозначение на карте-схеме. – *Авт.*) – территорию дизельного завода им. Сталина. Причем и эта цель, скорее всего, шла в привязке с другим железнодорожным узлом – станция «Воронеж-II» (цель № 128). До него от современной территории бывшего завода «Воронеж-сельмаш» тоже сотни метров по прямой. Иначе говоря, выбор немцами нескольких целей по курсу бомбометания позволял противнику даже с большой высоты рассчитывать на попадание. И хотя второй немецкий экипаж вроде и справился с полетным заданием, положив бомбы на территорию моторостроительного завода им. Сталина, его действия все же оказались малоэффективны. Так как завод уже давно был эвакуирован в далекий тыл, поэтому в итоге результативность бомбометания оказалась низкой.

Полагаю, что еще один фактор повлиял на снижение противника при повторной бомбежке. Первый самолет без труда преодолел ПВО Воронежа. По нему зенитчики не успели вовремя открыть огонь, так как он не был обнаружен на подступах к городу, а истребители ПВО не успели вдогонку за ним. Немцы, наверное, посчитали слабой противовоздушную оборону Воронежа, с которой можно не считаться. Позже эта самонадеянность могла дорого обойтись второму экипажу фашистов. ПВО сработала, самолет засекли, объявили «Воздушную тревогу» и открыли заградительный зенитный огонь, израсходовав в

2,5 раза больше боеприпасов³⁴. И предположительно второй «Хейнкель» смогли перехватить летчики 101-й дивизии.

Существует несколько версий о том, кто сбросил бомбы на Воронеж. По одной из версий, возможно, один или оба налета на город 13 июня 1942 г. совершили летчики 55-й бомбардировочной эскадры «Гриф» (Kampfgeschwader 55 «Greif»). К этому подталкивает один немецкий документ, пока косвенно подтверждающий действия этих палачей над Воронежем. В сводке № 4350/42 шестого отдела службы генерал-квартирмейстера люфтваффе за 20.06.1942 г. среди потерь 4-го воздушного флота значится ранение бортстрелка из экипажа самолета «Хейнкель-111 Х6» штабной эскадрильи 55-й бомбардировочной эскадры, полученное им 13 июня 1942 г. над Воронежем в результате атаки советского истребителя³⁵. Надо полагать, что это был бомбардировщик, совершивший 2-й налет на город. Его почти удалось перехватить и сбить. Но, увы, почти... Высота 4000 м, готовность нашего перехватчика – и только удачное маневрирование бомбардировщика, а также оборонительные действия немецких стрелков позволили спасти машину. Возможно, у нашего летчика кончился боезапас, и добить врага он не успел. Но до этого удачно приложил очередь по «Хейнкелю», ранив бортстрелка. 55-я бомбардировочная эскадра размещалась на аэродромах Харькова, Сталино (Донецк) и Днепропетровска. По прямой от Воронежа до Харькова – 350 км, до Днепропетровска – 570 км. И то, и другое расстояние преодолимо бомбардировщиком «Хе-111». В первом случае – за 1 час (по всей вероятности, это был аэродром Харькова), во втором – 1,5 часа.

Согласно спецсообщению заместителя начальника УНКВД по Воронежской области капитана госбезопасности И.Г. Прошакова, которое было им составлено за три месяца до большой трагедии в Саду пионеров, «О недочетах боевой работы 101-й истребительной авиадивизии»³⁶, боевая работа этой дивизии находилась на низком уровне, а «...появляющиеся в районе города Воронежа вражеские самолеты беспрепятственно ведут разведку объектов, фотографируют их и бомбят. Учитывая усиление за последнее время деятельности вражеской авиации по разведке района Воронежа, Особый Отдел 101-й иад считает возможным, что немцы, не встречая должного отпора истребительной авиации ПВО, попытаются произвести массированные налеты на город Воронеж... Между штабом 101-й иад и штабом дивизии

ПВО нет слаженности в работе. Посты ВНОС о вражеских самолетах сообщают с большим опозданием, когда противник бывает в 20-25 километрах от Воронежа. Поэтому истребители поднимаются лишь тогда, когда противник находился у цели. Несмотря на многочисленные разговоры по этому вопросу, положение остается неизменным, посты ВНОС работают по-прежнему плохо». Система ПВО Воронежа имела достаточно сил и средств, чтобы отразить нападения на город подобно тем, что были проведены 13 июня 1942 г., но не смогла это сделать по причине недостаточной подготовки и боевой выучки личного состава частей ПВО.

Вот такие открылись факты и документы, которые по-новому рассказывают о первой массированной бомбардировке Воронежа в июне 1942 г.

¹ Во имя победы (Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): сборник документов и материалов / сост. С.В. Аброськин, Г.И. Васильева. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1975. С. 22.

² Кретьева О.К. Русский город Воронеж. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1986. С. 145-148.

³ Блинчевская Ф.З., Чернобова Т.Н. Сад пионеров. Трагедия войны. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2010. 36 с.

⁴ Шкрыкин Е. Пионерский сад смерти // «Берег». 1997. 14 июня.

⁵ Попов П.А. Твой крест, Воронеж. Судьба города и человека. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. 173 с.

⁶ Первая публикация документов состоялась на докладе-презентации Г.В. Плохотнюка «Бомбардировка г. Воронежа 13 июня 1942 г. Документы и факты»: в сокращенном варианте – на краеведческой конференции в ВГУИТ 25.11.2017 г., более подробное изложение – в «Музее-диораме» в рамках «круглого стола» 18.01.2018 г. Около двух десятков копий архивных документов, схем и фотографий из коллекции Г.В. Плохотнюка были выставлены на стендах в фойе музея для всеобщего обозрения.

⁷ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4037. Л. 134-135, 136-138.

⁸ Там же. Л. 132-133; Д. 4043. Л. 181.

⁹ Там же. Л. 182-183.

¹⁰ Выдержки публикуются из перечисленных выше документов ГАОПИВО.

¹¹ Во имя победы... С. 23, 24.

¹² ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4036. Л. 271.

¹³ Истребители ПВО в воронежском небе. История 101-й истребительной авиаци-

онной дивизии в годы Великой Отечественной войны. / Г.В. Бельцев, Н.П. Байдак. Воронеж: Воронежский фонд «Гарантия», 2015. С. 7.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 4 зпп. Оп. 176216с. Д. 8. Л. 4. Копии документов из фонда 4-го зенитно-пулеметного полка с сайта МО РФ «Память народа» <https://pamyat-naroda.ru/>

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ Там же. Оп. 176214с. Д. 6. Л. 90.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Выдержки и сведения печатаются из перечисленных выше документов ГАОПИВО.

²⁰ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4037. Л. 136.

²¹ Попов П.А. Указ. соч. С. 131.

²² Блинчевская Ф.З., Чернобоева Т.Н. Указ. соч. С. 8, 10, 20.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 246. Л. 107.

²⁴ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. Том 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941-1945 гг. Москва: Наука, 1973. С. 323.

²⁵ Подсчитано по документам ЦАМО РФ. Ф.183 зенап. Оп. 46410с. Д. 3. Л. 185-189. Копии документов из фонда 183-го Краснознаменного зенитно-артиллерийского полка с сайта МО РФ «Память народа» <https://pamyat-naroda.ru/>

²⁶ Карта-схема «Umgebung Woronesh. 2.Ausgabe vom 3.VII.42. Feindstellungen Stand 12.06.1942. 1:25000» из фондов NARA (National Archives and Records Administration)/НАРА – Национальное управление архивов и документации США/. Копия карты с сайта «WWII Aerial Photos and Maps»: <http://wwii-photos-maps.com>. Интересно то, что расположение батарей 254-го и 183-го зенап (да и других зенитчиков) на карте-схеме совпадает с реальным расположением наших частей (см. ЦАМО РФ. Ф. 4 зпп. Оп. 176214с. Д. 6. Л. 90).

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 4 зпп. Оп. 176216с. Д. 8. Л. 10.

²⁸ Там же. Ф. 183 зенап. Оп. 46410с. Д. 3. Л. 188.

²⁹ Там же. Л. 164. Специалисты из 183-го зенап оценили высоту подлета немецкого бомбардировщика в 6300 м.

³⁰ Там же. Л. 165 об.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 4 зпп. Оп. 159463с. Д. 4. Л. 6.

³³ Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 919. Л. 104.

³⁴ Там же. Ф.183 зенап. Оп. 46410с. Д. 3. Л. 165 об.

³⁵ BArch RL 2 III/1181, «Flugzeugunfälle und Verluste bei den Verbänden 20.06.42», Bl. 4.

³⁶ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4036. Л. 334-335 об.

Цена революции: болезни российских революционеров во второй половине XIX – первой трети XX вв.

***М.Е. Разиников,**
к. и. н., доцент Воронежского
государственного лесотехнического
университета имени Г.Ф. Морозова*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-00-00814 (18-00-00813)

В.И. Ленин не дожил до 54 лет, Я.М. Свердлов умер в 33 года, А.Д. Цюрупа скончался от паралича сердца в 57 лет, осужденная на казнь за покушение на Александра II Г.М. Гельфман умерла от гнояного воспаления брюшины после родов в тюрьме. Треть первого состава Совета народных комиссаров РСФСР умерли, не дожив до 60 лет, от хронических или эпидемических заболеваний. Цена революции была высока, и одной из ее составляющих следует признать личное здоровье.

Исследователи много писали о психических расстройствах у революционеров. А.А. Гейман посвятила целый раздел своей монографии идее о психическом нездоровье революционеров, поместив немало фотографий, подчеркивающих маргинальный и даже дегенеративный внешний вид российских террористов¹. Есть немало сведений о том, что лица, причастные к революционному движению, сходили с ума, заканчивали жизнь самоубийством. Среди них идеолог народничества П.Н. Ткачев (умер в 41 год в психиатрической лечебнице), убийца В.К. Плеве Е.С. Созонов, принявший яд в возрасте 31 года. Однако психическое здоровье – только одно из его составляющих, поэтому задача этой статьи – осветить разные виды заболеваний, которыми страдали участники революционного движения, представив эту проблему в том числе и статистически.

А. Марголис, исследовав биографии политкаторжан и ссыльно-переселенцев, осужденных в 1861-1893 гг. за государственные преступления, пришел к выводу, что из 330 человек, биографии которых удалось проследить до конца, 118 (36%) погибли на каторге и поселении, 25 – сошли с ума. Из числа погибших только двое были казнены, остальные умерли в тюрьме от болезней (90 человек) или покончили жизнь самоубийством (26 человек). Таким образом, можно признать, что тюрьма оказала губительное воздействие на 42,7% участников революционного движения, учитывая, что смерть в результате самоубийства также является результатом психических отклонений. Обратим внимание на то, что 27,3% революционеров (или 77,6% умерших) скончались не от психических, а от прочих заболеваний. Мы также видим своеобразный «естественный отбор» революционеров – из 187 выживших и сохранивших рассудок 65 человек вновь продолжили борьбу, причем половина из них подвергалась вторичным репрессиям. До свержения самодержавия дожили 133 человека, более 60 стали ветеранами Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев².

Фонд общества политкаторжан, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, также дает информацию о заболеваниях деятелей революционного движения, причем уже в 1920-е гг. Надо сказать, что жизнь бывших политкаторжан и лиц, связанных с революционным движением, не гладко протекала и после победы большевиков. Материалы фонда полны жалоб и просьб улучшить материальное положение, обеспечить минимальное лечение и т. п. Например, отправленная в 1907 г. за укрывательство сына-боевика в Акатуйскую каторжную тюрьму С.Ю. Сокуева жаловалась из г. Верхнеудинска, что «освободившись из тюрьмы с вполне надорванным и почти совершенно утраченным здоровьем, имея 47 лет от роду, влача свое существование на свободе, я в очень короткий срок утратила всякую способность к труду»³.

Основная масса жалобщиков находилась в возрасте от 35 до 40 лет, т.е. были рождены в конце 1880-х – начале 1890-х гг. и попали в тюрьмы уже в начале XX в., представляя следующую генерацию революционеров, нежели описанную А. Марголисом. Таблица 1 показывает, на какие заболевания жаловались участники революционного движения.

Таблица 1

Заболевание	Количество	Процент
Туберкулез	32	45,7
Психические заболевания	6	8,6
Сухотка (нейросифилис)	1	1,4
Атеросклероз	3	4,3
Невроз сердца, миокардит	4	5,8
Ишиас (невралгия седалищ нерва)	1	1,4
Паралич	2	2,8
Ампутация органов	1	1,4
Эпилепсия	1	1,4
Язва желудка, кишечные заболевания	4	5,8
Глухота	1	1,4
Слепота, болезнь глаз	2	2,8
Кожные заболевания	4	5,8
Нефрит	1	1,4
Хроническая, продолжительная болезнь	7	10
Итого	70	100

Примечание. Таблица составлена по материалам фонда Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 74. Л. 1-233 об.

Как видим, почти половину заболеваний составляет туберкулез. К сожалению, большинство не указывали, каким именно туберкулезом они болели. Очевидно, наиболее распространенным был легочный туберкулез. Вместе с тем встречаются упоминания о туберкулезе позвоночника, «костей», кишечника. Трагедией было то, что у туберкулезных родителей туберкулезом болели и дети (упоминаются в двух случаях).

Психические болезни, как видим, занимают не столь значительное место (8,6%). Помещение в психиатрическую клинику встречается редко. Вместе с тем определенный процент составляли невралгические и отчасти связанные с ними сердечные заболевания. Все вместе (включая параличи, эпилепсию) они составляют 11,4%. Болезни сердца также можно связать с сосудистыми заболеваниями (атеросклероз, слепота), которые в группе составляют 12,9%. Кожные и кишечные заболева-

ния занимают небольшой процент, однако известно, что бывшие политкаторжане и их родственники регулярно подавали просьбы на путевки в санатории с лечебными грязями и минеральными водами. Зафиксирована даже петиция, написанная в середине 1920-х гг., о необходимости открыть собственный санаторий для лечения минеральными водами⁴. Из этого можно сделать вывод о распространенности заболеваний желудочно-кишечного тракта, которые неизбежно должны были возникать в результате нерегулярного и тюремного питания. Обращает внимание отсутствие жалоб на сифилис (упоминается только один раз) – болезни, весьма распространенной в это время, причем передаваемой не столько половым путем, сколько бытовыми способами.

В 1930-е гг. мы наблюдаем уже другую картину. Данные об этом периоде дают документы Воронежского отделения общества политкаторжан. На первый план выходят, прежде всего, сердечные заболевания, а также атеросклероз. Также упоминаются болезни суставов, желудочно-кишечного тракта, различного рода невралгии, в единичном случае – серьезное психическое расстройство⁵. Типичными были просьбы такого рода: «Ввиду слабого здоровья, болезни сердца, суставного ревматизма, сильного нервного состояния, которое за последнее время ухудшилось, прошу товарищей не отказать моей просьбе дать мне путевку на курорт Сочи Мацеста»⁶ или: «Ввиду моей болезни я нуждаюсь в лечении, так как получена мною болезнь в каторге от кандалов и от [неразборчиво 1 слово] сырых отчего страдаю ломотой день и ночь никогда покою не вижу»⁷. Иногда сообщения о здоровье выглядели совсем печально: «болен хроническим воспалением толстых кишок с явлениями частых поносов, кроме того страдает недостаточным (и сильно выраженным) удержанием каловых масс после перенесенной операции по поводу свища прямой кишки. Показано курортное лечение минеральными водами в Ессентуках»⁸. Согласно выборке по Воронежу (правда, очень небольшой – 10 человек), в 1935 г. инвалидами 2-й и 3-й групп являлось 90% бывших политкаторжан и ссыльнопереселенцев⁹. Даже если учитывать, что к этому моменту большинству из них было не менее 45-50 лет, все равно картина выглядит удручающей. Практически полное отсутствие туберкулезников объясняется с высокой вероятностью тем, что они просто умерли.

Некоторую информацию о состоянии здоровья участников революционного движения предоставляет и дело бывших деятелей ПСР,

арестованных в Воронеже в 1935 г. (т. н. «дело Ю.Н. Подбельского»). Из 22 человек, привлеченных к суду, были признаны негодными к физическому труду 10 (45,5%). Из них семеро страдали различными сердечными заболеваниями (миокардит, невроз и порок сердца), один – паховой грыжей (совместно с сердечным заболеванием), один – атеросклерозом, в двух случаях болезнь не была названа, и один был туберкулезником¹⁰.

Сравнивая показатели болезней членов Воронежского отделения общества политкаторжан с данными по участникам дела Подбельского (тоже революционерам с большим стажем), мы видим ту же тенденцию к преобладанию болезней сердца. Обратим также внимание на то, что процент заболеваний репрессированных в середине 1930-х гг. в два раза меньше, чем у членов общества политкаторжан. Это может объясняться тем, что «официально признанным» советской властью политкаторжанам было легче получить инвалидность, которая сулила хотя бы небольшие, но льготы. Как в 1920-е, так и в 1930-е гг. люди, стремясь получить государственные блага, приписывали себе все, что только можно. Например, один из политкаторжан, просивший о льготах в середине 1920-х гг., писал, что болен эпилепсией, пороком сердца, расширением легких и искривлением позвоночника¹¹. От него не отставал и в 1930-е гг. один из воронежцев, в справке о болезнях которого значатся «артериосклероз, миодегенерация сердца с болевым симптомокомплексом грудной жабы, двухсторонний плеврит»¹².

Вместе с тем данные по Воронежу отчасти подтверждают наблюдения, сделанные по материалам второй половины XIX в., о том, что некоторая часть революционеров обладала завидным здоровьем. Напомним, что из 22 фигурантов дела Подбельского 12 не были серьезно больны. Девятнадцать из них имели семьи, причем только в трех случаях – бездетные. В остальных случаях детей было один (8 человек) и двое (9 человек). Приговор к смертной казни, два года и четыре месяца на каторге, вторая группа инвалидности, девять лет ссылки не помешали Х.М. Маньковскому, 1882 года рождения, отслужить в Красной Армии с 1918-го по 1922 г. и иметь четверых детей¹³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подпольная борьба тяжело, а часто и смертельно сказывалась на здоровье революционеров, от трети до половины которых страдали серьезными недугами. Туберкулез, психические, а затем ранние ревматические и сердечные заболе-

вания – печальная картина последствий борьбы за царство справедливости. Однако очевидно и другое. Примерно такая же доля революционных борцов, пройдя через серьезнейшие физические и психические испытания, показывала высокую степень адаптации к экстремальным условиям подполья: психическую и физическую устойчивость, стремление бороться во что бы то ни стало, порой компенсировавшие недостатки физического здоровья.

¹ Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894-1917. М., 1997. 448 с.

² Марголис А. Библиографический словарь политкаторжан II половины XIX века // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное 2003-2012 / отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб., 2013. С. 570-571.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 75. Л. 95.

⁴ Там же. Д. 79. Л. 10-11.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 28. Л. 12; Д. 52. Л. 1-17; Д. 53. Л. 2, 4, 9, 15-16, 22, 25, 29, 30-31, 33, 35-37, 39, 42-43, 53, 55.

⁶ Там же. Д. 53. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 39.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 1-17.

¹⁰ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-10738. Т. 1. Л. 190-201.

¹¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 74. Л. 61.

¹² ГАОПИВО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 10.

Воронежская гауптвахта в 1894-1917 гг. в свете взаимодействия военных и гражданских властей Воронежа

*Л.В. Страхов,
к. и. н., старший научный сотрудник
ГБУКВО «Воронежский
областной краеведческий музей»*

В 1893 г. военные обратились к воронежской администрации с требованием предоставить помещение для гауптвахты, достаточное для содержания 2-х арестованных офицеров, 16 арестантов из нижних чинов, а также для начальника и 12 нижних чинов караула. Данный вопрос был решен 15 августа 1894 г.¹ С тех пор и до 1917 г. воронежская гауптвахта размещалась в доме купца С.А. Савостьянова – в замечательном памятнике архитектуры эпохи Екатерины II. Гауптвахта занимала только первый этаж здания. С ней в разные годы соседствовали различные учреждения. В частности, такое сугубо мирное, как Воронежский губернский музей, открытый 9 сентября 1894 г. В наши дни здание занимает еще одно учреждение культуры – областной литературный музей им. И.С. Никитина.

В 1826 г. И.А. Савостьянов, разорившийся внук первого владельца, предоставил особняк городу под военный лазарет. Когда здание занимал магистрат, в нем содержали арестантов. Сюда в 1854 г. приезжал И.С. Никитин, чтобы проведать своего арестованного за уклонение от рекрутской повинности родственника Я.П. Денисова².

Статья посвящена аспектам организации гауптвахты, содержания и эксплуатации отведенных под нее помещений. Также рассматривается взаимодействие воронежской городской администрации и военных властей по вопросу гауптвахты. Данное взаимодействие регулировалось Уставом о земских повинностях – статьями, разъясняющими порядок квартирного довольствия войск. В целях размещения частей или иных подразделений военные могли ходатайствовать перед местной граж-

данской администрацией о предоставлении требующихся площадей в казармах или иных зданиях, принадлежащих городу, о строительстве или аренде необходимых помещений.

О воронежской гауптвахте конца XIX – начала XX в. известно не так много. Пожалуй, только то, где она размещалась и когда существовала³. При этом она упоминается даже не во всех публикациях, посвященных архитектуре и истории дома С.А. Савостьянова⁴. Не так много исследований о гауптвахтах Российской империи в целом. Во многих исследованиях рассматривается история зданий, занимаемых военным учреждением, без каких-либо детальных подробностей о самих гауптвахтах⁵.

При устройстве воронежской гауптвахты первостепенной задачей являлось получение нужного помещения, соответствующего нормативам, установленным в законе № 10426 от 14 марта 1894 г. «Об изменении постановлений Устава о земских повинностях относительно квартирного довольствия войск». Офицеру – начальнику караула и арестованным офицерам полагалось по 2 квадратные сажени⁶ пространства на человека. Караульным нижним чинам – по 1,5 кубических сажени, а арестованным – по 2 кубических сажени. Конкретные размеры помещений должны были определяться по среднему годовому числу арестантов и караульных⁷. Это требовали строгие нормы закона. Однако начальник гарнизона имел право устанавливать количественный состав гауптвахты и играть решающую роль в определении того места, где гауптвахта будет размещаться.

Между тем воронежский пример показывает, что нормативы соблюдались неточно. В 1893-1894 гг. военные власти изначально требовали меньшие по площадям помещения, чем установлено по закону, и в итоге приняли здание с еще более ограниченными пространствами. Конечно, это касалось нижних чинов.

Комната начальника караула (2 кв. саж. по закону), на которую было запрошено у города 3 квадратные сажени, в действительности имела 4,70 квадратных сажени. На двух арестованных офицеров было запрошено, как по закону, 4 квадратные сажени, но им выделили помещение площадью 7,55 квадратных сажени. Зато для 12 караульных солдат военные запросили помещение, размеры которого были меньше установленных нормативов в 1,5 раза. Фактически караульное помещение оказалось еще меньшим. Оно имело 10,86 кубических сажени. Анало-

гичной была ситуация и с помещением для 16 арестантов. Вместо гарантируемых законом 32 кубических сажень и даже вместо запрошенных военными властями 16 кубических сажень город выделил 2 комнаты с общим объемом воздуха 12,64 кубических сажени. Причем одну из комнат (5,45 куб. саж.), если это позволяла наполняемость гауптвахты арестантами, предоставляли сторожу учреждения, оставив солдатам только 7,19 кубических сажени пространства. Также более тесными оказались карцеры (10 штук). Их размер должен был в целом составлять 15 кубических сажень. Военные запросили у города 20 кубических сажень, но в итоге получили лишь 9,10 кубических сажени. В целом по закону размер воронежской гауптвахты, исходя из штата учреждения, должен был составлять 70,5 кубических сажени, военные запросили – 54 кубических сажень, а город предоставил – 44,50 кубических сажени⁸. Об этом несоответствии законным требованиям было сообщено в городскую управу 2 июля 1896 г., когда гауптвахта действовала уже 2 года. Этого времени хватило для вычисления наполняемости учреждения арестантами, что отражено в таблице⁹.

Расчетный период	Кол-во дней, проведенных арестантами-офицерами, за весь период	Среднее ежедневное количество арестантов-офицеров на гауптвахте	Кол-во дней, проведенных арестантами – нижними чинами, за весь период	Среднее ежедневное количество арестантов – нижних чинов на гауптвахте
01.09–31.12.1894 г.	20	0.16	515	4,2
01.01–30.04.1895 г.	8	0.07	868	7,2
01.05–31.08.1895 г.	38	0.3	570	4,6
01.09–31.12.1895 г.	62	0.5	1143	9,4
01.01–30.04.1896 г.	30	0.25	1313	10,8
01.05–31.08.1896 г.	15	0.12	704	5,7
01.09–31.12.1896 г.	2	0.02	466	3,8

Таким образом, в 1894-1896 гг. воронежская гауптвахта полностью не заполнялась. Поэтому по закону размеры помещений определялись по среднегодовому количеству арестантов. В 1894 г. таковых было 4,2, в 1895 г. – 7, в 1896 – 6,8 человека. Если вспомнить, что арестант-

ские помещения составляли 12,64 кубических сажени, а с учетом выделения одной комнаты сторожу – 7,19 кубических сажени, то уже с 1895 г. арестантские помещения были теснее того, что требовал закон. И все же проблема тесноты гауптвахты в конце 1890-х гг. проявлялась не так четко. Максимальную остроту она приобрела в ходе революции 1905-1907 гг.

Во-первых, были усилены войска воронежского гарнизона. Если в 1894 г. (как указывали военные в обращении от 30.06.1906 г. в воронежский губернский распорядительный комитет о предоставлении нового помещения для гауптвахты на 20 арестованных нижних чинов и на 15 карцеров) в гарнизон входили лишь 2 резервных батальона 5-ротного состава каждый, а теперь – 2 пехотных резервных полка 8-ротного состава, 1 пехотный полк, 2 батареи артиллерии и 2 казачьих полка, а также 3 пехотных батальона и 2 эскадрона кавалерии¹⁰. Также «услугами» гарнизонной гауптвахты пользовались иные структуры с военной организацией. Например, Воронежское губернское жандармское управление – местное подразделение политической полиции.

Во-вторых, в связи с революционной обстановкой в стране и в регионе существенно возрастало количество дисциплинарных проступков, за которые нижние воинские чины попадали на гауптвахту. Поэтому проблема тесноты существенно усугубилась. В августе 1906 г. командование I пехотного Невского Короля Эллинов полка жаловалось в канцелярию губернатора на отсутствие свободных мест на гауптвахте, в результате чего страдает дисциплина солдат, которую и так подтачивает общая обстановка и агитация революционных организаций. Кстати, уже в сентябре 1906 г. военные изменили свои требования к городским властям и запросили помещение под гауптвахту на 38 арестантов¹¹.

Оказаться на гауптвахте можно было за широкий спектр проступков. Это показывает хотя бы пример Воронежского жандармского управления. В 1899 г. 3 суток ареста получил писарь, потому что не отдал честь начальнику управления. В апреле 1900 г. по 5 суток гауптвахты получили вахмистр Иванов, вахмистр Проскурин и унтер-офицер Кондратьев за то, что не пришли на традиционный «капустник» в управление по случаю Пасхи. (Порой жизнь меняется удивительным образом. Сегодня ведется борьба с корпоративами на территории предприятий, а буквально 100 с лишним лет назад за «прогул» праздника можно было попасть под арест). В апреле 1905 г. 15 суток получил младший писарь

Друндин, который появился на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения и самовольно покинул службу в рабочее время. Однако сразу отбыть наказание у жандармского сотрудника не получилось. Гауптвахта оказалась переполненной, так что унтер-офицера занесли в очередь и вернули обратно на службу до появления свободного места¹².

Помимо тесноты проблемы вызывало и общее состояние помещения гауптвахты. Первые жалобы на это стали поступать в 1904 г. Еще более частыми и настойчивыми они стали с весны 1906 г. В ответ городские власти постановили создать комиссию из 3 гражданских чиновников и 3 военных и произвести осмотр, что и было сделано 16 мая 1906 г. В ходе осмотра мнения гражданских и военных разделились. Гражданские в целом признали состояние гауптвахты соответствующим законодательству и предложили «косметические» изменения: устройство вентиляторов в окнах, расширение двора для прогулок (для этого требовалось демонтировать одно из двух отхожих мест и перенести забор на 2 аршина).

Военные признали помещения 1-го этажа аварийными. Отмечалось, что помещения гауптвахты «сырые со спертым затхлым воздухом» и «даже в настоящее сухое время при постоянно открытых окнах стены во многих местах мокрые». В результате как арестанты, так и солдаты караула регулярно заболевают и попадают в госпиталь¹³.

Рассмотрев акт № 3936 комиссии от 13 мая 1906 г., воронежский губернатор М.М. Бибиков поручил на основании ст. 592 Устава о земских повинностях созвать повторную комиссию с участием городского и военного врачей. Акт о ее работе датирован 16 февраля 1907 г.

В состав комиссии вошли и.о. коменданта Воронежа полковник Ивановский, капитан 223-го пехотного резервного Коротоякского полка Аристов, поручик 224-го пехотного резервного Скопинского полка Великопольский, старший врач 223-го пехотного резервного Коротоякского полка Коллеянский – от военных, сотрудник городской управы Чмыхов, представитель воронежской земской управы Китаев, советник Ковалевский, городской врач Шатенштейн, помощник полицмейстера Мещерский.

Комиссия пришла к заключению о том, что помещение «совершенно негодное не только в настоящем, но и в исправленном виде».

Во-первых, помещение не изолировано. В одном здании с гауптвахтой находились музей, ремесленная управа и богадельня. Окна выходи-

ли в общественный сад и на частный двор. С арестантами можно было переговариваться через печные трубы и с улицы через окна.

Во-вторых, во всех помещениях гауптвахты наблюдалась «неустрашимая сырость», «удушливый и спертый воздух», что способствовало «малокровию – легочному и ревматическому».

В-третьих, «общая камера для арестованных не может быть наблюдаема часовым по всей ее площади по причине не соответствующего устройства двери».

В-четвертых, карцеры гауптвахты были слишком тесными и находились в удалении от печей. Вместе с тем перегородки между камерами из-за материала изготовления и малой толщины не изолировали звуки, поэтому арестанты могли свободно переговариваться друг с другом.

Также комиссия отметила, что огораживающий территорию забор слишком слаб, двор для прогулок слишком мал, а находящиеся во дворе 2 отхожих места «с первобытным устройством» «не удовлетворяют своему назначению»¹⁴.

С предложенными замечаниями и общим выводом о состоянии помещения гауптвахты не согласился представитель городской управы Н.В. Чмыхов. Свои соображения он также оформил в письменном виде. Они достойны внимания.

По первому вопросу Н.В. Чмыхов вполне резонно указал, что гауптвахта соседствовала с другими учреждениями, начиная с ее образования в 1894 г. Поэтому, почему военные изначально приняли здание?

По поводу сырости Н.В. Чмыхов спросил у военных, почему 10 лет сырость не замечали и этот вопрос поднимается только теперь? Далее член управы обвинил саму гауптвахту в небрежном содержании помещений и предложил военным лучше отапливать отведенную им часть здания.

Насчет третьего и четвертого положений акта чиновник заявил, что данные проблемы решаемы: дверь можно переделать или устроить внутренний тамбур, перегородки в карцерах заменить и оснастить камеры чугунками для отопления. А вот расширение двора было признано невозможным. Итоговый вывод Н.В. Чмыхова заключался в том, что денег на новое помещение для гауптвахты у города нет¹⁵.

После осмотра здания закипела бумажная работа. Однако ее результаты оказались скромными. Управа рассматривала вопрос о переводе гауптвахты в помещения учебной команды 224-го пехотного ре-

зервного Скопинского полка, которые находились в доме Арнольди на Старом Бегу¹⁶. Но гарнизонному начальству в этом было отказано 28 июня 1907 г. Идея о глобальном капитальном ремонте старых помещений гауптвахты в течение 1907 г. воплотилась лишь в «устройстве отдельного двора для гуляния арестованных и некотором внутреннем ремонте»¹⁷.

В начале 1911 г. военные снова обратились к губернатору (тогда губернию возглавлял С.И. Голиков) с просьбой предоставить другое помещение для гауптвахты. Оно должно было включать отдельные комнаты для начальника караула, двух арестованных офицеров, 18 карательных солдат, 1–2 общие камеры на 40 арестованных нижних чинов, камеру для пересыльных на 5 человек, помещение для арестованных сверхсрочных на 2 человека и от 6 до 10 отдельных карцеров для наказанных нижних чинов в дисциплинарном порядке и для отбывающих наказание на гауптвахте взамен тюрьмы. Также требовались отдельное помещение для сторожа и отхожие места¹⁸.

Данная просьба не была удовлетворена, поэтому в начале июня 1912 г. снова была собрана комиссия, засвидетельствовавшая аварийное состояние гауптвахты. В комиссию входили: председатель штаб-офицер для поручений при штабе 5-го Армейского корпуса полковник Фешот, командир 3-го батальона 26-го пехотного Могилевского полка подполковник Панов, штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка Яковлев, воронежский полицмейстер Д.Д. Норов, член воронежской земской управы П.А. Китаев, представитель от управы Г.А. Пуле и городской архитектор инженер М.Н. Замятнин.

Акт составлен 5 июня 1912 г. Его положения практически повторяли прежние аналогичные документы. Все так же гауптвахта соседствовала с другими учреждениями и частными дворами. Через окна арестантам передавали запрещенные вещи.

Во дворе не было часового, а ветхий забор можно было разобрать или сбежать через зияющие в нем дыры. Кстати, побег с гауптвахты действительно был. Он состоялся 1 января 1917 г. Двое арестантов сбежали через дыру в потолке и пробрались в богадельню, через которую спустились к выходу и покинули здание. В связи с этим событием военные снова просили если не перевести учреждение в другое место, то хотя бы предоставить под гауптвахту все здание Мещанской управы¹⁹.

В целом по имеющимся в распоряжении автора материалам сложно судить о том, насколько тщательно охраняли арестантов на воронежской гауптвахте. Однако в историографии имеются интересные сведения по аналогичным учреждениям иных регионов. Например, сохранились интереснейшие сведения о порядках на омской гауптвахте в 1860-е гг.

Некоторое время, пока велось следствие по знаменитому делу 1865-1868 гг. «Об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам», арестованные содержались на гауптвахте. О режиме повествуют воспоминания Г.Н. Потанина: «Режим здесь был другой... Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключенные выходили даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России. Представьте картину: ружья установлены в сошки на платформе, впереди них расхаживает часовой и боится, как бы не прозевать начальство, чтобы вызвать караул к ружью, а впереди часового гуляют заключенные. Случалось, что мои товарищи украдкой уходили в город, заходили в гости или в пивную. Все это делалось осторожно, так, чтобы не влетело караульному офицеру... После заката уходило в город иногда больше половины заключенных»²⁰.

Если вернуться к акту 1912 г., то в нем все так же поднимается вопрос о чрезвычайной тесноте помещений. На 23 караульных солдат при норме в 33 кубических сажени выделено всего 9,2 кубических сажени. В двух камерах, в которых одновременно сидят по 10 человек, имеется в общем 12 кубических саженей пространства при норме в 20 кубических саженей. Очередь в 2 действующих карцера со все теми же тонкими перегородками длится по 2–3 месяца. Камера для пересыльных была оборудована из карцера и имеет 2,1 кубических сажени. Пересыльных же бывает по 10 человек, из-за чего приходится в нарушение правил сажать их вместе с арестантами. Замечательна во всех отношениях цитата о санитарном состоянии помещения: «Все стены сырые на глаз и на ощупь; сводчатые потолки очень низки, воздух сырой и спертый, несмотря на то, что во время осмотра комиссией окна были открыты и численность как караула, так и арестантов была минимальна; несмотря на летний солнечный день,

некоторые помещения находились в полумраке, так как доступ света преграждается близко стоящим высоким забором; куб для кипячения воды не имеет пароотвода, и пар распространяется по всем комнатам, что особенно вредно при крайней тесноте помещения. Отхожее место, находясь во дворе в непосредственной близости от здания гауптвахты, совершенно не благоустроено: яма, прикрытая деревянным полом, открыто выступает вовнутрь двора и распространяет зловоние по всему помещению гауптвахты». Также протекала крыша дровяного сарая, из-за чего дрова сырели и плохо горели, требовали замены все оконные рамы²¹.

В течение 1912-1913 гг. предпринимались новые попытки перевести гауптвахту в другое место. Сначала планировалось передать военным здание исправительного отделения, но городу на его покупку у тюремного ведомства не хватило средств²². В 1913 г. планировалось передать гауптвахте часть 2-го этажа, которую занимал музей. Однако переезд губернского музея в дом Потапова, что ныне занимает Воронежский областной художественный музей имени И.Н. Крамского, затянулся из-за реставрации здания, которой занимался архитектор В.И. Гайн²³.

Тем не менее ситуация с санитарным состоянием воронежской гауптвахты все-таки менялась. За последние 4 предреволюционных года на гауптвахте наладили водопровод и канализацию. В камерах появились параша. Были заменены рамы в окнах²⁴.

Таким образом, в 1894 г. воронежская гауптвахта была размещена в помещениях, не соответствующих требованиям ни по своим размерам, ни по санитарному состоянию. Это проблему воронежские власти не могли решить больше 20 лет. Наиболее опасным данное положение дел было в 1905-1907 гг., когда будущее страны во многом решали настроения в армии. Перегруженность гауптвахты, для попадания на которую приходилось записываться в очередь, лишала военное начальство действенного инструмента поддержания дисциплины в частях. Эта ситуация должна была вызывать тревогу у начальства губернии, ведь в ноябре 1905 г. в Воронеже произошел бунт дисциплинарного батальона и мятеж в городской тюрьме, да и в целом настроения в частях гарнизона не были идеальными. Это замечали, в частности, сотрудники Воронежского ГЖУ.

25 мая 1906 г. унтер-офицер дополнительного штата К. Малышев в своем донесении предоставил начальнику управления собранные негласным путем сведения о брожениях в Невском полку. Нижние чины жаловались на тесное размещение в казармах, получение не в полном объеме вещевого содержания и амуниционного денежного довольствия. Стесненные в бытовых условиях люди делали опасные для властей выводы, что «солдатом тогда только нуждаются, когда необходимо идти под пули. В остальное же время на него смотрят как на ненужную и недостойную внимания вещь»²⁵. Донесением от 28 мая 1906 г. К. Малышев доложил о том, что солдаты воронежского гарнизона, находясь в увольнительных, пьянствуют, слоняются по городу с продажными женщинами и провоцируют драки²⁶. 23 августа 1906 г. ВГЖУ агентурным путем установило факты пения революционных гимнов в лазарете дисциплинарного батальона, где при отсутствии офицеров за больными наблюдали лишь врач и дежурный солдат²⁷.

Неоднократно В.З. Тархов сообщал командованию воронежскими частями о проникновении в казармы агитаторов, о посещении революционных сходок нижними чинами и офицерами, что происходило беспрепятственно ввиду «отсутствия должного наблюдения со стороны войскового начальства за окрестностями лагерного и казарменного расположения полков и батарей». Жандарм предупреждал, что воронежские полки все больше и больше попадают под влияние революционной пропаганды и в случае революционных беспорядков они могут перейти на сторону бунтовщиков²⁸.

Рассмотренные события показывают недостатки системы квартирного довольствия войск, которые должны были в этом вопросе взаимодействовать с местными гражданскими властями. Причем у последних не всегда были финансовые возможности удовлетворять потребности армии в полном объеме. Также несложно вообразить, с каким настроением и отношением к своему ближайшему начальству и власти в целом покидали воронежскую гауптвахту отбывшие арест в тесном и антисанитарном помещении люди. Возможно, именно из совокупности подобных обид, скрепленных кризисом, вызванным Первой мировой, сформировалось общественное мнение рядовых жителей Российской империи, обеспечившее революцию в феврале 1917 г.

6. Воронежский вестник архивиста

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1661. Л. 204 об.

² Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2009. С. 102-103.

³ Плехановская (Большая Московская) улица // Попов П.А. Энциклопедия воронежских улиц. Воронеж, 2012.

⁴ Чесноков Г.А. Архитектура Воронежа: история и современность. Воронеж, 1999; Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2009.

⁵ Вибе П.П., Пугачева Н.М. Гауптвахта – старейшее здание Омска // Памятники истории и культуры Омской области. Омск, 1996. Вып. II. С. 86-92; Кобер О.И. Своеобразие «николаевской готики» в архитектуре Оренбурга // Шаг в науку, 2019. № 1. С. 49-51.

⁶ Квадратная сажень = 4.55 м².

⁷ ПСЗРИ. Собр. III (1881-1913). Т. 14 (1894). № 10426. Ст. 45.

⁸ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1661. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 180.

¹¹ Там же. Л. 184, 186.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 21. Д. 97 (1899). Л. 2 об.; Д. 98 (1900). Л. 19-20; Д. 103 (1905). Л. 15 об.

¹³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1661. Л. 172 об.

¹⁴ Там же. Л. 202-203.

¹⁵ Там же. Л. 205-206.

¹⁶ Совр. пр. Революции, 5.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1661. Л. 235.

¹⁸ Там же. Л. 334.

¹⁹ Там же. Д. 3358. Л. 8.

²⁰ Вибе П.П., Пугачева Н.М. Указ. соч. С. 86-87.

²¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1661. Л. 351 об. -352.

²² Там же. Д. 2760. Л. 7.

²³ Там же. Д. 1661. Л. 381-382.

²⁴ Там же. Д. 2603. Л. 1-3; Д. 3358. Л. 10.

²⁵ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 5-6.

²⁶ Там же. Л. 111.

²⁷ Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 84, 109.

²⁸ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 30, 32.

В.М. Новиков: судьба царского генерала

*М.И. Федоров,
адвокат, писатель*

Новиков Вячеслав Митрофанович (3 октября 1883 г., с. Трещевка Землянского уезда Воронежской губернии – 4 июня 1930 г., г. Москва), из дворян, окончил Иркутское военное училище, бывший генерал-майор царской армии¹.

В Центральном архиве ФСБ хранится дело по обвинению гр. Гротского Филиппа Агеевича, он же Новиков Вячеслав Митрофанович, в антисоветской деятельности с целью установления монархического строя...

Подробности его происхождения узнаем из протокола допроса, проведенного с ним сотрудниками ОГПУ после его ареста 21 марта 1928 г., в котором Новиков пояснил: «Родился я в Землянском уезде Воронежской губернии в 1883 году. Родители мои, разорившиеся люди, и образование дать не могли, так что учился я самоучкой»².

Также мы получаем сведения о происхождении Новикова из допроса его бывшей жены Алмазовой (Кричевской) Ольги Васильевны (допрошена по «Делу военуков», которое вело ОГПУ по ЦЧО³): «Новиков внук генерала Русанова⁴. Такая фамилия была у его деда-предка, генерала, командовавшего Александрийским лейб-гвардии гусарским полком, отличившимся в сражении под Прейсиш-Эйлау⁵, сподвижника Кутузова. Его отец тоже незаурядный человек: выкрал дочь орловского князя Кекуатова и женился на ней. Он владел с. Трещевка, что рядом с нашим с. Медвежьем (где жили Алмазовы – Землянский уезд Воронежской губернии)».

В книге Григорова А.И. «Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов»⁶ в 13-м разделе в подразделе «25-й пехотный

Смоленский полк» значится Вячеслав Николаевич Новиков как родившийся в 1883 г. октября 3 дня, православный, из мещан Воронежской губернии, послужной список которого совпадает с тем, что мы имеем о Новикове Вячеславе Митрофановиче. Видимо, из-за технической ошибки речь идет об одном и том же человеке, что говорит о дате рождения Новикова Вячеслава Митрофановича.

О жизненном пути Новикова написано в протоколе его допроса: «(Я) держал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда, выдержал, поступил на военную службу, затем выдержал экзамен на прапорщика и был произведен. В [190] 6-м году был переведен в Иркутск, выдержал экзамен в Иркутское военное училище, окончил, поступил в 184[-й] пехотный полк, затем перевелся в город Воронеж в 25[-й] пехотный Смоленский генерала Раевского полк, затем в чине поручика вышел на войну.

Во время войны за боевые отличия был произведен последовательно в чины штабс-капитана, капитана, подполковника, полковника и представлен к получению звания генерал-майора.

Награжден всеми боевыми наградами включительно до Георгия и Георгиевского оружия.

После развала фронта прибыл в Воронеж, где хотел остаться жить совершенно частным человеком. Проживал на хуторе под Воронежем. На том же хуторе в [19]18-м году был арестован, но при аресте уехал верхом на неоседланной лошади. Жил на Украине, затем попал на войска добрармии»⁷.

В Российском Государственном Военно-историческом архиве имеются документы о переводе Новикова из Варшавского пехотного полка в 25-й пехотный Смоленский полк. Так, в его рапорте написано:

«Командиру 1-ой роты... полка
от младшего офицера Варшавского полка

Рапорт

Прошу ходатайствовать о переводе меня в 25-й Смоленский полк для совместного служения с братом моим подполковником Новиковым, командиром ст. Воронеж, и для сближения с др. родственниками, живущими в гор. Воронеже и Воронежской губернии.

Подпоручик Новиков»⁸

Здесь же читаем документ о согласии командира 25-го пехотного Смоленского полка на перевод Новикова:

«Начальнику 7-й пехотной дивизии

Представляя ходатайство подпоручика 184 пехотного Варшавского полка Новикова, с выраженным согласием командира полка о переводе означенного офицера на службу во вверенный мне полк, доношу Вашему превосходительству, что как с моей стороны, так же со стороны общества офицеров вверенного мне полка на предмет перевода означенного офицера препятствий не встречается...

16 апреля 1912

г. Воронеж...»⁹.

Из послужного списка на момент перевода:

«...мл. офицера 184-го пехотного Варшавского полка подпоручика Вячеслава Митрофановича Новикова... 29 февраля 1912 года... Родился 1883 года октября 3 дня... Православный... Из мещан Воронежской губернии... В Иркутском пехотном училище окончил курс по 1-му разряду... Холост... Получает жалованье 660 руб., квартирных 169 руб. 50 коп., добавочных... всего 1009 руб. 50 коп. в год.

В службу вступил вольноопределяющимся в 223-й Коротоякский резервный батальон 1901 года марта 12.

Ефрейтором – 1902 год января 14.

Младший унтер-офицер – 1902 год ноября 5.

Уволен в запас армии 1903 года сентября 11.

По мобилизации призван на службу в 224-й Скопинский полк – 1904 год июня 2.

По выдержании экзамена Высочайшим приказом переведен в Подпрапорщики – 1905 год октября 21.

Зачислен в Иркутское пехотное училище – 1906 год сентября 6.

Подпрапорщиком 184-й пехотный резервный Варшавский полк – 1909 год августа 6.

Со старшинством – 1908 год июня 15.

В походах и делах против неприятеля не был.

Командир полка...»¹⁰.

Ольга Алмазова на допросе в ОГПУ рассказала: «Новиков в первую мировую войну прошел путь от прапорщика до полковника, награжден Георгиевским крестом – белый офицерский Георгиевский крест за взятие вражеской батареи. О его подвигах я слышана от своего брата, Алмазова Сергея Васильевича, служившего в Смоленском полку. Новиков за храбрость был представлен к званию генерал-майора, лишь развал армии помешал ему получить это звание»¹¹.

В «Воронежской Книге Памяти Великой войны 1914-1918 годов» об образовании и участии Новикова в Первой мировой войне записано:

«Образование – общее домашнее, военное – Иркутское пехотное юнкерское училище по 1 разряду.

Прохождение службы: нижний чин – с 1901 марта 12 дня, прапорщик – с 1905 октября 21 дня, подпоручик – с 1909 августа 6 дня, со старшинством – с 1908 июня 15 дня, поручик – с 1913 декабря 15 дня, со старшинством – с июня 15 дня 1912 года, штабс-капитан за боевые отличия – с 1915 января 22 дня, со старшинством – с 1914 октября 14 дня. В кампанию 1914-15 гг. против германцев и австрийцев ранен и контужен не был.

Командующий 1 ротой – с 6 дек 1915.

Награды – 1915 г. – орден Святой Анны 4 степени «За Храбрость»; орден Святого Станислава 3 степени с мечами; орден Святой Анны 3 степени с мечами и бантом; орден Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом и Георгиевское оружие»¹².

О конкретных подвигах Новикова в книге Григорова записано:

«Новиков Вячеслав Митрофанович, штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка, подполковник 497-го пехотного Белецкого полка.

”За то, что в боях 25-го июля 1915 года у с.с. Щепанково и Особное и 27-го Июля у д. Загробы, исполняя должность начальника штаба боевого участка, будучи послан начальником участка, подвергая свою жизнь явной опасности, приводил в порядок пришедшие в замешательство части, лично направлял их и располагал для восстановления боевого порядка, принял по собственной инициативе меры против охвата противником фланга участка, лично установил прерванную связь с соседним участком и благодаря верной оценке обстановки и своей самоотверженной деятельности, которой он не прекратил, несмотря на полученную тут же контузию, способствовал удержанию позиции войсками своего боевого участка”.

Награжден за отличия в 25-м пехотном Смоленском полку.

“За то, что, состоя в рядах 25-го пехотного Смоленского генерала Раевского полка, в чине штабс-капитана, при штурме укрепленной немецкой позиции у дер. Занарочь в ночь с 7 на 8 марта 1916 года, приняв начальство над батальоном, за выбытием его командира, увлекая примером личного мужества подчиненных, первым вскочил в окоп сильно укрепленного важного пункта позиции противника и при самых тяжелых условиях удержал этот пункт, причем батальоном было взято: действующий пулемет, пленные и другие трофеи”¹³.

После возвращения с фронта Новиков проживал под Воронежем, при попытке красноармейцев его арестовать бежал, вступил в добровольческую армию. С нею прибыл в Воронеж, где сформировал Смоленский полк.

Вот что 16 и 17 октября 1919 г. писала воссозданная в Воронеже газета «Дело»:

«Восстанавливается доблестный 25-й пехотный генерала Раевского полк¹⁴... Запись производится в Воронеже Б. Дворянской д. 23 в помещении магазина “Проводник” (под гостиницей “Бристоль”) ежедневно с 10 до 2 часов и с 4 до 6 часов... Полковник Новиков».

Добровольческая армия оставила Воронеж. Отступая со Шкуро от Воронежа, сформированный Новиковым полк принимал участие в боях под Касторной. В составе частей Деникина отходил к Ростову, защищал Ростов, оборонялся при отходе к Новороссийску.

Переправившись в Крым, в составе частей Врангеля полк принимал участие в боях в Северной Таврии.

Прикрывал отход частей и опоздал на эвакуацию в Севастополь, пытался эвакуироваться на кораблях в Ялте, но так как мест для всех смоленцев не хватило, остался в Крыму.

Переодевшись в форму буденовцев, смоленцы во главе с Новиковым прошли полуостров, пытались перейти реку на границе с Польшей, но она оказалась замерзшей, двинулись на юг и были задержаны.

Оказавшись в Киеве в лагере, Новиков оттуда бежал. Перебрался в Польшу. В Польше занимался по линии Красного Креста эвакуацией солдат остатков русской армии в другие европейские страны, в чем ему помогал генерал Кутепов¹⁵. Общался с бывшим великим князем Николаем Николаевичем¹⁶, с Врангелем¹⁷.

После подписания мира между Польшей и Россией был выслан.

Вот что писали газеты:

ИЗВЕСТИЯ 25. 03. 22 г. «Варшава. 23 марта... По сообщениям в Варшаве проведены обыски среди русских монархистов, бывших сандовников, аристократов, генералов... Среди арестованных Новиков... из них высланы... Новиков...».

ИЗВЕСТИЯ 11. 04. 22 г. «... попытка русских монархистов спровоцировать русско-польский конфликт, в результате чего должна была последовать реставрация русской монархии... военные организации русских монархистов находились в подчинении “законспирированных” генералов... главнокомандующим в Польше был генерал Новиков... польским властям стали известны крайне рискованные планы русских монархистов...».

Существует версия, что Новиков получил звание генерала лично от генерала Врангеля, когда отказался один со штабом уплыть в эвакуацию и оставить солдат, на которых места на кораблях не хватило.

Вся эпопея смоленцев, их командира и его жены описана в документальном романе Михаила Федорова «Ольга Алмазова»¹⁸, а также переизданном в Москве под названием «На полях Гражданской...»¹⁹.

После высылки из Польши Новиков жил в Данциге, Сербии, Франции, Бельгии, дважды выезжал в Россию.

В России находился под именем Гротского Филиппа Агеевича.

Новиков был арестован 21 марта 1928 г. в Ростове-на-Дону. При обыске у него изъяли револьвер системы Браунинг, к нему три обоймы с полным зарядом обойм; револьвер системы Вальтер с двумя обоймами патрон к нему; 48 патрон к револьверу Вальтера и пять – к браунингу в небольшом кожаном кисете; доллары, червонцы, письма.

Новикова обвинили в нелегальном прибытии из-за рубежа для антисоветской работы с целью свержения Советской власти и установления монархического строя; в подготовке на территории СССР террористических актов против членов правительства и вождей компартии; в нелегальном распространении в СССР монархических воззваний (см.: Дело № 9904 по обвинению гр. Гротский Филипп Агеевич, он же Новиков Вячеслав Митрофанович²⁰).

Символичны показания Новикова при допросе: «Я вообще никогда политикой не занимался, я был беспартийный, но когда до Революции был развал фронта, я стал против этого, как сделал бы каж-

дый офицер. Я не мог согласиться, что разваливаются старые войска, и каждый из вас так же отнесся к этому, если бы стали разваливать Вашу Красную Армию. Меня к новому тогда не потянуло. До войны я был беспартийный, а во время войны был фанатиком своего дела, не щадя себя, своей жизни, считал, что если выдержу до конца, то благодарное Отечество даст мне возможность пользоваться заслуженным и почетным отдыхом. Затем я увидел, что это не так, а когда меня уже звали, то я не поверил, не пошел, был арестован, за то что не явился на перерегистрацию и мобилизацию, но ушел»²¹.

Может, что-то не договаривал Вячеслав Новиков, почему анкету при окончании следствия заполнил от имени Гротского Филиппа Агеевича²²?

Новикова держали в застенке, видимо, намереваясь использовать в устранении Кутепова, с которым тот был близок со времен Гражданской войны, а когда в январе 1930 г. Кутепов был ликвидирован большевиками, интерес к Новикову пропал.

3 марта 1930 г. Коллегией ОГПУ Гротский Ф.А. приговорен по ст. 58-4,8,10 УК РСФСР к ВМН²³.

Гротский Ф.А. расстрелян 4 июня 1930 г. в Москве. Захоронен на территории Ваганьковского кладбища²⁴.

Родовое село Новикова Трещевка Землянского уезда (Семилукского района – ныне) постепенно вымирало, и теперь в нем постоянно никто не живет.

¹ Справка Центрального архива ФСБ от 01.01.2007 № 10/А-3999

² Центральный архив ФСБ. Ф. Р-41012. Оп. 1. Д. 9904. Л. 5 Дело по обвинению гр. Гротского Филиппа Агеевича, он же Новиков Вячеслав Митрофанович.

³ ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. 13558.

⁴ 7-8 февраля 1807 года при Прейсиш-Эйлау (Пруссия) произошла битва русско-пруско-французской войны.

⁵ Василий Акимович Русанов (1779 – не ранее 1831 г), русский генерал. Под его командованием Александрийский гусарский полк принимал участие в войнах с Наполеоном. 27 января 1807 года в сражении при Прейсиш-Эйлау проявил мужество и храбрость, за что награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. В 1812 году формировал пехотные и егерские полки в Воронеже, Рязани и Тамбове. 30 сентября 1827 года уволен со службы. В 1831 году Русанов проживал в Землянском уезде Воронежской губернии.

⁶ Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Том I. Составитель – Григоров А.И. – М.: Типография ООО МИД, 2014. – ISBN 5-85167-049-4. Тираж 100 экз. – с. 1262.

⁷ Центральный архив ФСБ. Ф. Р-41012. Оп. 1. Д. 9904. Л. 6, 6 об. Дело по обвинению гр. Гротского Филиппа Агеевича, он же Новиков Вячеслав Митрофанович.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34218. Л. 174.

⁹ Там же. Л. 179.

¹⁰ Там же. Л. 176.

¹¹ ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. 13558.

¹² Воронежская Книга Памяти Великой войны 1914-1918 годов. Том I. Составитель – Григоров А.И. – М.: Типография ООО МИД, 2014. С. 1262.

¹³ Там же.

¹⁴ 25 Смоленский пехотный полк, сформирован в 1700 году, участвовал в Северной войне (1770-1721); в 1703-1705 г. в 3-м и 4-м шведских походах; в Полтавской битве; 1768-1774 в русско-турецкой войне; 1799 г. – в итальянском и швейцарских походах; 20 ноября 1805 г в бою под Аустерлицем; в Отечественной войне 1812 года; в 1917 году, когда армия отступала от Тернополя, смоленцы не только отбили атаки немцев, но и переходили в контрнаступление.

¹⁵ Александр Павлович Кутепов (16 (28) сентября 1882 год, Новгородская губерния – 26 января 1930 года), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. Первопоходник. В 1928-1930 – председатель Русского общевоинского союза.

¹⁶ Великий князь Николай Николаевич (Младший), (6 (18) ноября 1856, Санкт-Петербург – 5 января 1929, Антиб, Франция), сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны (урожденной принцессы Ольденбургской), внук Николая I; генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (6 декабря 1900), Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914-1915); 16 ноября 1924 года принял общее руководство русской военной организацией в эмиграции Русским общевоинским союзом.

¹⁷ Петр Николаевич Врангель (15 (27) августа 1878, Новоалександровск, Ковенская губерния, Российская империя – 25 апреля 1928, Брюссель, Бельгия), русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше. В 1924 году Врангель создал Русский общевоинский союз, объединивший большинство участников Белого движения в эмиграции.

¹⁸ Михаил Федоров. Ольга Алмазова. – Воронеж. Издательство им. Е.А. Болховитинова, 2008. – 798 с. Также опубликована в литературно-художественном журнале «Воин России», номера 8, 9 и 10 за 2007 год и в литературном журнале «Южная звезда» номера 3 и 4 за 2008 год.

¹⁹ Михаил Федоров. На полях Гражданской... – Москва. Вече, 2019. – 384 с.

²⁰ Центральный архив ФСБ. Ф. Р-41012. Оп. 1. Д. 9904.

²¹ Там же. Л. 15 об.

²² Там же. Л. 43.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Справка Центрального архива ФСБ от 01.01.2007 № 10/А-3999.

О введении в научный оборот документов архивного фонда «Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»

*С.И. Филоненко,
д. и. н., профессор,
ректор
Воронежского
государственного
педагогического
университета*

*Т.В. Филоненко,
д. и. н., профессор
Воронежского
государственного
педагогического
университета*

Важнейшим этапом в изучении истории боев на воронежской земле в годы войны явилось рассекречивание основной массы документов фонда «Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» Государственного архива Воронежской области, которое произошло в 2004 г. Введение в научный оборот данных документов осуществлялось одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, они широко стали использоваться при публикации преимущественно в Воронеже монографий ученых вузов города. К ним следует отнести труды историков С.И. Филоненко, В.А. Шамрая, Т.П. Малютиной, Е.А. Шендрикова, Н.В. Филоненко, Дж. Скотони и др.¹ В частности, монография «Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943)»² в 2003-2005 годах трижды переиздавалась общим тиражом 6000 экземпляров, была оцифрована и стала доступна в Интернете на сайте «Милитера. Военная литература»³.

К 60-летию Великой Победы в Воронеже была издана книга «Острогжско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону»⁴, в которой были опубликованы трофейные документы итальянского альпийского корпуса, а также коллекция трофейных венгерских и немецких газет, журналов и фотоматериалов. Книга выдержала два издания. Общий тираж составил 4000 экземпляров. В течение почти 15 лет она доступна в Интернете на сайте «История России. Всемирная, мировая история»⁵.

Также два издания в 2006 и 2007 гг. выдержала монография «Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942-1943»⁶ общим тиражом 4000 экземпляров. Она стала первым фундаментальным трудом в России, в который были включены фрагменты около 200 фашистских листовок на русском языке, подвергшихся анализу и критике. К моменту издания данной книги в ФРГ немецким историком Клаусом Кирхнером были опубликованы 19 томов сборника⁷, которые содержали листовки воевавших в период Второй мировой войны армий.

В 2012 г. в Будапеште европейское издательство «L'Harmattan», имеющее штаб-квартиру в Париже и отделения в Будапеште и Турине, перевело на венгерский язык и издало в Европе книгу воронежских историков о психологической войне на Дону⁸.

К 70-летию начала Великой Отечественной войны Историческим музеем региона Трентино в Италии была издана монография «Победить! Победим!» Открытки с русского фронта (1941-1942)»⁹. В ней опубликованы 193 открытки итальянских военнослужащих с советско-германского фронта. Данные открытки были предоставлены как итальянским музеем, так и Государственным архивом Воронежской области.

Этому проекту предшествовала публикация в 2008 г. итальянским издательством «Панорама» в Тренто, столице альпийских войск, двухтомника «Закулисье итальянского поражения в России: в неизвестных документах 8-й армии»¹⁰. Таким образом, в научный оборот были введены 172 документа преимущественно из ГАВО.

Также некоторые документы из фонда «Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» введены в научный оборот итальянским историком Джорджо Скотони, который опубликовал две монографии: «Красная Армия и итальянское поражение (1942-43)»¹¹ и «Верный враг. Истребительная война в СССР и итальянская оккупация на Верхнем Дону»¹².

Новым этапом в публикации трофейных документов в Воронеже явилось издание в 2013 г. книги «Сражения на Воронежской земле глазами русских и оккупантов. 1942-1943 гг.»¹³. В ней было опубликовано более 400 документов и фотографий как из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ, так и Государственного архива Воронежской области. Интерес читателей к данному изданию был связан с тем, что в нем были представлены документы не только Красной Ар-

мии, но и трех армий агрессоров, воевавших на Дону: 2-й немецкой, 8-й итальянской и 2-й венгерской.

В связи с этим автором книги было принято решение издать в Воронеже пятитомник «Война на Воронежской земле 1942-1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов»¹⁴. Сегодня проект успешно реализован и близок к своему завершению. С 2014 г. по настоящее время изданы четыре тома, работа над пятым завершена, и он выйдет к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Очень важным этапом в ходе введения в научный оборот трофейных документов явились публикации материалов международных научных конференций, посвященных боям в районе Воронежа, на Дону. С 2003-го по 2018 г. было организовано и проведено 8 международных конференций в России и Западной Европе. Они прошли в Воронеже и Москве в 2005, 2008, 2012, 2015, 2017 и 2018 гг.¹⁵, а также в Италии в Тренто (2003), Риме (2010) и Модене (2017)¹⁶. Наиболее крупная из них – конференция «Война на Дону. 1942-1943 годы», в которой приняли участие представители из 12 государств. С докладами выступили ученые университетов, крупнейшие военные историки, начальники институтов военной истории, а также руководители исторических служб Генштабов из государств СНГ и ближнего зарубежья, а также Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Словакии. Девятая конференция из этой серии состоится в Воронеже в марте 2020 года и будет посвящена 75-летию Великой Победы.

¹ Шамрай В.А. Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 2011. 390 с.; Шамрай В.А. Оборонительное сражение за Воронеж (28 июня – 11 июля 1942 г.). Воронеж, 2012. 94 с.; Шендриков Е.А. Боевые действия в районе Воронежа в июле 1942 – январе 1943 гг. Воронеж, 2012. 221 с.; Филоненко Н.В. Хорти против Сталина: вторжение венгерских войск и их разгром в СССР. 1941-1944 гг. Воронеж, 2017. 392 с.; Скотони Дж. Урок для Муссолини: история боев советских войск против 8-й итальянской армии 1942-1943 гг. Воронеж, 2016. 444 с.; Малютина Т.П. Авантюра маршала Антонеску: румыны в войне против СССР. 1941-1944 гг. Воронеж, 2019. 448 с.

² Филоненко С.И. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2003, 2004, 2005. 255 с.

³ Сайт «Милитера. Военная литература». Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/filonenko_filonenko01/index.html

⁴ Филоненко С.И., Филоненко А.С. Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005, 2006. 412 с.

⁵ Сайт «История России. Всемирная, мировая история». Режим доступа: <http://www.istorya.ru/book/roo/index.php>

⁶ Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды, 1942-1943. Воронеж, 2005, 2006. 414 с.

⁷ Kirchner Klaus. Flugblätteraus der UdSSR: Front-Illustrierte 1941-1945. Erlangen: Verl. D+C, 1992.

⁸ Filonenko S.I., Filonenko M.I. Lelektani Haboru A Donnal. A fasiszta propaganda mitoszai. 1942-1943. Budapest: L'Hartmattan, 2012. 264 p.

⁹ Filonenko S.I., Antonelli Q. "VINCERE! VINCEREMO!" Cartoline sul fronte russo (1941-1942). Trento: Fondazione Museo Storico Del Trentino, 2011. 148 p.

¹⁰ Scotoni G., Filonenko S.I. Retroscena della disfatta italiana in Russia nei documenti inediti dell'8a Armata, Vol. 1-2. Trento: Casa Editrice Panorama, 2008. 191 p., 446 p.

¹¹ Scotoni G. Il nemico fidato. La guerra di sterminio in URSS e l'occupazione alpina sull'Alto Don. Trento: Casa Editrice Panorama, 2013. 448 p.

¹² Scotoni G. Il nemico fidato. La guerra di sterminio in URSS e l'occupazione alpina sull'Alto Don. Trento: Casa Editrice Panorama, 2008. 448 p.

¹³ Филоненко С.И. Сражения на Воронежской земле глазами русских и оккупантов. 1942-1943 гг. Воронеж, 2013. 512 с.

¹⁴ Филоненко С.И. Война на Воронежской земле 1942-1943 гг. в документах Красной Армии, вермахта и войск сателлитов: в 5 т. Воронеж, 2014-2018. 496 с., 416 с.

¹⁵ Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: материалы международной научной конференции. Воронеж, 2006. 584 с.; Война на Дону. 1942-1943 гг.: материалы международной научной конференции. Воронеж: Истоки, 2008. 742 с.; Сражения на Дону: от Воронежа до Сталинграда. 1942-1943 гг.: материалы международной научной конференции. Воронеж, 2014. 393 с.; Вторая мировая война и современность: материалы международной научной конференции. Воронеж, 2015. 388 с.; Сражения в России: Дон и Сталинград. Взгляд через 75 лет: материалы международной научной конференции. Воронеж, 2017. 292 с.; Сражение за Воронеж и его место в истории Великой Отечественной войны: материалы международной научно-практической конференции. Воронеж, 2018. 190 с.

¹⁶ Dallaparte di Ivan. Il racconto della ritirata del Don a confronto con la storia locale Russa. Trento : ISKRA, 2003. 202 p.; La campagna di Russia: Nel 70o anniversario dell'intervento dello CSIR. Corpo di Spedizione italiano in Russia. Roma : Edizioni Nuova Cultura, 2013. 288 p.; Battaglie in Russia: Don e Stalingrado. Sguardo 75 anni dopo, 20-21 giugno 2017, Modena. Milano: Edizioni Unicopli, 2018. 272 p.

Малая родина Василия Пескова: от военного городка к селу (страницы истории села Орлово)

Н.Ю. Хлызова,
к. биол. н., заведующая музеем
Василия Пескова Воронежского
государственного природного
биосферного заповедника
имени В.М. Пескова

В настоящем сообщении приводятся материалы по истории села Орлово, полученные в ходе историко-архивного анализа, проведенного при подготовке экспозиции «Малая родина» музея Василия Пескова Воронежского государственного природного биосферного заповедника имени В.М. Пескова.

Беспокойное пограничье (XVII в.). Уже вскоре после постройки городка Орлова в 1646 г. и укреплений по реке Усмани воронежский воевода Андрей Бутурлин с известной долей правды мог сказать, что до устройства этой линии «татарские приходы были многие и ныне... за итеми крепостьми в Воронежском уезде войною татарья не бывали, потому что татарский ход отнят»¹. Однако жизнь городка Орлова еще долго оставалась беспокойной.

Архивные документы донесли до наших дней хронику жизни небольшой военной крепости².

В 1658-1660 гг. татары несколько раз нападали с южной стороны Белгородской черты. В сентябре 1658 г. не одна сотня степняков пыталась прорваться в Воронежский уезд по мосту через реку Усмань у села Усмань-Собакино. Усманские атаманы вместе с драгунами городка Орлова отбили от татар. Тот же отряд пытался переправиться через реку Воронеж южнее города, но и здесь потерпел поражение.

В 1659 г. о постоянных татарских «приходах» к черте сообщают воеводы Усмани и Орлова-городка.

В 1669 г. татары подошли к городку Орлову. Схватка с кочевниками не обошлась без жертв: «...людей побили, а иных ранили тяжелыми ра-нами». Но атака была отбита, и татары ушли в степь.

В 70-е годы XVII в. татарские набеги участились в связи с обострением русско-турецких отношений, а затем и русско-турецкой войной 1676-1681 гг.: с 1676 по 1679 г. воевода Орлова-городка получил 107 отписок о нападениях татар.

Вторжения калмыков и татар на города южной окраины России нередко происходили одновременно. 18 сентября 1675 г. калмыки отогнали конские табуны у жителей Усмани. В тот же день татары и калмыки числом 100 человек подошли к городку Орлову, убили пятерых и ранили 13 человек, взяли в полон, конские и «животинные» стада.

В том же 1675 г. татары форсировали реку Усмань на Орловском участке Белгородской черты. Преодолев укрепления на западном берегу реки, после осады Хреновского острожка, проникли в Воронежский уезд. При нападении на городок Орлов татары, разрубив топорами надолбы, прорвались к посаду, пленили, убили и ранили на полях многих орловцев, захватили коней и скот. Воевода выступил против них, отбил табуны и стада, прогнал нападавших в степь.

Чаще всего кочевники атаковали Усмань³, беспокойным был и соседствующий с ней Орловский участок, реже всего татары появлялись под Воронежем⁴.

Защищая южные рубежи Русского государства, драгуны должны были заниматься землепашеством: каждый из них получил «по 20 четвертей земли «из порозших земель и из дикого поля»⁵. По современным меркам, каждый служилый человек был наделен 12 гектарами практически целинной земли.

Спустя четыре десятка лет после основания Орлова-городка, несмотря на беспокойную жизнь, хозяйство орловских драгун было весьма крепким. Это следует из сохранившейся челобитной⁶, поданной орловскому воеводе в 1688 г. В этом документе вдова усопшего драгуна часть состояния, отнятого у нее внуком, определяет следующими предметами: «5 лошадей, 3 коровы, 22 овцы, 20 свиней, 20 ульев, котел винный, железный, труба медная, котел путной (дорожный) медный, безмен, трое ножниц, косырь, скобель, чапля, буравль, долото, сошник с палицею, 2 топора, 3 серпа, шуба одевальная баранья, новая, 12 овчин деланных, войлок, седло, самопал с борошнем, 4 одоньи ржи, 60 копен овса, 30 копен гречихи, 20 телег проса, 10 копен сена».

Заметим, это лишь часть имущества, принадлежавшая усопшему драгуну Орлова-городка. Однако и этот список весьма красноречи-

во свидетельствует не только о состоятельности, но и о многотрудной жизни их владельца на беспокойном пограничье. Почившему служилому человеку приходилось не только стоять на сторожах, участвовать в схватках и преследованиях татар (для этих случаев был необходим дорожный котел), но и заниматься плотницким ремеслом – скобель, буравль, долото, топоры требовались для строительных и ремонтных работ. Орлов-городок драгуны «строили своими головами без прибылых людей⁷» и все неисправности деревянного острога поправляли сами. Они же строили и новые укрепления. И струги для «донских отпусков» ладить им тоже приходилось. При этом лошадей для службы, а следовательно, и корм для них служилые люди должны были выделять из своего хозяйства⁸, ведение которого давалось явно немалым трудом.

Б.П. Княжинский⁹, характеризуя сельское хозяйство соседней крепости – города Усмань, отмечал, что в «первые годы после поселения земельные участки за отсутствием рабочих рук осваивались владельцами их частично, запахивалось не более 10% земли, остальная оставалась нетронутой, шла на выпас скота. Система податного обложения, выполнения военной службы, различных натуральных повинностей «со двора» побуждала семью жить одним большим двором, с многочисленными свойственниками, принимать к себе во двор «половинщиков», «надольщиков»...».

Однако даже небольшие возделанные участки земли в ту пору благодаря высоким урожаям зерна (хлеба) обеспечивали нужды семьи и покрытие натуральных повинностей («донской отпуски»). Оставались и излишки. Об их наличии свидетельствует упоминание в списке вещей усопшего драгуна Орлова-городка винного котла. Винокурение в ту пору начинало набирать обороты, превращаясь в прибыльное дело.

Небываемое сбывается (конец XVII-XVIII вв.). С середины 90-х годов XVII в. повеяло новым духом: волею Петра I защитная линия государства Российского переносится на юг. Это стало возможным благодаря двум походам русской армии и флота к Азову – турецкой крепости в устье Дона.

Первый поход на Азов царь-реформатор предпринял весной 1695 г. Основные силы русской армии отправились вниз по Волге, а у Царицына перешли на Дон. Туда же, по Дону, спустились построенные в воронежском крае струги (речные транспортные суда), морские лодки и плоты.

Основная тяжесть сооружения судов легла на плечи служилых людей Белгородского полка. К судостроительным работам для первого Азовского похода на реке Воронеж были привлечены служилые люди городской службы и посадские люди из 21 города, среди которых Воронеж, Коротояк, Урыв, Острогожск, Костенск, Ольшанск, Землянский, Орлов стояли на современной воронежской земле¹⁰. Сохранилась справка о строительстве стругов и морских лодок в воронежском крае для Азовского похода 1695 г.¹¹: «...по указам великих государей... для их, великих государей, службы в плавный ход на Дон, Белгородского полку в городах, деланы струги и лодки, и струговые припасы – городовые службы и посадскими людьми.

На Воронеже. Стольник Григорий Титов, да подъячий Степан Алексеев, воронежцы, коротоячань, урывчань, острогожцы, костенцы, орловцы, ольшанцы 2332 человека. А сделано 202 новых, 179 на подряд, 141 отписных. Итого 522 струга... И в том числе сделано: 21 струг с чердаками, да на одном струге мыльня брусная, да 2 ертаульных.

42 лодки морских липовых одностеревных... в том числе 15 лодок с ошивенными досками... да одна лодка с перилами.

134 плота с правильными веслы, мерою поперег по 5, в длину по 6 сажень, да посторонь по бревну по 8 сажень.

Да воронежский воевода Михайло Леонтьев делал в донской отпуск 203 года¹² 32 струга...».

Несмотря на тщательную подготовку, осада Азова русской армией в 1695 г. закончилась «конфузией» – турки не сдали крепость. Главной причиной неудачи этой военной экспедиции царь усмотрел в отсутствии у России морского флота.

Подготовка ко второму Азовскому походу началась незамедлительно. Верфи для постройки азовской морской флотилии решено было ставить на реке Воронеж. Город Воронеж становится центром кораблестроения. Объем работ, которые предстояло выполнить за крайне короткий срок, изумляет. Не случайно в честь постройки русских боевых кораблей была выбита бронзовая медаль с гордой надписью на латинском языке: «Небываемое – бывает!»

Весной 1696 г. из Воронежа под Азов двинулся вновь построенный, теперь уже морской флот – 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галаса и 4 брандера с посаженными на них 4 тысячами войска¹³. В их числе был и Петр I. Он направился в низовья Дона на галере «Principium».

19 июля 1696 г. Азов был взят, основная цель Азовских походов была достигнута.

Кораблестроение на воронежской земле продолжалось до 1711 г.

Орловцы, как и жители всего воронежского края, оказались вовлеченными в воплощение грандиозных планов Петра I.

Обратимся к историческим документам того периода¹⁴.

Требовались работные и мастеровые люди. 19 марта 1696 г. воеводе предписывалось выслать из Орлова-городка всех бочаров «для готовности бочек к морскому походу на каторги».

В 1697 г. велено было 145 орловцам городской службы «быть на Воронеже у стругового и плотового дела». С «нетчиков», которых оказалось 15 человек, предписывалось «взыскать 1 1/2 рубля серебряными деньгами».

В апреле 1698 г. орловский воевода должен был выслать на Воронеж 50 человек орловцев «с подводами для караулу, посылок и для отправления должности кормщиков и гребцов в Азов». В том же году предписывалось послать на Воронеж девять кузнецов – «делать к корабельному делу гвозди и иные корабельные припасы».

В октябре 1699 г. требовалось отправить на Воронеж, на адмиралтейский двор, в прибавку к прежним работным людям, 280 человек орловцев с запасами, подводами и топорами. В ноябре того же года надо было послать уже 365 человек, «оставив в Орлове для караулу 20 человек». Воевода Ваторопин отвечал, что «в Орлове такого числа набрать людей некого». От «нетчиков» велено было «взять штрафа по два рубля с человека серебряными деньгами», а «у тех, которые будут укрываться от платежа этих денег, побрать жен их, детей и свойственников, бросить их в тюрьму, где держать до уплаты пени».

В январе 1700 г. в Орлов «для разбору» послан был стольник Еремей Назарьевич Хрущев. Орловский воевода Сафонов представил ему список, в котором служилых людей Орлова-городка в ту пору значилось только 148 человек (в прежнее время оно доходило до 500). Из них 40 – были посланы в Воронеж к разбору, 29 – находилось в разного рода отлучках, а 73 человека – в бегах. В ту пору в Орлове было 290 дворов. Можно представить, какая пустота царила в военном городке!

Требовались припасы для стругового и корабельного дела. В апреле 1695 г. отправлено из Орлова «30 подвод с навозом для смоляного варенья на Мошки»¹⁵, где в лесной глуши занимались этим делом воро-

нежец Завесин и землянец Дехтеренко, обязанные изготовить четыре тысячи пудов смолы. В следующем году требовалось с орловцев, сверх того, «сколько доведется взять соломы и навозу со всякого двора».

В марте 1696 г. предписывалось орловскому воеводе «выслать на Воронеж для светлиц и мылен, делаемых на стругах, сухих липовых досок, числом 30, мерою в длину по три сажени, в ширину 1 3/4 аршина». Эти доски следовало «сыскать в роменских 16 лесах» и прислать на 30 подводках.

К началу апреля того же года предписывалось орловцам «изготовить сто четвертей уголья из дубового леса к галеасам и каторгам, строящимся в Воронеже».

Горели намеренно поджигаемые леса. «В нынешнем, в 1696 году, апреля в 26 день ведомо Великому Государю учинилось, что в орловском уезде по реке Воронежу, в борах, где струговое дело, зажигают леса, и от того струговому делу чинится великое порухение и морскому воинскому походу остановка». Орловскому воеводе предписывалось послать из дворян «человека добра, да с ним 20 человек, или больше для гашения лесов. Если же, за их нерадением, от огненного западения учинится эта остановка, то тем посланным быть в смертной казни».

«На обиход Великого Государя» из Орлова требовали живую рыбу, яблоки, присылали в городок на откорм лошадей, бывших в Азовском походе с царем и его свитой...

Волей государя, указом от 21 марта 1701 года ближайшие к верфям десять городов, в том числе и Орлов, были переданы в ведение приказа Адмиралтейства¹⁷. Пустел Орлов-городок, пустели и окрестные села. 15 мая 1701 года предписывалось денщику Ивашке Ефремову ехать «... в Воронежский уезд Усмонский стан в село Никоново, в село Угланскаи тех сел жителей всех до одного человека выслать при себе на Воронеж к смотру с лошадми и с телеги безо всякого замедления...». Месяцем позже денщику Федотке Козлову велено было ехать «в Воронежский уезд в село Собакино¹⁸... в том селе взять с собой станишников работных людей нетчиков по росписи... взяв, привести на Воронеж...»¹⁹.

И так не один год. И так по всему и без того малолюдному воронежскому краю. Предписывалось, требовалось, велелось. Звенели топоры, летела щепа, дымились кузни. От порубок и поджогов редели и на десятках верст исчезали воронежские леса. От несносных условий на верфях работные люди во множестве умирали или пускались в бег. Сбе-

жавших разыскивали и жестоко наказывали. В муках и великих трудах рождался морской военный флот. Небываемое сбывалось.

Военные успехи Петра I на юге меняют обстановку. Боевая жизнь в укрепленных городках Белгородской черты отходит сначала на второй план, а затем и вовсе сходит на нет. По мере продвижения границ государства к югу деревянные укрепления крепостей теряют свое значение и, оставаясь без починки и надлежащего ухода, постепенно разрушаются.

Мирные землепашцы (XVIII-XX вв.). Быстро угасала военная мощь и Орлова-городка. Уже в 1682 г. в описании укреплений Орлова, составленном в связи с приемом городка воеводой А.Л. Веневитиновым, отмечены факты ненадлежащего содержания крепости: «Московская башня с проезжими вороты, на той же Московской башни вестовой колокол розбит... Тайник и колодезь землею нанесло и сверху земля обсыпалась. Да около городка с трех сторон ров старой почищен вновь, с ослонным лесом, а тот ров весь в целости. Да около города надолбы огнили и опали»²⁰. Росписной список 1700 г., подытоживая описание орловских укреплений, фиксирует и вовсе печальные факты: «...и те все крепости на тех татарских бродах, башни и избы и надолбы подгнили и опали и повалились и многие вода разнесла»²¹.

Орлов-городок приходит в упадок, со временем утрачивая военные функции. Жизнь маленькой военной крепости постепенно меняется. На первый план выдвигаются житейские проблемы. Орловские драгуны, солдаты и пушкари становятся мирными землепашцами.

Не имея экономических условий для дальнейшего развития, Орлов утрачивает и ранг города. Официально потеря Орловом ранга города произошла в ходе административной реформы правительства Екатерины II.

В записке 1779 г. воронежского генерал-губернатора Е.А. Щербинина среди городов, подлежащих переводу в разряд сельских поселений, значился и Орлов: «Город же Орлов уничтожается потому, что он, будучи по разлеглости своей от губернского города Воронежа в ближайшем положении, способен по вмещении в Воронежскую округу, и не на большой дороге, а к тому и по скудости воды; да и строения в нем как казенного, так и партикулярного, которое б делало хороший вид, нет; и живут одни однодворцы в черных избах, покрытых соломою, так что никакой разницы с деревнями не имеет»²².

7. Воронежский вестник архивиста

Это предложение воронежского генерал-губернатора было реализовано правительством в указе от 25 сентября 1779 г.

Предваряя рассказ о сельском хозяйстве села Орлово (речь пойдет только о растениеводстве), следует отметить, что в целом ему свойственны черты земледелия севера Воронежской губернии. Однако оно приобрело и долго сохраняло особенности, связанные с военным положением поселения.

Многовековой опыт русских землепашцев, принесенный на север Воронежского уезда переселенцами из лесной зоны, заставлял орловцев засевать озимые поля рожью. Она была основной зерновой культурой, более неприхотливой по сравнению с другими хлебными злаками, не требующей многократной распашки земли, дающей урожай на любых полях. Говоря о «хлебушке», крестьяне имели в виду ржаной хлеб.

На яровых полях господствовали посевы овса. Его перерабатывали в крупу и толокно, питались сами, платили им «продналог» («стрелецкий хлеб», «донской отпуск»). Овес был лучшим кормом для лошадей, поголовье которых долгое время оставалось большим.

Яровая пшеница – культура более прихотливая, потому ее сеяли редко; весь ее урожай шел на продажу. Сами землепашцы белый хлеб не ели.

Для перемола ржи в Орлово имелись мельницы. М. Славинский²³ указывает для этого поселения 36 мукомольных агрегатов. Однако реальное число мельниц было явно меньше: авторы книги «Россия»²⁴ отмечают в селе Орлово 15 мельниц. Василий Песков в своих публикациях о мельницах вспоминает о 3 ветряках, которые были в его родном селе. В Государственном архиве Воронежской области удалось выяснить, что в Орлово в начале XX в. существовал конный мукомольный агрегат. Его владельцем являлся Гречишников Филипп Назарович²⁵. На момент составления описи имущества, в 1905 г., мельница на конной тяге, построенная хозяином на собственные средства, работала уже 8 лет. В году она использовалась не более 50 дней, так как «конкурировать приходилось с мельницами с двигателями». Судя по описи, мельница Гречишникова представляла собой перерабатывающий комплекс: в ней располагался мукомольный постав и просорушка, на ней же обрабатывали коноплю – «только для себя». За помол муки хозяин брал 1/10 часть муки и деньгами – «от пуда 5 копеек». За рушенье взималась такая же плата.

Фамилию еще одного владельца мельничного постава удалось выяснить при знакомстве с архивной описью крахмальной мастерской²⁶. Житель села Орлово Беляев Роман Дементьевич, кроме производства крахмала-сырца на продажу, занимался и мельничным делом.

Сохранилась информация о том, что в 1910 г. самым крупным промышленным предприятием в Орлово была мельница с керосиновым двигателем²⁷. Сведения о ее владельце пока не найдены.

В XVIII в. избыток зерна в черноземном крае приводит к широкому развитию винокурения, которое в Воронежском уезде приобретает промышленные масштабы. На момент составления Плана генерального межевания Воронежского уезда, в конце XVIII в., только в ближайшей округе села Орлово располагалось несколько винокуренных заводов: в селах Приваловка, Богородское, Углянское (ныне Углянец); в Усманском бору – в поселке Маклок и на лесном ухोजее Алексеевского монастыря.

Для орловцев, не желавших или не имевших возможности ехать торговать на Дон или в другие места, эти заводы, размещенные всего в 10–12 верстах, были удобными местами сбыта зерна, а их владельцы, скупая дешевое сырье, быстро богатели. Не случайно Маклокский винокуренный завод был крупнейшим в Воронежской губернии²⁸. С него начиналось и приумножалось богатство известных воронежских купцов Лукьяна и его сына Степана Кряжовых, подаривших Воронежу первый водопровод²⁹. След в истории оставили и владельцы расположенного неподалеку Веневитинского винокуренного завода – известные благодетели братья Ляпины³⁰.

Кроме зерновых, на орловской земле возделывались и крупяные культуры. Гречиха даже на плохих землях давала довольно высокий урожай. Гречневая каша входила в постоянный рацион питания крестьянской семьи. Сеяли ее и потому, что гречиха – отличный медонос. А крестьян, занимавшихся пчеловодством, было немало. Издавна было известно еще одно полезное свойство гречихи: ее плотно растущие посевы подавляют рост сорняков и очищают поле. Однако площади, занятые этой культурой, все же были невелики: она не выдерживала конкуренции с более засухоустойчивым просом.

В военных городках Усманской линии Белгородской черты выращивание проса, хорошо выдерживающего нередкие в черноземных краях засухи, началось в 60–70-е гг. XVII в.³¹ Эту культуру на север

Воронежского уезда завезли черкасы³². Постепенно площади посевов проса, дающего гарантированный урожай даже в годы великих засух³³, увеличиваются, а пшенная каша становится одним из главных блюд в питании жителей этого края³⁴. В Орлово в конце XIX в. обработку проса, ставшего к тому времени обычной и одной из важнейших культур, производили на местных просорушках³⁵, которые соорудились на личных подворьях.

Еще одной обязательной культурой, разводимой жителями всего черноземного края, была конопля. Из ее семян получали «конопное», то есть конопляное, масло. По данным, опубликованным в книге «Россия» (1902)³⁶, выручка от продажи конопляного семени зачастую покрывала все денежные повинности крестьян. Востребованы были и волокнистые стебли этого растения – они шли на изготовление тканей, веревок, канатов. Причем конопляное волокно «...лишь отчасти идет на продажу, ...большей же частью потребляется дома в крестьянском хозяйственном обиходе»³⁷.

В Орлово для обмолота конопли использовались просорушки, причем если их владельцы просо обмолачивали и на заказ, то коноплю обрабатывали «только для себя»³⁸. Старожилы Орлово еще помнят, как стебли конопли замачивали в реке. А в очерке «Зимовка» (В. Песков. В гостях и дома. 1985) Василий Песков описывает, как орловцы для повышения водостойкости соломенных крыш своих домов использовали веретъе. Значение этого вышедшего из обихода слова нашлось в словаре Владимира Даля. Оказалось, что относительно недавно, еще в 1930–1950-е гг., так называли грубую толстую ткань, изготовленную из очеса (отходов) льна и конопли. Использовали ее в качестве подстилки в телегах, на гумне, где обмолачивали хлеб. Орловцы-старожилы дополнили эту информацию, рассказав, что в их селе веретъе всегда ткали из конопляных волокон; свернутую в несколько слоев ткань, плохо впитывающую воду, клали на крышу под солому, а иногда прикрывали конопляной мешковиной соломенную крышу и сверху. Посевы конопли, по данным подомовых книг, встречались в Орлово и в послевоенные годы. Конопляники возделывали на хорошо унавоженной почве.

В петровские времена орловские приказные люди высылали в Воронеж запасы льна и работников к «фитильному делу» для изготовления пушечных фитилей. Это означает, что орловцы, кроме конопли, сеяли лен. Похозяйственные книги свидетельствуют – эта культура возде-

ывалась в Орлово вплоть до конца 40-х гг. XX в. Из книги «Россия»³⁹ узнаем: «...в противоположность нечерноземным местностям, где сеется лен-долгунец, дающий длинное хорошего качества волокно и сравнительно немного семян, на черноземе сеется лен, дающий сравнительно много семени и мало волокна, гораздо худшего качества, чем волокно северного льна. Льняное семя все поступает в продажу; что же касается волокна, то хотя крестьяне его и собирают, но оно все потребляется ими самими на грубые самодельные нитки и холсты».

Традиционными огородными культурами в Усмани и Орлове-городке с момента основания крепостей были лук, капуста, редька, морковь, свекла (борщ), огурцы; высевали горох⁴⁰.

Картофель появляется на участках орловцев, как и во всем воронежском крае, в XVIII в., во времена правления Екатерины II, а в XIX в., наряду с зерновыми, становится одной из основных культур.

Василий Песков о растениях писал редко. Список видов растительного мира, попавших в песковское «Окно в природу», невелик – дуб черешчатый, росянка круглолистная, подсолнечник, томат, табак, кукуруза, донник. Особое место в этом ряду занимает картофель. Его он неоднократно упоминает, рассказывая о своем военном детстве. Этому растению посвящен большой очерк Василия Пескова «Золотой плод – картошка»: «Картошка – такой известный продукт, что кажется, эти «земляные яблоки» людям знакомы с туманно-далеких времен. Родина картошки – Южная Америка.

В России картофель появился в 1700 г. Царь Петр, находясь в Голландии, распробовал новое кушанье и послал графу Шереметеву мешок картошки для посадки в «аптекарском огороде». Граф, как пишут, не знал, что делать с полученным урожаем. ...Признание народа картофель получил после семилетней войны в середине XVIII в. – русские солдаты, отведав «земляных яблок» в Польше и Пруссии, привезли их на родину. При Екатерине Второй картофель был признан правительством... И стал картофель быстро распространяться в нашем Отечестве...»

По сообщению первого российского агронома А.Т. Болотова⁴¹, в России при посредстве Государственной медицинской коллегии был издан приказ «распорядиться отправкой во все губернии земляных яблок на расплод», а в 1765 г. была разослана инструкция «о разводе и употреблении земляных яблоков». Начиная с этого года, только что основан-

ное Вольное экономическое общество систематически и целенаправленно занималось распределением посадочного материала картофеля на территории России. В 1770 г. появилась первая публикация о картофеле на русском языке.

В Воронежскую губернию культура картофеля была завезена немецкими колонистами, переселенными в 1766 г. Екатериной II на реку Тихую Сосну. Местное население, игнорируя царские указы, картофель не возделывало. Лишь после того, как немцы стали его продавать по дешевой цене, он вошел в употребление⁴².

Когда именно картофель появился на орловской земле, установить точно пока не удалось. Однако можно с уверенностью сказать, что культура эта пришлась местному населению явно по вкусу и давала хорошие урожаи на черноземной почве. Волостной писарь Николай Астырев, служивший в Орловской волости в 1881-1884 гг., сообщает, что один из жителей Орлово, выкрест, проходящий у автора под условным именем Иван Моисеевич, промышлял, арендуя у местного населения землю для выращивания картофеля, и вывозил его на продажу из здешних мест вагонами(!) в Ростов⁴³.

Архивные документы сохранили информацию и о том, что два десятилетия спустя, в 1905 г., в Орлово работали 20 крахмальных мастерских, владельцами которых были Р.Д. Беляев⁴⁴, И.В. Болотин, В.Ф. Болотов, Д.Ф. Болотов, И.Х. Болотов, И.В. Бучнев, Д.Ф. Корнеев, братья Некрасовы Павел и Парфен, Г.С. Попов, Я.Г. Русинов⁴⁵, В.Ф. Селезнев, Г.Ф. Селезнев, И.З. Селезнев, А.Е. Смольянов, И.А. Смольянов. В Орлово работала и крахмально-паточная мастерская И.М. Селезнева⁴⁶. Все эти кустарные предприятия были устроены на личных подворьях, на них велась переработка местного картофеля – владельцы мастерских по производству крахмала-сырца выращивали картофель на своих и специально арендованных участках, скупали его у односельчан. Крахмал-сырец продавали в своем селе и в село Бобяково по цене 50 коп. Мощность таких перерабатывающих заводиков составляла в среднем 1000 пудов крахмала-сырца, который использовался в винокурении. Из 10 пудов картофеля получали 2 1/2 пуда крахмала. Получаемая при переработке картофеля мезга шла на корм скоту.

Успехи орловцев в выращивании картофеля были замечены. В 1960 г. в Орлово был создан картофелеводческо-семеноводческий

совхоз имени Ленина. В течение двадцати пяти лет им руководил Илья Николаевич Песков – однофамилец Василия Михайловича и герой его очерка «Речка моего детства» (КП, 1970). Орловские картофелеводы принимали участие в восстановлении старейшего элитного отечественного сорта картофеля «Лорх», выведенного в 1922 г. на опытной станции в Коренево Московской области и названного по фамилии автора – Александра Георгиевича Лорха. «Лорх» был внесен в Госреестр в начале 30-х гг. прошлого века и более двадцати лет считался элитой. Потом его выращивание в промышленных масштабах резко прекратилось, но сорт сохранили огородники. В 1976 г. «Лорх» был с успехом восстановлен Институтом картофельного хозяйства имени А.Г. Лорха. В этом принимали участие и орловские картофелеводы.

Помидоры, по воспоминаниям Татьяны Павловны Песковой, еще в начале XX в. в Орлово были большой редкостью. Есть их отваживались немногие. Обычной культурой они становятся лишь в предвоенные годы. Об этом рассказывает Василий Песков в очерке «О подсолнечном масле, Колумбе и помидорах» (В. Песков. КП, 1992).

К числу растений, упомянутых в этом ряду, следует обязательно отнести подсолнечник. Василий Песков писал, что его детство прошло под подсолнухами (В. Песков. Похожий на солнце. КП, 1998). Выращивать подсолнечник на орловской земле начали, видимо, как и в других селах черноземного края, в качестве грызового растения. «Жевание семечек подсолнуха да кулачные бои – единственное развлечение в праздничные дни» – это строки волостного писаря Николая Астырева⁴⁷, описавшего жизнь орловцев в 80-е гг. XIX в.

Однако порядок жизни военного городка не мог не отразиться на особенностях хозяйствования орловцев.

Среди культур, выращиваемых усманцами на огородах, Б.П. Княжинский⁴⁸ отмечает хмель. На первый взгляд, этот факт не кажется удивительным: известно, что воронежский край являлся поставщиком хмеля и его специально выращивали на продажу⁴⁹. Однако культивировать это растение усманцам и орловцам не было нужды – хмель является типичным обитателем ольшаников, произрастающих по берегам реки Усмань. Но все становится на свои места, если вспомнить о том, что во времена существования Белгородской черты ольховые леса отводились жителям обеих крепостей «на убеги». Вход в них поселенцам драгунских слобод возможен был только в военное время, когда налетали тата-

ры. А хмель в хозяйстве необходим. Его издавна использовали на Руси для одушки пива и кваса. Вот и приходилось орловцам и усманцам на своих участках выращивать хмель, росший в немалых количествах в заповедном лесу. Василий Песков, вспоминая детство, описывает поляну с зарослями хмеля – «хмелевник» в конце огорода. Попав однажды в культуру, эта лиана с длинным корневищем надолго становится трудноискоренимым сорняком.

Условия жизни военных городков диктовали и другие особенности ведения хозяйства.

12 сентября 1699 г. орловскому воеводе Ваторопину из дворцового приказа, находящегося в Воронеже, поступило распоряжение осмотреть сады «всяких чинов людей, собрать яблоки которые годятся на обиход Великого государя и прислать их на Воронеж, к его, Великого государя, пришествию». Воевода, не побоявшись государева гнева, писал в ответ: «...в Орлове во всех слободах ни у кого яблок нет»⁵⁰. Он сообщал чистейшую правду – действительно, сады в Орлове, так же как и в Усмани, не разводили.

Причиной тому являлось не отсутствие у служилых людей времени на уход за садами, а снижение плодовыми деревьями, как и прочими другими, обзора местности. Яблоки к «яблочному спасу» орловцы могли привозить с проходившей в августе Преображенской ярмарки в Толшевском монастыре, где был монастырский сад, и из соседнего села Углынец. Владимир Кораблинов, рассказывая о петровских временах в повести «Воронежские корабли», зафиксировал этот факт: «У мужиков углянских водилось три дела: лес воровать, уголь жечь, ну и, само собой, пахать землю. Еще, правда, и четвертое было дело: сады. Но это как бы уже и за дело не шло. Хочешь – садовничай, хочешь – нет. Однако все садовничали»⁵¹. «Воронежские корабли» – художественное произведение, но факт отражен исторический.

Сады в ближайшей округе бывшего Орлова-городка появляются поздно, спустя более столетия после приобретения им ранга села.

С конца XIX в. сохранился микротопоним, и ныне упоминаемый орловцами, – Резников сад. До сих пор старожилы села добрыми словами вспоминают его хозяйку, которую они называют «барыня», «Разничиха» или «Резничиха». Под ее началом трудились крестьяне, ухаживавшие за плодовыми деревьями, ягодными посадками и декоративными растениями.

По рассказам орловцев, владелица образцового сада, устроенного в экономии на левобережье Усманки в сельце Приютино (Гудовка), жила в тех местах с весны до осени. В зимнее время она перебиралась в соседнее, более крупное сельцо Богородицкое (Болдиновка)⁵², где располагался каменный дом. Тучная, дородная Резничиха, по воспоминаниям селян, была женщиной доброй и справедливой; появления ее тарантаса с железнодорожной станции всегда ждали: детей она одаривала конфетами и мелкими монетками; крестьянам помогала в решении их житейских проблем. Летом, когда поспевала клубника, в хозяйском доме устраивался праздник – съезжались многочисленные гости. Их, по заведенной традиции, встречали нарядно одетые крестьянские девушки, ухаживавшие за клубничными посадками. Они же приносили для домочадцев и гостей большие подносы со свежими ягодами и варенье в красивых фарфоровых вазочках.

В Орлове помнят даже о том, что барыня умерла в Приютино, а похоронена в Воронеже, на Чугуновском кладбище. Не было у орловцев единства только в одном – некоторые называли сад Резниковым, другие – Разникóвым; соответственно звучало и прозвание «барыни». Подсказка, определившая верный путь архивных исследований, нашлась на фотографии из личного архива Василия Пескова, которую он сам подписал «В Резниковом саду».

Имя хозяйки знаменитого в прошлом на всю округу сада – Вера Яковлевна Резникова (урожденная Нечаева). Она числилась среди крупных землевладельцев Воронежской губернии. В сельце Приютино (Гудовка) Орловской волости ей принадлежало 284 десятины земли⁵³. В этой деревеньке было 20 дворов и проживали 77 человек мужского пола и 83 – женского пола⁵⁴.

Вера Яковлевна происходила из известной в Воронеже купеческой семьи Нечаевых⁵⁵. Выйдя замуж, она меняет не только фамилию, но и сословие – становится дворянкой. Ее муж, Резников Василий Михайлович (1832–1893), дворянин, надворный советник, имевший несколько правительственных наград. После окончания медицинского факультета Харьковского университета он служил городским врачом в уездном городе Острогожске (1860–1865). Переехав в Воронеж, сначала работал вторым сверхштатным городским врачом (1865–1870); в 1885–1892 гг. занимал пост санитарного врача города Воронежа⁵⁶. На это же время

приходится его работа в составе городской думы, гласным которой он избирался четыре раза⁵⁷.

В ту пору городская власть Воронежа, представленная консерваторами, активно противодействовала санитарным мероприятиям. Резникову приходилось прилагать немалые усилия для улучшения ситуации в этой сфере. В 1885 г. он впервые инициировал создание в Воронеже детской больницы. Однако это предложение, не поддержанное городской думой, так и осталось не реализованным⁵⁸. Профессионализм Василия Михайловича оказался бесценным в период после катастрофической засухи 1891 г., за которой последовали голод и масштабные эпидемии холеры и оспы. За год до смерти, в 1892 г., В.М. Резников подает в отставку, указывая в прошении о том, что его здоровье подорвано работой. После увольнения с должности городского санитарного врача он оставался попечителем исправительного арестантского отделения и работал врачом Мариинской женской гимназии⁵⁹.

Семья Резниковых была большой: в этом браке родились дочери Вера, Надежда, Любовь, Елизавета и сыновья – Николай и Станислав⁶⁰.

О Резниковых-младших удалось узнать совсем немного. Из книги воспоминаний Зинаиды Сергеевны Соколовой (урожденной Алексеевой), родной сестры известного театрального режиссера Константина Станиславского (Алексеева), стало известно, что Надежда Резникова в 1899 г. работала учительницей в Орлово и занималась организацией спектаклей народного театра⁶¹: «...Самый горячий вопрос – спектакль в Орлове. Затеяли его учительницы (второй учительницей там Надежда Резникова – дочь врача Резникова, бывшая светская барышня, но теперь из всех сил стремящаяся под чьим-то влиянием «идти в идеи»)... Резникова была у исправника и получила от него разрешение. Ставится «Не так живи, как хочется» Островского...». Представление должно было состояться в двух пустых комнатах второго этажа дома Ивана Ивановича Маликова⁶². Это строки из письма Константина Константиновича Соколова, мужа Зинаиды Соколовой, адресованного писателю Александру Ивановичу Эргелю.

Последним владельцем знаменитого на всю округу Резникова сада и земель, прилегающих к нему, был внук Веры Яковлевны и Василия Михайловича от старшего сына – поручик И.Н. Резников⁶³.

На этом история о большой семье Резниковых прерывается – обнаружить сведения пока не удастся. Однако добрая память о них и

удивительном Резниковом саде живет и ныне. Земляки Василия Пескова рассказывают, что уже в советское время, вплоть до 1980-х гг., Резников сад служил местом проведения экскурсий для школьников, где их знакомили с многообразием культурных плодовых и декоративных растений.

До середины XX в. сад на крестьянском подворье в Орлово был большой редкостью. Сестры Василия Пескова так и не смогли вспомнить, у кого из односельчан, кроме деда Пани⁶⁴ (Павла Матвеевича Сафьянникова), рос яблоневый сад. Сам Василий Михайлович, нередко вспоминавший эпизоды своего детства, писал, что единственный в Орлово вишенник соседа деда Лактюхи⁶⁵ подвергался нашествиям не только птиц, но и сельских мальчишек (Песков В. Ягодный пир. КП, 1992). У деда Лактюхи росла и одна яблоня. Когда созревал урожай, яблоки у него можно было покупать поштучно. Об этом рассказала А.В. Леонтьева, уроженка села Орлово, детство которой пришлось на те же годы, что и у Василия Пескова.

Традиции ведения хозяйства, продиктованные военным положением Орлова-городка, оказались очень живучими и сохранялись почти три столетия. Лишь в XX веке, в послевоенные годы, на участках орловцев появляются сады. Отец Василия Пескова, вернувшись с войны, тоже посадил на своем участке яблони и груши. В 1950-е годы был заложен плодовый сад у школы, в которой Василий Песков получал семилетнее образование.

В обоих военных городках не принято было высаживать и другие деревья. Б.П. Княжинский⁶⁶, объясняя эту особенность, отмечал: «...лес был рядом, и представлялось излишним заводить еще у себя дома». Для усманцев это утверждение отчасти справедливо. Для орловцев оно не может служить объяснением отсутствия деревьев на территории поселения – до ближайшей опушки леса не менее пяти километров. В этом случае, так же как и с садами, отсутствие деревьев вблизи домов и на территории военных поселений было продиктовано, прежде всего, тактическими соображениями. Деревья не только ухудшали обзор местности, но и могли служить укрытием для лазутчиков.

Из книги «Россия»⁶⁷ узнаем, что в деревнях и селах черноземной полосы, чтобы скрыть неказистость изб и дворовых построек, крытых соломой, а также уберечь их от пожара, крестьяне специально высаживали ветлы: «...спасительная ветла – это типичное дерево центра России.

Ветлами обсаживаются крестьянские дворы, огороды, риги. За этим наблюдает даже местная полиция в лице урядников, так как густая листва этого дерева служит некоторой охраной деревянных построек во время пожаров. Да и сами крестьяне любят это дерево. Оно быстро принимается, неприхотливо и отлично затеняет в летнее, жаркое время завалинки около изб».

В орловской военной крепости такой традиции не было. Фотографии села Орлово 1950-х гг. изумляют – особенность военного городка три века спустя все еще сохранялась: на улицах селения нет деревьев! «Из любой точки Орлово местность просматривалась до горизонта. Видны были Макарье, Горки. Единственным местом, где возвышались деревья, был парк, разбитый еще при постройке земской лечебницы⁶⁸. Туда нас вели на экскурсии. Показывали росшие там старые лиственницы, липы, боярышник. В той же стороне вдали синел лес», – об этом рассказала Т.В. Колмакова – уроженка Орлово, детство которой пришлось на 60–70-е гг. прошлого века. Услышав ее слова о синеющем за горизонтом лесе, мне стали понятны строки Василия Пескова из очерка «Воронежский лес». Свои детские впечатления он выразил так же. Таким же помнил Орлово и Владимир Кораблинов, писавший в повести «Воронежские корабли»⁶⁹ о синеющем за горизонтом лесе. Еще раньше, в 1880-е гг., в «Записках степняка»⁷⁰ об этом не раз упоминает Александр Эртель, живший на хуторе Грязнуша неподалеку. Об отсутствии деревьев пишет и Н. Астырев⁷¹. Наблюдательные представители четырех разных поколений отметили особенность села Орлово, доставшуюся ему от военного прошлого и существовавшую три века.

¹ Кошелев В.И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке // Известия Воронежск. государств. педагогич. института. Т. XII. Вып. 1. Воронеж, 1950. С. 141.

² См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Орловские акты. Изд. М. Де-Пулле. Воронеж, 1861. С. 48; Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. 1976. С. 147–148.

³ Княжинский Б.П. Очерки по истории Усманского края // Имя твоё – Усмань! Краеведческо-публицистический сборник. Усмань, 2007. С. 316–635.

⁴ См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний... 1861. С. 48; Воронежский край... 1976. С. 147–148.

⁵ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 130.

⁶ Веселовский Г. Исторические заметки о городе Воронеже // Воронежская беседа на 1861-й год. Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861. С. 286.

⁷ При строительстве новых городов Белгородской черты строители – ратные люди – набирались из разных городов на время постройки новой крепости. Так строился город Усмань – путем набора «прибылых» людей. Орлов-городок строили драгуны и солдаты. – См.: Кошелев В.И. Указ. соч. С. 110-111.

⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 132.

⁹ Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 334.

¹⁰ Воронежский край ... 1976. С. 147-148.

¹¹ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Приложения, ч. 1. СПб., 1864. С. 6-7.

¹² Донской отпуск 203 года – отправка жалованья донским казакам из Воронежа в 1695 году.

¹³ Второв Н. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861-й год. Издание М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861. С. 246-272.

¹⁴ См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний... 1861. С. 244-245, 250-251; 251-253; 257-258; Веселовский Г. Указ. соч. С. 307-311.

¹⁵ Мошка – малая река, правый приток Усмани; расположена в центральной части Усманского бора на территории заказника Воронежский. Ее долина представляет собой цепочку заболоченных участков, вытянутых вдоль прежнего русла. Постоянный водоток в настоящее время отсутствует.

¹⁶ Роменские леса – видимо, речь идет о лесах под Рамонью, где и в настоящее время по правобережью реки Воронеж у пос. Рамонь произрастают нагорные липняки с незначительным участием дуба. Возможно и иное толкование. Старое русское слово «рамень» означает «край леса». В предписании так могли быть обозначены лесные опушки.

¹⁷ Лавринов Ю.М. Работники воронежских верфей (К истории воронежского кораблестроения 1696-1711 гг.) // Воронежский край на южных рубежах России (XVII-XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 147-148.

¹⁸ Село Собакино – ныне село Новая Усмань – районный центр одноименного района Воронежской области.

¹⁹ Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. Сост. В.М. Проторчина. Воронеж, 1980. С. 26.

²⁰ Воронежский край... 1976. С. 147-148.

²¹ Кошелев В.И. Указ. соч. С. 142.

²² Воронежский край... 1980. С. 157.

²³ Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014. 240 с.

²⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1902. С. 375.

²⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6149.

²⁶ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6140.

²⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910. С. 78.

²⁸ Россия. Полное географическое описание... 1902. С. 375.

²⁹ Попов П. Городское самоуправление Воронежа 1870-1918. Воронеж, 2006. С. 23, 31, 35, 81, 89, 119-126, 130, 132, 134, 145, 165, 169, 175-178, 181, 182, 184, 187, 192, 193, 196, 197, 201, 202, 283, 378.

³⁰ См.: Попов П. Веневитинов, да не тот. Воронежский курьер. 1991. 23 сент.; Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 56.; Попов П. Городское самоуправление... С. 119-126, 175-178; Попов П.А. Воронежские купцы Ляпины – известные российские благотворители // Из истории воронежского края: сб. ст. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 199-208.

³¹ См.: Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 334-336; Березуцкий В.Д., Зацепин В.Д. Очерки истории верхнехавской земли: факты, события, люди. 2014. С. 137-182.

³² См.: Описание Воронежского наместничества 1785 года / Под ред. В.П. Загоровского. Воронеж, 1982. 148 с.; Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 321; Григорьевская А.Я. Адвентивная флора Воронежской области: Исторический, биогеографический, экологический аспекты / А.Я. Григорьевская, Е.А. Стародубцева, Н.Ю. Хлызова и др. Воронеж, 2004. С. 65.

³³ Эртель А.И. Криворожье // Избранное. Воронеж, 2006. С. 116-143.

³⁴ Россия. Полное географическое описание... 1902. С. 209.

³⁵ ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 11; Ф. И -20. Оп. 1. Д. 6149.

³⁶ Россия. Полное географическое описание... 1902. С. 212.

³⁷ Там же. С. 212.

³⁸ ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 11; Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6149.

³⁹ Россия. Полное географическое описание... 1902. С. 213.

⁴⁰ Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 335.

⁴¹ Болотов А.Т. Общие замечания о цветах // Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952. С. 412-418.

⁴² См.: Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии: Исследование члена-секретаря Воронеж. губерн. статистич. комитета Л.Б. Вейнберга. Воронеж, 1890. Вып. I. (XVI-XVII вв.). 109 с.; Воронежский край ... 1980. С. 76.

⁴³ Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. Воронеж, 2016. С. 61.

⁴⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6140.

⁴⁵ Там же. Д. 6154.

⁴⁶ Там же. Д. 6157.

⁴⁷ Астырев Н. Указ. соч. С. 39.

⁴⁸ Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 335.

⁴⁹ Григорьевская А.Я. Указ. соч. С. 58-59.

⁵⁰ См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний... 1861. Кн. 1. С. 276-277; Веселовский Г. Исторические заметки о городе Воронеже... 1861. С. 307.

⁵¹ Кораблинов В. Воронежские корабли // Воронежские повести. М., 1979. С. 77.

⁵² В селце Богородицкое (Болтиновка) в 1906 г. числилось 74 двора и проживали 229 человек мужского пола и 262 – женского пола. Его владельцы Ходские: Александр, Тамара и Ольга Ипполитовичи. – См.: Сведения о населенных местах Воронежской губернии. Воронеж, 1906. С. 12; Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912. С. 78.

- ⁵³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912. С. 77.
- ⁵⁴ Сведения о населенных местах Воронежской губернии. Воронеж, 1906. С. 12.
- ⁵⁵ Нечаев Иван Яковлевич – родной брат В.Я. Резниковой (Нечаевой). Купец, потомственный почетный гражданин, один из основателей и попечитель Нечаевской народной школы, член губернского статистического комитета, собиратель первой коллекции фотографий памятников старины Воронежа. Дважды избирался гласным в городскую думу. – См.: Попов П. Городское самоуправление... С. 382.
- ⁵⁶ ГАВО. Ф. И-2. Оп. 4. Д. 1041, 1042, 1043.
- ⁵⁷ Попов П. Городское самоуправление... С. 385.
- ⁵⁸ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1383.
- ⁵⁹ Там же. Ф. И-2. Оп. 4. Д. 1041, 1042, 1043.
- ⁶⁰ Там же. Д. 1043.
- ⁶¹ Соколова З. Наша жизнь в Никольском. Деревенские записки / Сост., подготовка рукописи и комментарии С.Н. Сукочевой. Воронеж, 2004. С. 141-142.
- ⁶² Маликов Иван Иванович – житель села Орлово, мещанин, происходивший из крестьян Задонского уезда.
- ⁶³ ГАВО. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 17; Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 227.
- ⁶⁴ Дед Паня – Павел Матвеевич Сафьянников – родной брат Волохиной (урожденной Сафьянниковой) Прасковьи Матвеевны, бабушки Василия Пескова.
- ⁶⁵ Дед Лактюха – Галактион Матвеевич Хорпьяков, крестьянин, житель села Орлово, упоминаемый в очерках В. Пескова «Плата за выстрел», «Ягодный пир» и др.
- ⁶⁶ Княжинский Б.П. Указ. соч. С. 335.
- ⁶⁷ Россия. Полное географическое описание... С. 175-176.
- ⁶⁸ Деревянное одноэтажное здание Орловской земской лечебницы располагалось на месте построенной в начале 1980-х амбулатории и стационара на улице, называемой ныне Больничной.
- ⁶⁹ Кораблинов В.А. Воронежские корабли // Воронежские повести. М., 1979.
- ⁷⁰ См.: Эртель А.И. Записки степняка. Воронеж, 1958. 380 с.
- ⁷¹ Астырев Н. Указ. соч. С. 39.

***ПУБЛИКАЦИИ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ***

Из истории эвакуации воронежских архивов в 1919 г.

*В.А. Алленова,
к. и. н., доцент Воронежского
государственного
университета*

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области хранит немало ценных источников мемуарного характера. Многие из них, относящиеся к революционному периоду и первым годам становления советской власти, сосредоточены в фонде Отдела истории партии Воронежского обкома ВКП(б) (Истпарт, Ф. 5). Фонд насчитывает 932 единицы хранения за период 1859-1939 гг. и включает в себя документы по истории рабочего и революционного движения в воронежском крае, в том числе воспоминания его участников и свидетелей.

Бюро истпарта Воронежского губкома РКП(б), существовавшее с 1920-го по 1939 г., было учреждено 1 декабря 1920 г. после принятия декрета СНК РСФСР 21.09.1920 г. № 386 «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической Партии». Один из его пунктов гласил: «Комиссии предоставляется право в целях собирания этих материалов организовывать местные подкомиссии и бюро, а также посылать во все губернии и области Р.С.Ф.С.Р. и в находящиеся в федеральных отношениях с ней советские республики своих уполномоченных»¹. Согласно этому положению, в стране началось строительство сети истпартов.

1 декабря 1921 г. было принято постановление ЦК РКП(б) «Об организации областных и губернских Бюро истпартов», на основании которого Бюро истпарта Воронежского губкома РКП(б) вошло в его состав в качестве отдела. В задачи Истпарта входили сбор, хранение, систематизация, изучение, обработка и публикация документов по истории ре-

волюционного движения на территории воронежского края. После ряда реорганизаций в 1939 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), упразднившего истпарты, Воронежский истпарт передал свои функции партийному архиву.

В составе документов фонда Истпарта ГАОПИВО хранятся воспоминания Льва Григорьевича Гольцмана (22.12.1886, г. Воронеж – 1945, г. Воронеж) об эвакуации документов и имущества советских учреждений в конце сентября – начале октября 1919 г., в которой он принимал непосредственное участие. Воспоминания были написаны в 1939 г. и состоят из 18 машинописных листов.

Согласно биографической анкете в составе личного дела служащего Воронежского губпродкома, Л.Г. Гольцман происходил из мещанской семьи (отец – Гирш Яковлевич Гольцман). После окончания городского училища он работал часовым мастером. Однако в связи с ухудшением зрения в 1911 г. перешел на работу в воронежское отделение компании по производству швейных машин «Зингер». В советское время Л.Г. Гольцман довольно часто менял место службы в советских учреждениях. С 1918 г. по февраль 1920 г. он занимал должность заведующего подотделом Жилищного отдела горисполкома, затем – руководителя отдела Военной цензуры, с сентября 1920 г. – старшего делопроизводителя упродкома, а с начала 1921 г. – заведующего подотделом личного состава отдела управления делами губпродкома². Л.Г. Гольцман также являлся членом Воронежского горсовета 3-го созыва и председателем Рабкома. 4 апреля 1921 г. профсоюз служащих торгово-промышленных, кооперативных, кредитных и общественных учреждений г. Воронежа направил обращение в губпродком следующего содержания: «Настоящим правление профсоюза Совработников предлагает откомандировать т. Гольцмана для работы в Жилищный отдел как ответственного работника и специалиста по жилищному делу согласно постановлению III Всероссийского съезда профсоюза. Тем более, что т. Гольцман является одним из первых участников по организации Жилищного отдела»³. 3 июня 1921 г. откомандированный для временных работ в Жилищный отдел Горсовета Л.Г. Гольцман вернулся к исполнению служебных обязанностей в информационно-инструкторский подотдел. В связи с заболеванием глаз и ревматизмом он получил статус инвалида. Л.Г. Гольцман был женат и проживал с семьей из четырех человек на ул. Средне-Московской, д. 32., кв. 10. Его сестра Цицилия Григорьевна Гольцман

(1902 г. р.), окончившая гимназию, также работала в губпродукте конторщицей в подотделе мяса отдела заготовок.

В 1928 г. Л.Г. Гольцман был лишен избирательных прав как торговец II разряда. В период нэпа торговцы должны были иметь патент на право занятия данным видом деятельности. Патенты в зависимости от направления деятельности делились на пять разрядов. I и II разряды выдавались мелким торговцам. К III разряду относились владельцы средних торговых точек; к IV и V – хозяева крупных оптово-розничных и оптовых заведений. Постановление ВЦИК и СНК 1926 г. относилось ко II разряду следующие виды деятельности: «Торговля единоличная или с помощью одного члена семьи всякими товарами... производимая на базарах, рынках и в других местах с рук или с переносных, либо перевозимых помещений, а также из небольших постоянных помещений площадью не более 5 кв. метров и недоступных для входа внутрь покупателей (киоски, будки, палатки, углы)»⁴. Таким образом, Гольцман, занимаясь с 1924 г. мелкобакалейной торговлей и имея часовую мастерскую, принадлежал к слою самых мелких торговцев и не должен был быть ограничен в избирательных правах. В этой связи он направил в городскую избирательную комиссию жалобу:

«В Воронежскую городскую избирательную комиссию от гражданина Гольцмана Льва Григорьевича, живущего в гор. Воронеже по Ильинской ул., д. № 13

Жалоба

По списку № 2 и по порядковому номеру № 844 лиц, лишенных избирательного права, оказался и я, Гольцман Лев Григорьевич. Потому что произошла ошибка, настоящим прошу восстановить меня в правах избирателей.

В вышеупомянутом списке я значился как торговец 2-го разряда, но, занимаясь торговлей, я никоим образом не могу числиться как профессионал-торговец, т.к. таковую производил как инвалид-пенсионер III группы Воронежской губстрахкассы, в доказательство чего представляю при сем две справки губстрахкассы, какие у меня уцелели: 1) от 18/XI 1924 г. за № 671 и 2) от 24-го апреля 1926 г. за № 6844. Кроме того, с 1-го октября 1927 г. и по 20/VII 1928 г. имел также по бесплатному патенту, как инвалид, часовую мастерскую без наемного труда, в доказательство чего представляю удостоверение инспектора по прямым

налогам 2-го участка Воронежского губпродкома, также 20/VII 1928 г. бесплатный патент ввиду перехода на пенсию. Как ремесленник, я с 1/X 1927 г. состою членом кредитно-кооперативного товарищества «Кустарь-самодеятель». До Октябрьской революции всегда был с 1901 г. рабочим по найму как часовой мастер. С 1903 г. являлся подпольным работником. В 1904 г. в г. Царицыне сидел в тюрьме за подпольную работу. В 1906-[19]07 гг. сидел в Крестах в Петербурге за подпольную работу и 2 года после был под особым надзором Воронежской полиции как высланный из Петербурга по политической неблагонадежности и как политически неблагонадежный был отведен от военной службы в 1907 г. при призыве.

В 1915 г. служил (с 1911 г.) в бывшей К` Зингер в г. Воронеже, был уволен без права обратного поступления за организацию забастовки среди служащих К` Зингер.

С 1918 г. по 1922 г. состоял служащим в советских учреждениях и как активный профработник был избран в 1920 г. в члены Воронежского Горсовета III созыва. Во время занятия г. Воронежа шкуровскими бандами принял самое активное участие в спасении всех ценностей всех учреждений Воронежского губисполкома и горсовета (документ находится в Воронежском областном Музее Революции). Остальные документы в случае надобности могу незамедлительно предоставить.

г. Воронеж. 6/XII 1928 г. Лев Гольцман»⁵.

Воронежский областной административный отдел, рассмотрев дело Л.Г. Гольцмана, ходатайствовал перед городской избирательной комиссией о восстановлении его в правах избирателей: «Принимая во внимание, что Гольцман торговлю по платному патенту производил незначительное время и что все оставшееся время торговал по бесплатному патенту, горчасть Обладмотдела полагает возможным восстановить гр. Гольцмана в избирательных правах. 22.12.1928. Начальник горчасти обладмотдела, начальник гормилиции Шунелька»⁶. Таким образом, Л.Г. Гольцман был восстановлен в избирательных правах. Дальнейшая его деятельность по документам не прослеживается. Л.Г. Гольцман умер в 1945 г. и был похоронен на еврейском кладбище г. Воронежа.

В публикуемых воспоминаниях исправлены пунктуация и стилистические ошибки.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(как эвакуировались ценности гор. Воронежа
от белых банд генерала Шкуро осенью 1919 года)

Лев Гольцман

Великая честь спасти ценности Воронежской губернии и городских учреждений осенью 1919 года от белых банд генерала Шкуро на мою долю выпала совершенно случайно.

Мне, как активному работнику Воронежского Жилищного Отдела, неуклонно проводившему мероприятия Партии и Советской власти на жилищном фронте, было точно известно, что в случае захвата белыми гор. Воронежа моей жизни, безусловно, угрожала опасность, а потому мне необходимо было эвакуироваться.

Начальник Особого Отдела Воронежской ГУБЧЕКА тов. Борох Александр Петрович одновременно совмещал и должность заведующего Жилотделом, а потому и являлся моим непосредственным начальством, с которым я и согласовал вопрос о моей эвакуации.

Зная меня совсем хорошо, тов. Борох предложил мне принять участие в спасении от белых предстоящих к эвакуации ценных грузов Воронежского Горисполкома и его отделов, на что я тотчас же дал свое согласие. Это было 28-го сентября 1919 года, т.е. за два дня до сдачи гор. Воронежа белым.

На другой день утром ко мне присоединился мой помощник по службе в Жилотделе тов. Волынский Александр Савельевич.

В тот же день мы оба получили мандаты от Горисполкома на право эвакуации грузов, и уже к двум часам дня мы оба начали принимать грузы от городских учреждений и грузили в вагоны. Погрузка происходила на полустанке Придача недалеко от депо ст. Воронеж I.

Несмотря на изобилие грузов и за отсутствием подсобной рабочей силы, погрузку мы все же проводили весьма интенсивно и в образцовом порядке. Спешить надо было, так как чувствовалась близость неприятеля.

Эшелон для эвакуации грузов горисполкома состоял из 2-х вагонов (товарных). На том же пути рядом грузилось еще два вагона, это грузились Губревком (Губисполком) и его городские отделы. Эвакуатором Губревкома был член Губисполкома тов. Черенков Иван Иванович.

В процессе погрузки мы с тов. Черенковым пришли к одному мнению: целесообразности соединить все четыре вагона вместе в один общий эшелон и эвакуировать совместно, что и было тотчас же сделано.

На путях в это время стояло много воинских эшелонов, ожидая очереди к продвижению к ст. Отрожка. Кого-либо из железнодорожников, как-то: стрелочников, сцепщиков и вообще служебного персонала на путях видно не было, кроме начальника Придачи и двух служащих в помещении полустанка. Работа транспорта здесь была как бы парализована. Чувствовалась близость пороха.

На одном из путей вдалеке мы заметили сиротливо стоящие два вагона. Заинтересовавшись, мы подошли к этим двум вагонам, увидели отсутствие пломб, открыв вагоны, мы обнаружили ценнейший продовольственный груз. В одном – битком набито мешками с сахарным песком, и в другом также мешками с солью. Стало подозрительно.

Отыскав с трудом начальника Придачи, мы пытались узнать, чей груз. Почему отцеплены два вагона? Уклончивые и неопределенные ответы начальника подтверждали наши подозрения о нечистом деле на пользу белым бандам. Мы потребовали прицепить их к нашему эшелону, получили категорический отказ. Разгорелся жестокий спор. И все же под угрозой ареста начальника мы, наконец, добились прицепки двух вагонов к нашему эшелону. Наш эшелон состоял уже из шести вагонов. Таким образом, нами было вырвано из рук неприятеля два вагона с ценнейшим продовольственным грузом.

Закончив погрузку уже перед сумерками, наш эшелон передвинулся к пакгаузам вокзала Воронежа I, с минуты на минуту мы ожидали отправления к ст. Отрожка. Произошла какая-то заминка, продолжали стоять. Сумерки падают все ниже и ниже. Наш эшелон стоял на первом пути. Впереди нас, на первом пути, в правой стороне вокзала стоял пассажирский поезд из 5-6 вагонов с паровозом впереди под парами. Этот поезд предназначался для эвакуации Губернского Комитета Партии и Губревкома с ответственными партработниками с семьями.

Продолжали все стоять. В одном из наших вагонов Райспирт погрузил изрядное количество спирта и денатурата, причем этот груз сопровождался специальным проводником Райспирта, к этому времени успевшему напиться пьяным и продолжавшему все пить и пить водку.

Нам это явление очень не понравилось, но не до него было. Чувствовалось нервное состояние.

Вот уже совсем стемнело. Вдруг тревога, затрещали ружейные выстрелы. Кругом паника. Стрельба усилилась. Стрельба становилась похожей на пулеметную стрельбу и очень близко. Стрельба в районе ст. Воронеж I. Кругом все заклокотало, загудело. Люди, обезумевшие, бегут в разные стороны. Паника все усиливалась. Стрельба все продолжалась. Через полчаса все стихло. Чувствовалась затаенная тишина.

Я, также застигнутый врасплох в момент паники, заметил двух своих товарищей Черенкова и Волынского, бежавших к вагонам поезда, эвакуировавшегося с Партийным Комитетом и Губревкомом. Последовать за ними я не решился и забежал вовнутрь вагона своего эшелона, я быстро стал баррикадировать стены дощатого товарного вагона множеством стоп писчей бумаги от случайных пуль. Писчей бумаги в стенах было погружено в большом количестве.

В момент паники поезд Комитета Партии и Губревкома с силой рванулся вперед на всех парах, как птица проскочил к ст. Отрожка, однако по пути в районе Архиерейской рощи был обстрелян перекрестным сильнейшим огнем неприятеля, но все же достиг цели благополучно. В том же поезде были и два моих товарища Черенков и Волынский.

Таким образом, я остался вдвоем с пьяным проводником Райспирта при эшелоне.

Никоим образом, ни в тот момент, ни когда-либо после, а равно и теперь я не склонен квалифицировать поступок своих двух товарищей как трусость или как-либо подобно этому, т.к. неожиданность и сила паники была столько велика, что трудно было ориентироваться, как поступить лучше. И тому обстоятельству, что я остался при своем эшелоне, я также не склонен придать значение моему поступку характер личного героизма, т.к. я не в состоянии был сколько-нибудь ориентироваться. Случилось так, как случилось.

Когда все успокоилось, то выяснилось, что прежде, чем ожидалось, появился в районе станции небольшой неприятельский отряд разведки, начавший стрельбу. Известно стало также, что несколько белых казаков успели ограбить несколько прохожих, раздев и разув их. Город также в этот момент пережил сильнейшую панику и тревогу. Со стороны наших оборонительных отрядов немедленно были приняты решительные

меры к удалению неприятельской разведки. А потому скоро все успокоилось.

После того, как все улеглось и успокоилось, мой эшелон почему-то отодвинулся на значительное расстояние назад, левее вокзала, где и простоял до утра. Всю эту ночь пришлось ожидать весьма в тревожном и затаенном состоянии неизвестности впереди. Кругом жуткая тишина. Узнать точно, в чьих руках находился в это время район вокзала и сам вокзал, было невозможно, т.к. результат и характер перестрелки были неизвестны в течение двух часов. В течение всей ночи я шесть раз посещал коменданта станции Воронеж I, чтобы узнать, скоро ли будет отправлен мой эшелон, и каждый раз мне приходилось сильно настаивать о немедленной отправке эшелона в сторону ст. Отрожка, и всякий раз я получал успокоительное обещание, но все было тщетно, а эшелон мой продолжал стоять на одном месте. Состояние было весьма напряженное, и нервное, и тревожное. Чувство подозрительности в возможности предательства все более и более одолевало.

Был момент, когда я пережил весьма жуткие две-три минуты. Это в тот момент, когда в первый раз часов в 10 вечера я направился к вокзалу, чтобы видеть коменданта станции. На пути было совершенно темно. Ночь была темная. Подходя вплотную к перрону, чтобы подняться по ступенькам на перрон, я наткнулся неожиданно на патруль, чиркающий спичками и проверяющий документы у входящих на перрон. Из кого состоял этот патруль в военных шинелях – неизвестно. Кто они – красные или белые? В чьих руках был вокзал, неизвестно. Было жутко, страшно и рискованно. Положение было безвыходное. Пришлось показать документы. После проверки документов все выяснилось. Стало легко и спокойно. Это – свои.

Перед рассветом, примерно в 6 утра, неожиданно вскарабкались в мой вагон три человека. Я зажег спичку и узнал из них двух своих знакомых. Это были три чекиста, следователи Воронежской ГУБЧЕКА т.т. Короткин Борис Ильич, Авербух Михаил и третий – незнакомый. Обратившись ко мне, тов. Короткин просил моего разрешения остаться со мной и вместе всем эвакуироваться в моем эшелоне. Я дал согласие. Предложив чекистам совместно настаивать перед комендантом о скорейшей отправке эшелона, мы тотчас вдвоем с тов. Короткиным отправились к коменданту.

Предъявив требование к коменданту о немедленной отправке эшелона в самой категорической форме, мы от коменданта получили уже совсем отрицательный ответ о невозможности отправить эшелон ввиду порчи обоих путей в сторону ст. Отрожка неприятелем в районе Архирейской рощи.

Делать было нечего. Вернулись к эшелону. Чувствовалось приближение рассвета, возобновление неприятельской стрельбы, близость пороха и безнадежности положения в отношении всех ценностей, погруженных в 6-ти вагонах моего эшелона, и в отношении нас самих.

Три чекиста, уверенные в безнадежности положения, предложили мне направиться вместе с ними на Придачу, где, по их расчетам, должен стоять автомобиль ГУБЧЕКА, чтобы эвакуироваться на машине околным путем через село Бобяково, Выкрестово до ст. Тресвятская. На это я ответил категорическим отказом. Немного спустя, обдумав безвыходное положение, я решил временно покинуть эшелон. Мы все четверо направились в город. Дойдя до Первомайского сада, пожелав всего хорошего товарищам, я направился по Проспекту Революции к зданию гостиницы «Бристоль». Три чекиста направились на Придачу.

Зная, что в городе другой власти, кроме военной в лице Штаба Укрепленного Крепостного района во главе с тов. Еремеевым⁷, находящегося в гостинце «Бристоль», не имеется, я решил немедленно доложить штабу о положении с разрушенными на ж. д. путями и о безвыходном положении с моим эшелонном с ценными грузами для принятия возможных мер к обследованию и исправлению ж. д. путей и скорейшей отправке эшелона.

К моменту, когда я миновал Первомайский сад и повернул на Проспект Революции, уже рассветало, было половина седьмого утра. К этому моменту уже гудели снаряды, стреляли залпы винтовок, трескали пулеметы. Началась ожесточенная борьба за Воронеж.

Подойдя к «Бристолю», я увидел около здания большое оживление. Стояли наготове вооруженные люди в штатском и военном платье. Это был особый смешанный отряд коммунистов, латышей и китайцев, тут же стояли телефонисты, отряд самокатчиков с велосипедами и другие штабисты, вооруженные и готовые по приказу двинуться вперед. Посреди дороги стояло ландо, запряженное в пару лошадей. В ландо сидела женщина – адъютант штаба. Я подошел к женщине-адъютанту вплотную и спросил тов. Еремеева. Адъютант ответила, что

тов. Еремеева нет, он только что куда-то отправился на автомобиле, обратитесь к его заместителю, который стоял тут же рядом.

Фамилия пом. начальника штаба, к которому я обратился, была двойная, но помню теперь лишь одну из них Гордон (кажется Гайдученко-Гордон)⁸. Я сделал доклад, я просил его о помощи, тов. Гордон тут же распорядился, направив срочно разведку для обследования ж.д. путей. Мне же предложил временно остаться вместе со всеми штабистами. Я остался. Мне тут же вручили винтовку и патронташ с патронами через плечо. Все стояли на панели у «Бристоля» и ожидали приказа. 8 часов утра. Продолжаем стоять. Утро выдалось солнечное. Приятный осенний день. В улице пустынно. Жизнь города замерла. Где-то то далеко, то близко рвутся снаряды, грохочут орудия, стрекочет множество пулеметов, залпы ружейной стрельбы все усиливаются, бой разгорался все больше и больше. Мы все ждем. Около 9 часов утра подошел комендант гор. Воронежа т. Скрибис⁹. К нему подошли два товарища, обращаясь к которым он отдал свои последние распоряжения. Тов. Скрибис взял клочок белой бумаги, обвил ею водосточную трубу и стал писать карандашом свой приказ о немедленном освобождении всех арестованных в Воронежской тюрьме. Передав в руки свой письменный приказ одному из стоявших товарищей, он торопливо, покидая нас, крикнул ему же на ломаном русском языке, с латышским акцентом, чтобы освободили всех, за исключением нескольких (очевидно, тяжких преступников). Больше мы тов. Скрибиса не видели, и лишь после, уже в Грязах, узнали, что он был повешен белыми в Круглых рядах.

Примерно часов в 11 утра мы получили приказ двинуться к Чернавскому мосту. Вынесли из здания «Бристоля» все, что там оставалось, и двинулись к Чернавскому мосту. Проходя по улице близ быв. завода Кинца¹⁰, мы видели окопы и ряды проволочных заграждений. Где-то продолжали рваться снаряды, бой продолжался.

Подойдя к Чернавскому мосту, мы остановились и расположились на правом берегу реки Воронеж бивуаком. Командовал тов. Киселев. Подскакал военный всадник. Остановился около моста, пролетело над ним несколько прожужжавших пуль. Одна пуля тут же сразила лошадь всадника. Лошадь тотчас же упала и скончалась. Всадник с трудом поднялся с земли и куда-то скрылся. Началась небольшая перестрелка. Отряд казаков, отстреливаясь, скрылся. К 2-м часам дня вдруг все стихло. Бой прекратился. Кругом тихо. Совсем тихо стало.

Нам отдан был приказ вернуться в «Бристоль», было достигнуто 1-1/2 часовое перемирие для принятия пищи. Причем к этому моменту белые понесли значительные потери и отступили далеко за город со стороны завода им. Коминтерна.

Вернувшись в город, я немедленно же направился на вокзал, желая вернуться к своему эшелону. Подойдя к вокзалу, я увидел на вокзальной площади большой отряд пулеметов при пулеметчиках-китайцах. Зайдя в вокзал, я увидел много вооруженных красноармейцев. Направился в комендантскую. В это время возобновился бой, с меньшей силой, чем до затишья.

Зайдя в комендантскую, я увидел весьма напряженную обстановку. Стояло много военных. Отсюда передавалась команда по телефону.

Наши артиллерийские части обстреливали район действий, прилегающий к СХИ. Командир, передающий команду по телефону, громко выкрикивал: «Жарь сильнее. Бей, не промахивай, прямо по колокольне. Огонь чаще, чаще по этой белой сволочи и т.д., и т.п.». Немного обождав, я, воспользовавшись паузой командира, обратился к нему с вопросом по поводу положения на фронте боя, о положении на станции и о судьбе эшелона, причем показал ему свой мандат. Командир отвечал: «Вот что, дорогой товарищ! Положение на фронте боев хорошее, бьем белую гаду. Все умрем, но города не сдадим». Эти слова прозвучали так уверенно, так гордо, что это невольно поднимало настроение. Командир продолжал: «Знай, дорогой товарищ, что комендант станции оказался предателем. Он успел наделать много бед в пользу белых и скрылся. Один путь к станции Отрожка около Архиерейской рощи действительно был поврежден. Другой же путь невредим. Комендант точно это знал, но старался использовать случай, а потому и старался не пропускать к ст. Отрожка ни одного эшелона. Нами же было понято предательство, и часа два назад мы продвинули к ст. Отрожка все застрявшие эшелоны, а также и твой эшелон. Коменданта хотели поймать, но он успел ускользнуть». Командир окончил короткий рассказ и возобновил команду по телефону. Я отправился на перрон и убедился, что на путях было пустынно. Не осталось ни одного эшелона. Хоть шаром покати. Кругом все грохотало. Бой за Воронеж был жаркий. Я отправился обратно в «Бристоль». Эта прогулка моя была рискованная. Мимо свистели пули, гремели ружейные выстрелы, пулеметы аккомпанировали. Добрался до «Бристоля» благополучно.

Полнота военной власти в этот момент перешла к тов. Киселеву. Свое положение я объяснил тов. Киселеву. Я объяснил, что мне необходимо окольным путем догнать свой эшелон. Тов. Киселев, не найдя поблизости бумаги, схватил пресс-папье, сорвал три листка, и на чистом написал свой приказ коменданту 5-го укрепленного района на Придаче: «Немедленно дать тов. Гольцману лошадь и двух красноармейцев, как провожатых, для следования к ст. Тресвятская». Я с приказом на листке промокатальной бумаги отправился на Придачу.

Вечером часа в 4 я вручил приказ коменданту 5-го района. Немедленно был послан красноармеец для мобилизации частновладельческой лошади на Придаче. Примерно через час вернулся посланец без лошади, заявив, что лошади найти не удалось. Я остался. Через час примерно началось отступление Красного Воронежского гарнизона на Придачу.

Отступление происходило в полном спокойном порядке. Бой за Воронеж закончился. Стало кругом тихо. Стало темнеть.

К 7 часам вечера Воронеж полностью перешел в руки белых. К 12 часам ночи начали отступать наши части из Придачи. Гарнизон красных бойцов совершил свой ночной переход по большаку к селу Бобяково. Был отдан приказ переночевать. Разбрелись группами по 5-6 человек по хатам, где и ночевали до рассвета.

Отношение крестьян замечалось неплохое. Охотно продавали молоко, хлеб и другие съестные продукты. Утром рано бойцы, несколько отдохнув и подкрепившись, по приказу командования начали переход к селу Выкрестово. Среди бойцов изредка наблюдались и дезертиры. По два-три красноармейца сговаривались и исчезали.

К 1 часу дня 1-го октября мы достигли села Орлово. Километров в двух виднелась ст. Тресвятская. Я покинул отступающие войска и повернул влево к станции. Пройдя на ст. Тресвятская, я застал только что прибывшую со стороны ст. Графская бронелетучку¹¹. Стал вскарабкиваться на бронелетучку. Кто-то из матросов крикнул: «Слезай прочь, нельзя». Я засунул руку в карман, чтобы достать мандат, но слышался знакомый голос с бронелетучки: «Не трогай его, пусть лезет. Это – свой. Наш». Это приказывал командир бронелетучки тов. Большаков, который меня хорошо знал. Я, счастливый уже, на бронелетучке среди своих. Через 3-5 минут бронелетучка тронулась к ст. Графская и остановилась на ст. Графская через 15 минут.

На путях ст. Графская стояло много эвакуированных эшелонов, но моего эшелона не оказалось. Он успел продвинуться далеко за ст. Графская, где он находился, я точно установить не мог.

Ночь продолжали стоять в Графской: в 1 час ночи к станции подошел состав из нескольких пассажирских вагонов (мягких). Внутри вагонов было темно совершенно. На перроне я встретил тов. Черенкова. Он прибыл в этом составе из Грязей. От тов. Черенкова я узнал, что наш эшелон – на ст. Грязи. Эшелон наш подвергся частичному ограблению со стороны крестьян села Тюлюлей близ ст. Прибыtkово на перегоне во время стоянки и ожидания его продвижения вперед. Эшелоны вообще продвигались в очередь. Подолгу стояли и понемногу продвигались вперед.

Грабеж нашего эшелона произошел исключительно по вине проводника Райспирта, распивавшего во время следования спирт и менявшего с крестьянами спирт на кур, на яйца и т.п. Дальнейший грабеж эшелона был прекращен бронелетучкой, прибывшей со ст. Грязи по чьему-то срочному вызову. Похищено было несколько пишущих машинок, некоторое количество писчей бумаги, несколько мешков с солью и сахарным песком, а также оставленные мои вещи, как-то: пальто осеннее, костюм и белье, принадлежавшие лично мне. В вагоне, где был погружен сахарный песок, оказались рассыпанными на полу вагона несколько мешков с сахарным песком.

Закончив свой рассказ, тов. Черенков объяснил мне цель его прибытия на ст. Графская. Предстояла трудная операция по спасению брошенного близ села Бобяково красными броневика за недостатком горючего. В этой операции тов. Черенков предложил принять участие и мне, на что я дал свое согласие. Тов. Черенков направился к прямому телеграфному проводу для переговоров с Губревкомом в Грязях. Через час выяснилось, что неприятель успел уже захватить село Бобяково, а потому для операции по спасению броневика время было потеряно. Вместе с тов. Черенковым мы направились в Грязи, где на путях рядом с поездом Комитета Партии и Губревкома стоял наш эшелон. Тут же я застал и тов. Волынского и еще четырех коммунистов с винтовками, прикомандированными Губревкомом для охраны нашего эшелона.

Прогулки белых банд Мамонтова через ст. Грязи здесь особенно причинили значительные разрушения. Сгорело много станционных зданий и вокзал. На путях оказалось большое кладбище сгоревших со-

ставов и паровозов. Но самое значительное из разрушений – это большой ж.д. мост через реку. Здесь главным образом и скопились эвакуированные из Воронежа эшелоны, т.к. мост был взорван. Строился новый временный деревянный мост. Мы застряли в Грязях, ожидая окончания постройки временного моста.

Постройка временного деревянного ж.д. моста производилась непрерывно и днем и ночью. Работа кипела в очень напряженных условиях. Строители рабочие здесь показали поистине героические невиданные темпы, какие могут показать человеческие мускулы. Партийный Комитет уделял строителям моста чрезвычайно большое внимание, а потому и всесторонняя помощь со стороны партийцев чувствовалась на каждом шагу.

Помню, как было созвано чрезвычайное общее собрание строителей временного моста в зале ожиданий Грязинского вокзала.

Главным докладчиком выступил редактор тогда еще ненародившейся газеты «Воронежская Коммуна» тов. Шестаков¹². Окончание постройки временного моста исчислялось не днями, а часами. Окончанию постройки временного моста придавали значение большой политической победы и праздника. Тов. Шестаков горячо приветствовал строителей за высокие темпы стройки и страстно призывал во имя Коммуны Красного Воронежа к еще быстрейшему завершению постройки. Он часто употреблял слова «Воронежская Коммуна» и через два дня вышел в Грязях 1-й номер рукописной газеты под названием «Воронежская Коммуна». На выпуск первого номера газеты «Воронежская Коммуна» тов. Шестаков положил чрезвычайно много трудов, усилий и большевистской настойчивости. Главным препятствием стало отсутствие бумаги. Этой бумаги оказалось две кипы в нашем эшелоне, которые мы и сдали лично тов. Шестакову для газеты.

Во все время эвакуации Воронежский Губкомпарт и Губревком находились в классных вагонах эвакуировавшегося из Воронежа поезда, стоявшего все время на одном из путей ст. Грязи. Однажды в одном из этих вагонов я стоял и разговаривал о чем-то с тов. Волынским. Вдруг вваливаются в вагон чекисты т.т. Короткин и Авербух. Эти два товарища были почти неузнаваемы. Оба они грязные, чумазные и совершенно без белья, голые. Сильно осунулись. Вида совершенно несуразного, со следами сильных потрясений. Оказалось, что они по пути следования от Придачи, не помню где, попали в руки казачьего отряда. Казаки при-

вели их в село, раздели догола и заперли в сарай, чтобы ночью расстрелять, т.к. по найденным у них при личном обыске мандатам казаки узнали, что это коммунисты чекисты, но они ночью спаслись бегством. Губкомпарт их обмундировал.

Числа 5-го октября был готов временный мост через реку, и целый день прошел в его апробировании, а вечером в 10 часов по распоряжению губревкома мы уже в количестве 6 человек со своими эшелонами с чрезвычайной осторожностью переправились по новому мосту. Держали дальнейший путь эвакуации в Тамбов. Проводника Райспирта с нами не было. Он скрылся еще с места ограбления нашего эшелона близ ст. Прибыtkовo.

Находясь на путях ст. Тамбов, через несколько дней, мы чувствовали недостаток продовольствия. Достать чего-либо было очень трудно, а потому мы постарались достать лошадь, и, взяв с собой один мешок с сахаром и два мешка с солью, я и один из товарищей, охранявших эшелон, тов. Христенко, по распоряжению тов. Черенкова 22-го октября отправились в село Большая Липовка в 20 километрах от Тамбова для обмена их на печеный хлеб и другое продовольствие. На другой день мы вернулись с двумя баранами, салом, хлебом и другими продуктами питания.

25 октября мы, прочтя бюллетень Тамбовской газеты, узнали, что 24-го октября Красная Конница под командованием тов. Буденного, разгромив белых, овладела Красным Воронежем. Мы торжествовали. Стали ждать распоряжение от Воронежского Губревкома о реэвакуации. Но распоряжений все не было. И лишь 30-го октября я предложил тов. Черенкову командировать меня для восстановления связи с Губревкомом в Красном Воронеже. Черенков согласился и направил меня в Тамбовскую ГУБЧЕКА на предмет получения разрешения на выезд. Тамбовская ГУБЧЕКА, выдав мне разрешение на выезд, также выдала одновременно разрешение на выезд и завхозу Воронежской ГУБЧЕКА для сопровождения ценнейшего архива и дел Воронежской ГУБЧЕКА. Таким образом, мы совместно, зорко охраняя архив ГУБЧЕКА, в тяжелых условиях разрухи на ж.д. транспорте с большими мытарствами прибыли в ночь на 3-е ноября в Воронеж.

В тот же день 3-го ноября утром я явился в Губревком. Предгубревкома тов. Кагановича видеть мне не удалось. Принял меня секретарь Губревкома тов. Буларгин, и после моего доклада тов. Буларгин срочно

командировал меня на ж.д. телеграф для переговоров по прямому проводу с тов. Черенковым на ст. Тамбов по вопросу о немедленной эвакуации всех грузов в Воронеж.

Из переговоров по прямому проводу ничего не вышло, т.к. эшелон с грузом отбыл со ст. Тамбов в неизвестном направлении. Несколько раз в тот же день возобновлял переговоры с Тамбовом и все же добиться чего-либо конкретного не мог.

Красный Воронеж без делопроизводства, бухгалтерий и других ценностей блуждал в потемках. Жизнь учреждений всего города вообще была как бы парализована. Наш эшелон нужен был во что бы то ни стало и как можно скорее. В течение трех последних дней я добивался чего-либо узнать по прямому проводу во всех направлениях о местонахождении эшелона, и все было тщетно.

8-го ноября тов. Буларгин командует меня в гор. Тамбов и другие города и станции ж.д. для розысков и эвакуации грузов, а 9-го ноября долгожданный эшелон с ценнейшими грузами наконец удалось вернуть Красному Воронежу.

Таким образом, с 10 ноября 1919 года Красный Воронеж опять начал свое нормальное развитие и дошел до наших дней бурного социалистического строительства и занял одно из передовых мест среди краев и областей любимого пролетарского отечества.

ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 799. Коробка № 53. Копия.

¹ № 386. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об учреждении комиссии для соби-
рания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Россий-
ской Коммунистической Партии. 21.09.1920. (Электронный ресурс). URL: <http://istmat.info/node/42552>

² ГАВО. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 427. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Центральный Исполнительный Комитет СССР. Совет Народных комиссаров СССР. Постановление от 24 сентября 1926 года «О введении в действие Положения о государственном промысловом налоге». (Электронный ресурс). URL: <http://www.alppp.ru/law/finansy/nalogi-i-sbory/102/postanovlenie-cik-sssr-snk-sssr-ot-24-09-1926.html>

⁵ ГАВО. Ф. Р-1714. Оп. 2. Д. 1229. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Еремеев Константин Степанович (1874–1931) – участник вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г., член полевого штаба Военно-революционного комитета, с декабря 1917 г. – командующий войсками Петроградского военного округа, в 1919–1922 гг. – уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б) по проведению мобилизации в Красную Армию. С 4 июля 1919 г. председатель военного совета обороны Воронежского укрепленного района (территория г. Воронежа и прилегающих к нему местностей, оборудованная инженерными сооружениями и различными заграждениями для выполнения оборонительных задач) и комендант г. Воронежа. Образованный в июне 1919 г. на Южном фронте Воронежский укрепрайон в сентябре–октябре 1919 г. вел бои против войск конного корпуса Мамонтова.

⁸ Гайдученко-Гордон Григорий Иванович – выпускник Николаевской Академии Генерального штаба (1912 г.). После революции служил в Красной Армии, на 15 ноября 1919 г. был начальником штаба Воронежского укрепленного района. 3 февраля 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания.

⁹ Скрибис Павел Петрович, рабочий из Риги, коммунист, сотрудник губернского продотряда, с марта 1918 г. командир комендантской роты Воронежа. Участник оборонительных боев за Воронеж, возглавил объединенную комендантскую роту. Захвачен в плен и повешен 4 октября 1919 г. на площади Крутых рядов.

¹⁰ Пивоваренный завод братьев Христофора Ивановича и Михаила Ивановича Кинц (основан в 1874 г.) находился у реки на ул. Нееловской (ныне ул. Пятницкого).

¹¹ Бронелетучка – броневой поезд. Бронепоезда широко использовались на фронтах Гражданской войны.

¹² Шестаков Андрей Васильевич (1877–1941) – советский историк, член-корреспондент АН СССР, один из организаторов и руководителей Общества историков-марксистов. В годы Гражданской войны находился на партийной работе в г. Воронеже – был членом коллегии Воронежского губернского отдела народного образования, руководил культурно-просветительным подотделом политотдела штаба Воронежского укрепрайона, стал первым редактором газеты «Воронежская Коммуна» (печатного органа губкома партии, первый номер которого вышел 25 октября 1919 г.).

Дневник Я.Я. Спрингиса (Шипова)

Г.П. Иванова,

к. и. н., доцент

*Воронежского государственного
педагогического университета*

Имя Я.Я. Спрингиса известно узкому кругу воронежских историков и краеведов. Публикаций о жизни и деятельности этого человека немного¹.

Однако он оставил пусть короткий, но заметный след как в истории нашего города, так и советской России.

Ян Янович Спрингис родился в бедной латышской семье 6 апреля 1895 г. в местечке Скриверн Рижского уезда Лифляндской губернии. В 1905 г. его отец, железнодорожный рабочий, был арестован и сослан на пожизненную каторгу в Сибирь, мать – домохозяйка – осталась одна с тремя детьми. Старшему Яну было тогда 10 лет.

Через 5 лет он был призван в армию в отряд латышских стрелков, где приобщился к революционной деятельности, вступил в Латышскую социал-демократическую партию. В годы Гражданской войны Я.Я. Спрингис служил в Красной Армии: комиссаром бригады, комиссаром латышского запасного полка в г. Юрьеве, редактором армейской газеты. При наступлении немцев на Прибалтику вместе с частями Красной Армии навсегда покинул Латвию.

Молодой латыш круто пошел вверх по лестнице партийной номенклатуры. В 1918-1919 гг. он – председатель Сызранского уездного комитета ВКП(б), в 1921-25 гг. – секретарь Архангельского губернского комитета ВКП(б). В 1925 г. Спрингис был переведен в г. Свердловск, где работал секретарем окружкома, был членом бюро Уральского обкома ВКП(б).

Летом 1930 г. семья Спрингис (к тому времени у Яна Яновича и Лины Якововны было уже три дочери) переехала в Москву. По реко-

Ян Янович Спрингис-Шипов

мендации ЦК ВКП(б) Спрингис поступил на учебу в историко-партийный Институт Красной профессуры². Но уже в декабре 1931 г. учебу пришлось прервать, т.к. появилась возможность возглавить Академию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. В феврале 1932 г. Я.Я. Спрингис становится директором Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской³, но в 1933 г. во время очередной партийной чистки его обвинили в том, что взял на работу «троцкиста» Когана, допускал ошибки в статьях, помещенных в газете «Уральский рабочий» в

1927 г. В начале 1934 г. Я.Я. Спрингис был снят с должности директора Академии коммунистического воспитания.

Наркомпрос предлагал ему работу в одном из провинциальных пединститутов – Воронежа, Ярославля, Ставрополя. Я.Я. Спрингис принял приглашение старого товарища, которого хорошо знал по работе на Урале, ректора Воронежского педагогического института С.А. Стойчева приехать в Воронеж и возглавить создаваемый исторический факультет. Так он оказался в Воронеже. В наш город он приехал под фамилией Шипов. Когда и при каких обстоятельствах был взят этот псевдоним, нам установить не удалось. С первых дней работы в институте Шипов занял активную позицию. Он не только много занимался административной работой, но и блестяще читал лекции по истории партии в педагогическом институте, на курсах марксизма-ленинизма при обкоме партии, входил в состав Воронежского общества старых большевиков, выступал на партийных собраниях и заседаниях бюро, проявляя при этом полную лояльность политике партии. Однако в числе целого ряда других сотрудников пединститута в начале 1937 г. был арестован и обвинен в поддержке троцкизма, враждебной подрывной деятельности «на идеологическом фронте». От него требовали назвать своих сообщников.

Но Шипов никого не назвал и себя виновным не признал. Следствие по делу об «антисоветской правотроцкистской организации» продолжалось почти год. Во время многочисленных допросов (в архивно-следственном деле Я.Я. Шипова 6 протоколов допросов: от 15 февраля, 5 апреля, 13 мая, 8 июня, 25 июня, 2 октября) Ян Янович продолжал отрицать свою вину.

Следователей особенно интересовали дневниковые записи Шипова, в которых содержались размышления о ситуации в стране и в партии, давались оценки партийным деятелям. Дневник Я.Я. Шипова – интереснейший исторический источник, содержащий очень острые и точные характеристики и политического момента, и партийных лидеров как губернского уровня, так и центрального аппарата.

После прочтения дневниковых записей Я.Я. Шипова оснований для обвинения его в нелояльном отношении к политике партии у следователей было предостаточно. Но из Яна Яновича выбивали признания об участии в контрреволюционной организации, требовали назвать имена соучастников. Шипов оставался непреклонен. Не смогли поколебать его стойкости ни арест жены Лины Якововны, ни применение таких методов допроса, как «стойка» по несколько суток, длительное сидение на стуле и чемодане, надевание наручников, избивание, лишение сна, пищи.

Закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР состоялось 10 января 1938 г. Заседание длилось 15 мин. Обвиняемый виновным себя не признал. Я.Я. Спрингис-Шипов приговорен по статье 58 (п.7, 8, 11) УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведен в исполнение в тот же день, о чем в деле Шипова имеется соответствующая справка. Реабилитирован Ян Янович Спрингис-Шипов в октябре 1956 г.

Его жена, Лина Якововна Спрингис, в сентябре 1934 г. была арестована, 21 марта 1938 г. «за доноительство» осуждена «к 5 годам исправительно-трудовых лагерей». Однако освободили ее только в 1947 г. с ограничениями в отношении места жительства. Она вернулась на родину – в Латвию, жила на станции Пуре Кандавского района. Младшая дочь Вера после ареста родителей уехала в Москву к родителям Я.Я. Шипова, старшие дочери Эрика и Аустра оставались некоторое время в Воронеже. О дальнейшей их судьбе нам не известно.

Автобиографические записки и дневниковые записи Я.Я. Спрингиса-Шипова хранятся в его архивно-следственном деле в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (Ф. 9359. Дело П-10400). Эти документы были изъяты при обыске и аресте Спрингиса-Шипова 15 февраля 1937 г. Автобиографические записки представляют собой рукописную тетрадь, записи в которой сделаны карандашом четким красивым почерком с небольшим количеством исправлений. Первая пространная запись датирована 7 мая 1921 г. В ней Я.Я. Спрингис описывает свои детство и юность. Дневниковые записи перепечатаны на машинке, они касаются уже политической деятельности и охватывают период 1924-1929 гг. – время, когда он работал в Архангельске и Свердловске. В напечатанном тексте есть пробелы, некоторые фамилии искажены. Кто и когда перепечатал дневник Шипова, установить не представляется возможным.

Документы публикуются впервые с небольшими авторскими правками. В подготовке дневниковых записей Я.Я. Спрингиса-Шипова к публикации неоценимую помощь оказал мой ученик, кандидат исторических наук Е.А. Шендриков.

Записки (от случая к случаю)

*Нет Ильича,
но остались его партия,
его учение, его дело.
Шипов.*

1924 г. Архангельск

Мы чрезвычайно бурно стремимся вперед: все схватить, все перестроить, – горим, а не работаем. Да, мы – революционеры. Привыкли работать по-революционному, не щадя сил и средств, устремившись к великой цели...

...Но прошло уже 6 с лишним лет революционного горения, стремительной гонки вперед. И пора, весьма пора немного замедлить темп (хотя, в общем, НЭП немного его уже замедлил), оглянуться назад, приглядеться, что получилось, подвести итоги и стать немного, немножко больше, чем до сих пор, реформаторами. В воздухе это носится. Имеются уже и организационные попытки (РКИ и ЦКК по заветам

Ильича, Н. О. Т. и пр.). Но прививается это с трудом. Мы разбежались, и нам трудно остановиться, сила революционной инерции велика. Пора, однако, пора.

Мы владеем командными высотами в стране. За исключением области взаимоотношений между городом и деревней – новых командных высот завоевывать не приходится. Командная высота – смычка пролетариата с деревней – может быть захвачена не героическим порывом, а мелкой кропотливой будничной работой. Дело революционера, таким образом, не в том, чтобы вширь, а в том, чтобы вглубь идти. Нахватали много, надо это закрепить, чтобы закрепить – усовершенствовать, чтобы усовершенствовать – оглянуться, присмотреться, подвести итоги, и реформировать, и улучшать, и исправлять. Надо вырабатывать систему, надо создавать план, надо начать двигаться вперед гораздо медленнее...

Безобразий достаточно много. Весьма недавно, обсуждая вопрос об организации городского банка, мы имели случай убедиться, что этот вопрос должен был пройти через 8 аппаратов (комиссий, совещаний, бюро, президиумов и пленумов) только в Архангельске. Причем все, конечно, не углублялись – физически этого не могут – в разбираемый вопрос, а формально голосовали за него, доверяя 2-3 товарищам, разобравшимся внимательно в этом вопросе. Кто в конечном итоге отвечает за это дело? – Никто. Зачем мы десяток раз в различных заседаниях его обсуждали? – Черт его знает! Задыхаешься от общих разговоров. Взять политпросветработу в городах. Агитпром РКП, тоже РКСМ, культотдел Г.С.П.С.⁴ и отдельных союзов, Губполитпросвет, да кое-где еще и пролеткульт. Сколько завоёв, сколько аппаратов, коллегий, заседаний! А кто отвечает? Кто фактически работает? – Весьма узкий круг – партийцев, «ходячих энциклопедий» из кости и кожи и остатков нервной системы.

Совпартшкола – мое любимейшее детище, которому я отдал очень много сил и которому отдал всего себя мой друг – Дм. Алексеич Ершов⁵.

Здесь проделана страшно большая работа, невероятная работа, если иметь в виду, что это делалось всего 3-5 коммунистами. Это, пожалуй, один из наиболее слаженных аппаратов губернии. Но сколько еще во всем этом недостатков, несогласованностей. Бесчисленное множество аппаратов, организаций, институтов, с недостаточно четким между нами разделением обязанностей, с недостаточно точно перед каж-

дыми поставленными задачами, с недостаточной взаимной увязкой, со стремлением в год – в два из неграмотного рабочего или крестьянина сделать универсально образованного теоретически человека и практически – профессионального спеца... Не работаем, а горим. А гореть чересчур долго нельзя, превратишься в уголь, в пепел.

Надо оглянуться...

Надо посмотреть на всю систему общегубернских органов с точки зрения того, в какой степени они действительно необходимы в текущий момент, – в какой степени перед нами стоят совершенно конкретные задачи, не выполняемые ни одним другим учреждением. Упразднить лишнее. Перед оставшимися поставить совершенно конкретные задачи, точно разграничив функции с другими, четко увязав в общегубернскую систему учреждений. При помощи бюджета планировать их деятельность, строжайшим образом требуя отчет именно об исполнении плана, а не вообще. Лучше меньше, да лучше... Тоже между отдельными частями одного учреждения... В частности, в губсовпартшколе.

И тут основное: лучше меньше, да лучше. Лучше меньше работников выпустить, да хороших! Лучше меньше им знать, да хорошо! Непосредственно полезный эффект будет больше. Не будет дискредитироваться совпартшкольское дело. А это очень важно для дальнейшей работы.

Абсолютная чистота, максимальная забота о здоровье, экономия энергии людей. Не разбрасываться, брать самое главное, соединять приятное с полезным (прогулки и экскурсии), максимум индивидуальной (работы. – *Ред.*), в строго установленных общих рамках. Под этим углом пересмотреть все, что делается до сих пор. Чаще информировать курсантов о том, что предполагается делать и зачем, что ожидаем от мероприятия. Чаще подводить итоги: что ожидали, что получили, почему так получили, освещая все это перед курсантской массой. Надо перестать молчать или даже дипломатничать с мероприятиями, педагогически. Это вредно, организационно затрудняет дело.

7/II – 24. Архангельск. Шипов.

Наше время полно внутренних противоречий. Враждебные советскому государству и партии элементы имеют великолепный материал для своей агитации и пропаганды в лице этих противоречий. Мало сознательных людей, пользуясь ими, нетрудно увлечь по дороге, враждеб-

ной интересам трудящихся. На этом строят свои расчеты антисоветские партии. Меньшевики (см. «Социалистический вестник» № 1 за январь 1924 г.) поэтому решаются на проникновение в ряды РКСМ, чтобы работать и зарабатывать кое-что на этих противоречиях. Что решают эсеры, анархисты – не знаю, но действуют они в том же направлении. Еще летом прошлого года в Шенкурске⁶ пытались пролезать в РКСМ и организовать, кроме того, союз беспартийной крестьянской молодежи. Там сорвалось. Ныне инициатор этого дела в Шенкурске эсер Чернов работает на заводе № 6 (ЦИГЛЮЛЯН) и пытается там это дело наладить. Но активнее всех действуют анархисты, в течение минувшего и текущего года немало крови попортившие мне, и как секретарю губкома, и как заведующему губсовпартшколой. В марте прошлого года они меня терроризировали в связи с голодовкой анархистов в Пертоминском лагере⁷. Лето, осень и настоящую зиму они надоедают в совпартшколе. Библиотекарь Свешников среди курсантов вел и ведет систематическую работу по разложению, пользуясь каждым дефектом как школы, так и советского государства в целом. В школе он направлял свои усилия по вербовке ребят из рядов комсомольцев и членов партии. Отдельные заявления от курсантов имели место в течение всего года. Усилиями Свешникова человек 5-6 курсантов он втянул в среду своего влияния. Прививал он им какой-то линтицизм (так в тексте. – *Ред.*), пессимизм, отвращение к жизни. Доказывал, что «одни живут» (ответственные работники), а другие «существуют» (масса) и т.д. и т.п. Кандидата партии Кочетова, в прошлом году во время Керзоновской ноты⁸ обратившегося ко мне с требованием организации из курсантов боевого отряда и желавшего идти драться, разложил до такой степени, что он наши школьные занятия по военному обучению считал милитаризмом и стал уклоняться от них регулярно.

Комсомольца Лобанова – 18-летнего парня, способного, быстро развивающегося, он превратил в какого-то меланхолика болезненного, видящего только плохое. Ряд курсантов просто разлагались. Смотрели мы с Ершовым, и в декабре прошлого года пришли к необходимости чистки школы. К тому же времени обнаружилось, что Лобанов, Кочетов и ряд других захотели уйти из школы на заводы и в деревни, думаю, по поручению Свешникова, действующего по чьим-то законспирированным директивам. Мы ихпустили. Накануне ухода из школы Кочетов был у меня. Я с ним имел резкий разговор.

В конце декабря меня предупредили, что группа анархистски настроенных ребят собирается произвести покушение на меня и на Ершова, вопрос будто бы решался на каком-то их собрании. Я на это не обратил серьезного внимания. Думал: мальчишки играют в толстовский анархизм, вздумали поговорить в момент обеда о совсем уж не толстовском покушении, для которого нет и не будет у них ни силы воли, ни смелости. Прошло с тех пор больше месяца. Жолобов (член РКСМ) предупредил меня, что Лобанов в Маймаксе⁹ (куда он поступил на завод) рекомендует ребятам анархистские партии. Тов. Пестов – секретарь школы – сообщил, что Кочетов (каким-то образом устроившийся в одной волости секретарем ВИКа¹⁰), через мужиков посылает в деревню анархистские книжки. Насторожился. Вдруг вчера вечером ко мне заходит Лобанов. Стали разговаривать. Рассказывает: еду в деревню. Спрашиваю: как это вдруг с завода в деревню вздумал. Отвечает: отец болен, нужен работник. К тому же меня все время тянет в деревню, хочется туда. Так как вы неоднократно мне помогали, решился к вам еще раз обратиться: холодно, а нет верхней одежды, – нельзя ли из школы выдать?

– Вспомнил я, что будто бы анархисты намерены усилить работу в деревне, вспомнил подозрение, не за этим ли Кочетов устроился секретарем Волисполкома, – показалось подозрительным его желание [ехать] в деревню. Решил – попытаться взять парня – «нахрапом». Подумал, посмотрел внимательно на него, спросил: думаешь, я о твоих намереньях ничего не знаю? – Он удивился. – Есть у тебя хоть чуточку совести? – Он смутился. – Ты, говоря о том, что я неоднократно тебе помогал, обращаешься опять ко мне за помощью и не краснеешь, несмотря на то, что всего несколько недель тому назад участвовал в обсуждении и решении вопроса об организации покушения на меня и Ершова. И тебе не стыдно, комсомольцу официальному, вместе с анархистами решавшему убить секретаря Губкомпарта, обращаться с просьбой к этому же секретарю? Не мог же ты быть столь наивным, чтобы при вашем неумении конспирировать, рассчитывать, что я ничего не знаю...

Парень совсем растерялся. Что было, дескать, то было, а в деревню я еду по собственному желанию. Со Свешниковым я уже порвал: я сам стал понимать, что не туда иду. Смерть Ленина окончательно отрезвила. Я заявил, что не верю, что знаю обратное. И переменял тему. Стал расспрашивать, делая вид, что мне все известно об их анархистской груп-

пе и это меня не интересует, как же это случилось, что ты, способный парень, которому мы всеми силами помогали, чтобы он мог выбиться в сознательные и образованные люди, попал в компанию развращенных физически и психически мешан вроде Свешникова. И он, не подозревая ничего, стал рассказывать, по-моему, в общем искренне: «При поездке на с-хоз. выставку заболел и слег в Москве в больницу. Вылечившись и не имея денег на хлеб на дорогу, обратился, как комсомолец, в ЦК РКСМ с просьбой дать пару рублей на хлеб, чтобы вернуться в Архангельск. Там не захотели со мною говорить, смотрели как на какое-то существо низшей породы. И только после настойчивых требований дали отношение в выставочный комитет с просьбой помочь мне. Я, только что вставший с постели, больной, плелся 7 верст из-за 2-х рублей и без толку метался по выставке. Это оставило (так в тексте. – *Ред.*) на меня столь убийственное впечатление, что я во всем стал видеть только плохое. Вернувшись – пошел работать в библиотеку, где столкнулся со Свешниковым, который и взялся меня обрабатывать. Сдружился я также с Кочетовым, который тоже был недоволен и часто посещал Свешникова. Так пошло все дальше». И он рассказал кучу мелочей, что его злило, как пропал интерес к жизни, как все больше возненавидел руководящих работников, как участвовал в группе, в которой Кочетов предложил убить меня и Ершова, и т.д. и т.п.

Во время моего разговора с ним вошел Ершов. Я повернул разговор так, чтобы он в присутствии Ершова повторил все. Он или был искренен в своих признаниях (думаю именно так), или очень наивным, и повторил на различные мои вопросы все высказанное раньше. В заключение я ему предложил остаться в школе, отдаться в руки Ершова, если он действительно хочет покончить со Свешниковщиной, и стать на твердые ноги. Он согласился. Думаю искренне. Разошлись мы поздно после моего предупреждения и его обещания никому не говорить о нашей беседе.

Сегодня имел разговор со Студитовым¹¹ (нач. ГПУ), просил его распутать этот клубок, чтобы спасти ряд ребят от дальнейшего разложения, почвы для которого в головах людей и сложности обстановки достаточно. Поэтому-то просто смешна местниковщина, предлагавшая реализовать антисоветские партии.

8/II – 24 г.; Архангельск. Шипов.

И что же? Оказывается, что круг ребят, подверженных этой анархистской отсебятине, гораздо больше, чем можно было предполагать. Оказывается, они серьезно готовились меня ухлопать и усердно готовили оружие. Мальчики, мальчики! – Пришлось ряд ребят засадить. Может быть, удастся распутать нити более широкого клубка? Сумеют ли наши Г.П.Ушники? – Довольно бесталанные ребята там сидят. Способные придраться к мелочи, но политически мало грамотные...

10/II. Архангельск. Шипов.

Все больше и больше запутывается дело с Аристарховым¹². Сегодня целых 6 часов просидели в бюро над его письмом в ЦК, обвиняющим во всех смертных грехах меня и большинство бюро Губкома. Приехал он к нам в марте прошлого года как-то своеобразно: заворготделить, хотя никто заворга не просил из ЦК. Посмотрели: человек солидный, стаж с 1903 г., – кооптировали в Губком, назначили зам. заворгом, не зорясь от назначения заворгом его, если втянется. Во время партсъезда с Заславским¹³ договорились (и по заявлению Заславского ЦК не возражало) использовать его в Комхозе как старого коммунальника. Вернувшись из Москвы, говорили с ним об этом – наотрез отказался. Ладно. Стал я строить другие комбинации: Попова в Рабкрин, а его на орготдел. Съездил на курсы при ЦК, вернулся, назначили. Потом я поехал в Москву на сентябрьское совещание при ЦК. Когда вернулся, меня завалили жалобами на его грубости, бюрократичность, формализм и т.д. Я публику успокоил, с Аристарховым поговорил, думал, уладил. Оказалось не то. Жалобы продолжались, столкновения тоже. Стал присматриваться и заметил: на партработу не годится: не умеет с публикой говорить, организации не изучает, делом не руководит, формально исполняет только запросы ЦК; ни на одну фракцию (ГСПС, ГНК, ГСПО) не ходит, на рабочие собрания не вытаскишь, в районы не заглядывает, ни в одну комиссию не идет: голова болит, некогда, ячеекобычные мотивы, а делу уделял чиновничьи 6 часов и только. Так партийную работу делать нельзя. И когда в декабре инструктора снова потребовали их освобождения, я поставил вопрос на бюро и тоже сказал, что Аристархов работает не ахти как: получилась большая шумиха, с Аристарховым и мои отношения испортились. Мою просьбу об освобождении инструкторов и предоставлении Аристархову подобрать людей, с которыми он мог

бы сработаться, ... отвергли: положение создалось глупое. На январском пленуме Аристархов поднял вопрос о том, чтобы ему разрешили просить ЦК о переводе. Пленум значительным большинством (кажется, 13 против 1 или 2) без обсуждения согласился удовлетворить его просьбу, т.е., другими словами, дал весьма полную оценку ему: ибо хорошего работника так не отпускают. Но думали – дело исчерпано. Не тут-то было. За время моего пребывания в Москве на партконференции Аристархов накатал в ЦК длинейшее и кляузнейшее письмо, где кивки и намеки чередуются с прямой ложью. Когда я вернулся и узнал об этом, решил внести на рассмотрение пленума февральского это письмо. Бюро захотело до пленума его обсудить. И вот сегодня, черт знает, сколько времени и сил потратили на эти глупейшие разговоры. Но в них выявилось, безусловно, одно: Аристархов если не просто карьерист, то болезненно-самолюбивый чиновник, не особенно брезгливый по отношению выбора средства. Положение абсолютно нетерпимо дальше. И я, и большинство бюро (т.е. бюро против Аристархова) пороли чепуху и зашились, и нас надо одернуть, а меня из бюро выдернуть, или Аристархов нечистоплотный тип и надо это ему сказать, и из аппарата Губкома выместить, ибо он даже в письме к ЦК грозит «активной склокой». Но нелепее всего то, что такие дела самые многочисленные, часы дорогого времени, портят трудоспособность аппарата, создают атмосферу склоки, тогда как тому же Аристархову не хватило времени для того, чтобы хоть разик продумать вопросы о состоянии организации и внести соответствующие предложения. Кстати, просматривая протоколы бюро, я обнаружил, что он не внес ни одного принципиального вопроса, а давал только особые мнения.

Но все это так противно, черт знает как. Вместо того, чтобы помочь совпартшкольцам справиться с анархистским поветрием в школе, мы тратили время на склоки в Губкоме!

Выпороть нас надо бы за это, да некому, черт возьми.

С 11 по 12/II – 24 г. Шипов.

Вчера провели очередной пленум Губкома. Просидели с 11 утра до 3-х часов следующего утра. Слушали доклад фракции Губсоюз, т.к. они в конце марта созывают съезд уполномоченных. Положительное то, что губсоюз кое-какую копеечку сумел сколотить чисто-торговыми операциями, но зато не вел никакой кооперативной работы. Правда, пе-

релом уже наметился. Самое, однако, существенное в том, что все хозяйственники и кооператоры, которых нам приходилось заслушивать (в том числе и Платонов), они в Губком едут не для того, чтобы в партийной организации беспристрастно разобраться в вопросе и наметить правильную линию дальнейшей работы, а для того, чтобы как бы себя оправдать, скрывая все недостатки, чувствуя себя, как на допросе. Это отвратительно скверно, хотя мы (партработники), пожалуй, немало в этом повинны: больно уж часто (и всегда ли достаточно продуманно?) мы их подтягивали.

Партконференцию решили перенести на май: зимой мы за наши кредиты можем собрать только по 1½ человека с уезда, это уж не конференция. Лучше сумеем подготовиться, а может быть, сумеем обсудить и вопросы партсъезда.

Прямо позорно: над письмом Аристархова опять просидели шесть часов с лишним. Аристархов уж почти ничего не подтверждал из того, что в письме было, а доказывал, что не только он, но и другие виноваты. Главная его аргументация шла по линии того, что его, непримиримого сторонника ЦК, в связи с дискуссией стали ненавидеть, аргументация, которая ему нужна была, конечно, не для Губкома, который достаточно хорошо знает, что это неправда, а просто ему это для того, чтобы показать ЦК: вот ведь, дескать, в какой плоскости беда. Чего тут больше – сознательной ли подлости или оскорбленного самолюбия, желания во что бы то ни стало получить удовлетворение, – не знаю. Козлов¹⁴ на пленуме это квалифицировал подлостью, я думаю – второе. Но не в этом, в конечном счете, дело. Пленум обнаружил еще кое-что: это природу Студитова. В свое время он обманывал Москву, бросал подозрение на Губком в прикрывании хозяйственных преступлений (нужное дело). Мы считали нужным прекратить такое безобразие и поставили вопрос на бюро: какие такие факты дали Студитову право бросать тень на Губком – у Студитова ничего не оказалось. Значит или легкомыслие, или склочничество. И за одно, и за другое надо вздуть. Вздуть-то мы Студитова еще не успели, но на пленуме он уже корчил оппозицию и, вопреки своему мнению раньше, стал оправдывать Аристархова, нападая на Козлова, частично и на меня. Если эти нападения не были вызваны нашим подтягиванием его, было бы пустяки, но сейчас это выявило склочническую природу Студитова. И об этом надо помнить. Боюсь, что они даже предварительно сговорились с Аристарховым.

Частично не то защищал, не то оправдывал Бегин Аристархова. И тут опять... Бегин не упускает ни одного удобного случая, чтобы так или иначе ко мне придрататься по своим, особого свойства, мотивам. Бегин великолепно знает, что я больше и лучше других знаю организацию и ее прошлое, в том числе и прошлое Бегина. А в прошлом Бегина, вероятно, имеются изъяны, которые не дают ему покоя. Он чувствует, что Юрченко работает в истпарте, между прочим, и для того, чтобы губком рано или поздно мог бы определенно разобраться в этом, почему Бегина щадила Миллеровщина¹⁵, почему после подготовленного бегства, из которого это бегство под давлением Бегина сорвалось! Мы не можем доверять вслепую: мы хотим знать, кому можем, кому не можем доверять: Бегин это чувствует и не то мстит, не то пытается избавиться от не особенно приятных в этом отношении людей. Это тоже не вредно запомнить. Но об этом не могу я никому говорить, потому что бросить тень подозрения, без достаточного еще к тому основания, нельзя.

Пленум решил Аристархова немедленно освободить от работы, и просить ЦК его немедленно отозвать во избежание склоки. Сегодня я и секретарь, и заворг, и завинф. настр. (так в тексте. – *Ред.*) Будет тяжело, но будет легче, чем когда Аристархов сидел рядом: сейчас могу делать положительное дело, а тогда приходилось возиться с бесчисленными конфликтами. Характерно еще и то, что Аристархов, употребив все усилия, чтобы привлечь Куджиева¹⁶ на свою сторону, разочаровался в этом, и на пленуме нападал гораздо больше на Куджиева и Козлова, чем на меня: на них легче отыгаться, дескать, чем на Шипове, которого так или иначе в организации и знают достаточно, и любят, и уважают, – говоря без всякого хвастовства.

15/II – 24 г. Шипов.

С 15 по 18 февраля очень оживленно и деловито прошла сессия Губисполкома с участием представителей с мест из уездов. Порядок дня состоял из отчетных докладов о РСФСР-ом и СССР-ом (так в тексте. – *Ред.*) съездах советов, по работе президиума Губисполкома, об исполнительном бюджете за 1922-23 г. Разобран был внимательно бюджет 23-24 г., обсуждены вопросы о ножницах¹⁷, об укрупнении волостей. Все это прошло чрезвычайно оживленно и, главное, деловито. На сессии же получил возможность познакомиться с членом ЦИК от

нашей губернии тов. Андреевым. Впечатления толкового крепкого мужичка, пожалуй, с некоторым даже кулацким налетом. Поживем, увидим, не промахнулись ли наши ребята на съезде, выдвинув его кандидатуру. Знал его немного только один Пономарев, другие его не знали... С 14/II Аристархов в Губкоме не появлялся. Прямо какая-то ноша свалилась с плеч. Идешь по отделам и не боишься, что вот-вот опять будут осаждать с жалобами. Правда, отдел пуст, пришлось Рабову дать отпуск, иначе он совсем свалился бы. Но ребята орготдельские не опускают руки. Говорят – справятся, теперь работать можно будет. Поживем – увидим. Постановили отозвать Соловьева для заведования орготделом. Должен приехать к 10 марта. Думаю, с ним сработаются. Во всяком случае, хуже не будет.

20/II – 24 г. Шипов.

Только сегодня (11 апреля) снова имел возможность вспомнить про эти записки. Месяц был этот в общем очень тягостным. Прошедшие в конце февраля и начале марта уездные партийные конференции обнаружили ряд болячек на местах. Совершенно гладко не прошла ни одна конференция. И на всех них недоразумения шли по линии недовольства усилением борьбы с пьянством со стороны пьянствующей публики. И если в ... Шенкурске и Онеге¹⁸ (названия местных населенных пунктов неразборчивы. – *Ред.*) не получилось болезненных последствий, то в ... и Пенеге¹⁹ дело дошло до открытых группировок на этой почве. Руководители советской работы (Лебедев, Харитонов) не были введены в руководящий партийный центр, и взаимоотношения создались явно ненормальные. Печерская публика (Набатов и Манковеев) ни в какой степени не оправдали наши надежды, сепаратничают, доходят до каких-то конференций и совещаний с Зырянской областью по вопросу об объединении, не ставя об этом в известность не только Губисполком, но и Губком.

Положение в уездах отвратительное. Мещанско-крестьянский социальный состав организаций, безграмотность и захолустная тупость, неспособность подняться до государственной точки зрения на вещи, хуже всякой цеховщины, местничество, пьянство – махровым цветом распустилось там и внушает самые серьезные опасения относительно завтрашнего дня, ибо все это не изживается, а растет. В городе положение немного лучше. Но городской район явно разлагается. Множе-

ство недоразумений в ГПУ между коммунистами и руководителем Кадушиным. Пьянство, оскорбление милиционеров со стороны пьяных коммунистов принимает безобразные размеры. Несколько судебных процессов, чистка в ячейках и выбрасывание помимо чистки, резкие крутые меры – только это может парализовать, хотя бы опять на время, разложение. В районах ленинский призыв дал только 500 заявлений и 300 (триста) принятых. В течение марта шла возня со Студитовым. Потом его отозвали.

В конце марта приехала комиссия ОГПУ (Королев и Баринов) для расследования дела «Пушное дело». Оказывается, Студитов в Москве насплетничал гораздо больше, чем в писаном меморандуме. Комиссия эта на днях уехала. На днях же приехала комиссия из центра для обследования Северолеса (т. Герасимов от ЦКК и один т. из РКИ). Надо бы радоваться, так как мы давно добивались Северолеса, но нет основания. Из этой комиссии ничего не получится, потому что хотят они все сделать в три недели, тогда как Северолес один только годовой баланс подгонял полгода. Не собираются мало-мальски подробно знакомиться с положением дел на местах, путем выездов. Нет среди товарищей (2-х) ни одного знающего лесное дело. Вдобавок РКИ-вец оставляет на меня не особенно серьезное впечатление. В результате, боюсь, получится дискредитирование местных организаций и Северолесовские спецы еще выше задерут носы. Может быть, я – пессимист: может быть, я уже слишком изуверился в возможности что-либо сделать с Северолесом. Пусть результаты ревизии окажутся более отрадными, чем мои предположения.

В конце февраля прошел кооперативный съезд сельсоюзов, два сочувствующих (бывшие коммунисты).

В конце марта был съезд потребительской кооперации.

Губсоюзники израсходовали на съезд огромную сумму, но подготовили съезд плохо, и губком прозевал. Большинство оказалось некоммунистическим. Платонов вел себя чертовски нетактично. Прошел съезд благополучно. Правление – прошел целиком наш список, правда, пришлось втирать в него одного не нашего человека (Кубачина), однако четыре коммуниста (Петров, Стрелков, Огеев, Вдовин) обеспечат партийную линию. Прошедшие за февраль же и март перевыборы завкома прошли удовлетворительно. Хотя и тут, как на кооперативных съездах, мы имели ряд кулацки-эсеровских вылазок, но успеха особого они не

имели. Тем не менее, по отношению к кооперативным и профессиональным организациям ухо надо держать «востро».

В аппарате губкома с отъездом Аристархова значительное улучшение. Публика работает не за страх, а на совесть. В середине марта приехал и приступил к работе Соловьев. Знаний и опыта у него маловато, но есть желание и любовь к делу. В конце марта вернулся Рябов. Прямо незаменимым работником является Куджиев: инициативный, энергичный, толковый, беспредельно отдающийся делу, типичный партиец. За то, за что он взялся, можно быть спокойным. У него личное несчастье. Обнаружилось, что жена больна чахоткой, врачи требуют перемены климата, он просит перевода, мы отказали. Больно, но отказали. А придется, пожалуй, отпустить. Не везло и мне за это время. В середине марта заболели все ребята дифтеритом. 2-е встали скоро. Младшая, Вера, после дифтерита заболела воспалением легких и не поправляется еще, хотя уже три недели болеет. Общая хилость делает их очень восприимчивыми к болезни. Врачи тоже говорят о перемене климата. Ну, куда, к черту, я могу переехать с такой оравой, не имея ни копейки лишней, кроме на текущий месяц! Придется влезть в долги, чтобы на 2 месяца летом съездить в Калугу, вон из этих вонючих болот и болотных испарений. Личное состояние: какая-то притупленность, апатия, беспричинная сонливость.

Овчинников, которого по моему предложению прогнали в физико-терапевтический лечиться, поправился довольно основательно, бодр и весел. Дал бы бог или черт телес ему побольше, духу большевистского у него хватит. Молодой, но способный и быстро растущий парень.

Пока – будет до поры, до времени.

11/IV – 24 г. Архангельск. Шипов.

Наши нервы основательно потрепаны. За десятилетия непрерывных скитаний по России и горения я в 29-летнем возрасте успел износиться так, что мне никто меньше сорока лет не дает, тогда как я только сегодня вступил в 30-й год своей жизни. Работа в столь тяжелых условиях, как в Архангельске, где почти нет людей, сознающих свою ответственность за судьбы революции, особенно сильно потрепала меня за последние 1½ года, когда моральная ответственность за судьбы губернии лежит на мне. И поэтому естественно, что нервы начинают сдавать, начинают «шалить», я начинаю покрикивать, получают достаточно

необдуманные заявления и т.д. Бывали кое-когда раньше такие случаи, но реже. И я своевременно находил силу воли брать себя в руки, помня где-то Ильичем высказанное, что ответственный работник не имеет права нервничать и горячиться. Последнее время все больше стали учащаться мелкие стычки с Козловым. Не помню, с каких пор это началось. Кажется, с того момента, когда я впервые заинтересовался постройкой кузнечного моста и высказался, что мы чересчур бедны, чтобы позволить из бюджета одного года расходовать столь большие суммы. Охладел я к нему еще больше, даже проникся некоторым недоверием после истории с Оргторгом, где, как оказалось, он проявил излишнее «губернское» пристрастие. Теперь на другой почве.

Неоднократно уже наши советские работники проявляли своеобразное ироническое отношение к профорганизациям. Выражалось это в чрезвычайных резкостях по отношению к ошибкам профессионалистов и постоянном ироническом тоне в разговоре с ними. Сегодня на бюро фракции ГИКа это опять повторилось сначала со стороны Лопашовецкого, потом Козлова. Я вспылil и заявил, что если товарищи не откажутся от этого тона, я покину бюро фракции. Получилось замешательство среди присутствующих 7-8 человек. Козлов захотел снять вопросы и перенести на бюро Губкома, поскольку, дескать, тут имеется момент заподозривания. Это я отклонил. После исчерпания порядка дня разошлись. У меня остался какой-то осадок. Это прибавилось к уже чертовски взвинченному состоянию духа и усталости.

Пришел я домой совершенно размягченный и безвольный. Устал, опускаются руки. Отвращение и апатия ко всему. После обеда взял прочитать «Правду» № 87 от 16 апреля. С удовольствием прочел статьи Зиновьева, Крупской и Троцкого об Ильиче. Перевернул страницу. Там статья (незаконченная) самого Ильича «О восхождении на высокие горы» и т.д. Накинулся, прочел раз, другой, третий... И врезались особенно в сознание слова против уныния и теряющих голову коммунистов... Легче стало...

Так бывало не раз. Когда становится тяжело, когда усталость, уныние и апатия начинают одолевать, – подвернется под руки книжка Ильича какая-нибудь, начнешь ее так себе перелистывать, заинтересуешься каким-нибудь подчеркнутым местом, незаметно увлечешься всей страницей, и следующей и последующими страницами... Чарует, увлекает жизненная простота изложения, то широкими мазками, набрасыва-

ющая грандиозную картину, то как под микроскопом по мельчайшим крупинкам разбирающая явление. Приковывает смелость и ясность мысли, диалектичность ее развертывания. Революционная фантазия и холодный аналитический ум – все-все это увлекает, увлекает от уныния, усталости, безразличия незаметно. И когда кончаешь, когда кладешь книжку в сторону, то и дело повертываются на язык Тургеневские «Черт возьми, мы еще повоюем!»

Да, черт возьми! – Мы еще поработаем! – На каком же это я очередном деле застрял? – Сейчас найду, сейчас возьмусь за него.

18/IV – 24 г. Архангельск. Шипов.

Сегодня 6 декабря. Какой огромный срок прошел со времени занесения последних замечаний! Только сегодня у меня обнаружилось определенное воспоминательное настроение, и я в ящиках отыскал эту тетрадь...

За апрелем последовал май месяц. В мае мы провели губернскую партийную конференцию. Это, вероятно, была самая многочленная конференция, какая когда-либо была в губернии. Прошла она очень оживленно, деловито, без склок и недоразумений. Расширили состав губернского Комитета. После Губконференции немедленно же уехали на партийный съезд XIII. Съезд прошел вяловато, не так, как следовало бы. Конечно, грызлись с оппозицией, дипломатничал Троцкий, высокомерничал Сталин, большевистскую страсть проявлял Каменев, агитировал Зиновьев и все как полагается без Ленина. Но «изюминки», ленинского звена, за которое уцепиться надо, – этого никто не дал. Видимо, однозначно Ленина никто даже в малой степени заменить не может. Троцкий из них, безусловно, самый талантливый, самый чуткий, самый культурный. Но он мечется по настроению, нет у него большевистской выдержки. Сталин, пожалуй, после Ленина самый крупный аналитический ум, хладнокровный, большевистски стальной. Но бюрократ он в худшем смысле слова, политической чуткости у него нет, посему он обречен неминуемо плестись в хвосте событий. Он может толково проанализировать причины происходящих событий, но почуять грозу, суметь заблаговременно повернуться он не умеет. Для этого он слишком чиновник, слишком замкнулся от живой жизни.

Зиновьев – тоже мечущаяся душа; агитатор большого калибра, любитель демагогических ноток. Как хороший и крупного калибра агитатор – он чувствует перемены, улавливает настроения, но вряд ли преду-

преждает их до конца: слишком многое он хочет одновременно делать. Каменев – из всех, пожалуй, – наиболее дельный, умеющий и анализировать, и почувствовать назревающее. Но, во-первых, он слишком перегружен различной, в том числе и советской, работой. Кроме того нынешняя обстановка по всей сложности требует людей калибра Ленинского. До этого, конечно, и Каменеву далеко. Все же его доклад был лучшей частью съезда. Большинство решений съезда – политически декларированного, агитационного свойства. Новой страницы они в истории партии не открывают. А между тем, 1924 г. – безусловно, открывает новую страницу в истории нашей революции: денежная реформа дала возможность подойти практически к плановой работе и регулированию процессов хозяйственной жизни страны. Оппозиция (Преображенский, Пятаков, Троцкий) не права, что эта новая страница должна была открыться после первых симптомов назревающего кризиса 1923 года. Без денежной реформы этой новой страницы не могло быть (оппозиция к тому же была против денежной реформы). Уже к майскому (XIII) съезду партии напрашивался снова вопрос о нашем отношении к крестьянству, вопрос о некоторой новой проработке нашей аграрной программы и некоторой ее конкретизации. Мы ограничились декларативной постановкой вопроса о работе в деревне.

Точно тем же ограничились октябрьский пленум ЦК. Боюсь, что мы провороним вопрос, провороним то, что происходит в деревне. После партийного съезда я вернулся в Архангельск на неделю и 15 июня уехал с семьей в отпуск в Калужскую губернию, где пробыл до последних чисел июля. Немного отдохнул, маловато, плоховато. Ссорился с женой и сопровождавшим меня Мартынюком. Один раз ездил в Москву за газетами, следил за V конгрессом Коминтерна, баловался пером. В первых числах августа вернулся в Архангельск, стал тормозить работу. Развертывали довольно успешно. В сентябре ЦК отозвал товарища Козлова, вместо него прибыл тов. Поднек²⁰. Первые впечатления не плохие о Поднеке. Разве только что излишне часто любит выпивать. С сентября же идут непрерывные разговоры об отзыве меня из губернии. Чем кончатся эти разговоры – не знаю, но работать они мешают, нервируют. Октябрь месяц провел в Москве на сессиях ВЦИК и ЦИК, как кандидат в члены обоих этих учреждений. Кое-чему подучился. Сессии эти не бесполезны ни для членов с мест, ни для центровиков. Жалко только, что Ленинский завет о том, чтобы они собирались чаще и на более длительные сроки, не выполняется. Это была единственная сессия за год.

К ним относятся как и, ... (пропуск текста. – *Ред.*), который надо отбыть в силу каких-то решений (см. речь Калинина на пленуме ЦК в октябре 1924 г: выполним постановление, чтобы между съездами было три сессии). Мне эта сессия все же много дала. После сессии вернулся в первых числах ноября. Отпустили Новлянского, вместо него назначили Ершова. Провели пере выборы советов и завкомов. Проводим районные и уездные конференции и готовимся к губернской, которая назначена на 25 января 1925 года. В ноябре была убита т. Уткина из Лявли (чл. партии, женорганизатор волости, селькор «Волны», член ВИКа и земельной комиссии). Убита кулаками на почве политической. Первая ласточка обострения отношений и в нашей северной деревне.

Бегло – ход событий за последние 6-7 месяцев.

6/XII – 24 г., Архангельск. Шипов*.

¹ Высоцкий А. «Несломленный» / «Воронежский курьер» 19 июня 1991 г.; Перцев В.А. «Винным себя не признаю» (Штрихи к портрету Я.Я. Спрингиса-Шипова) // Страницы истории и историографии отечества. Научные труды кафедры новейшей отечественной истории и историографии ВГУ. Выпуск 3. – Воронеж, 2001. С.155; Иванова Г.П. Спрингис-Шипов Ян Янович – первый декан исторического факультета ВГПИ // Российская цивилизация: история и современность. Выпуск 28. – Воронеж, ВГПУ, 2006. С.176-188; Карпачев М.Д. Шипов Я.Я. / Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии / Воронеж, 2006.

² Институт красной профессуры (ИКП) – высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук, работников научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и государственных органов. Создан в 1921 г. Просуществовал до начала 1930-х гг.

³ Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (АКВ) в 1923-1935 гг. являлась высшим педагогическим учебным заведением в СССР для подготовки преподавателей средних учебных заведений, руководящих работников народного образования. В 1935 г. преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Н.К. Крупской (Ленинград).

⁴ ГСПС – Губернский Совет профсоюзов

⁵ Дмитрий Алексеевич Ершов (6.05.1898, Костромская губ. – 15.03.1974, Курск) – поэт, журналист, член партии большевиков с 1918 г. Участник Гражданской войны. С 1922 г. – директор Архангельской губернской советской школы. С ноября 1924 г. редактор Архангельской губернской газеты «Волна».

⁶ Шенкурск – город в Архангельской области. Пристань на реке Вага.

⁷ Пертоминский исправительно-трудовой лагерь был основан в закрытом советской властью Пертоминском Спасо-Преображенском монастыре (Архангельская губерния) в 1919 году.

⁸ Ультиматум Керзона – меморандум Английского правительства Советскому правительству, объявлен министром иностранных дел Дж. Керзоном в мае 1923 г. с целью ослабить международные позиции СССР.

⁹ Маймаксанский округ – один из девяти территориальных округов Архангельска. Расположен в северной части Архангельска, на островах дельты Северной Двины (Повракульский, Линский Прилук, Бревенник и др.).

¹⁰ ВИК – Волостной исполнительный комитет.

¹¹ Петр Иванович Студитов-Парфенов – член партии с 1914 г., делегат XV съезда партии от Владимирской губернской партийной организации. В течение нескольких лет работал в органах ВЧК-ОГПУ (в 1923 г. в Архангельске и в 1924 г. в Курске). Затем в 1925-1930 гг. – в органах КК-РКИ в Курской, Владимирской губерниях и Средне-Волжской области.

¹² Александр Алксеевич Аристархов (5 июня (14 августа) 1875 – 22 февраля 1947) – российский революционер, большевик, советский партийный деятель.

¹³ Петр Савельевич Заславский (2 (14) июля 1890, Киевская губерния – 22 февраля 1967, Москва) – советский государственный, партийный, профсоюзный деятель.

¹⁴ Николай Кузьмич Козлов (16 января 1893, Кострома – 29 августа 1973, Москва) – советский партийный и государственный деятель. С февраля 1922 по октябрь 1924 года возглавлял исполнительный комитет Архангельского губернского Совета, одновременно являлся председателем Архангельского городского совета (23.9.1922 – 26.10.1924). В последующем работал ответственным инструктором ЦК ВКП(б).

¹⁵ Евгений-Людвиг Карлович Миллер (25 сентября (7 октября) 1867, Динабург, Витебская губерния – 11 мая 1939, Москва) – русский военачальник, генерал-лейтенант (1915); руководитель Белого движения на севере России в 1919–1920 годах, главнокомандующий всеми сухопутными, морскими вооруженными силами России (Северная Армия), действовавшими против советской власти на Северном фронте.

¹⁶ Василий Михайлович Куджиев (1 января 1890 года – 30 ноября 1976 год) – советский партийный и государственный деятель. С августа 1923 года по октябрь 1926 года работал заведующим агитационно-пропагандистским отделом Архангельского губернского комитета РКП(б) – ВКП(б). С января по июль 1926 исполнял обязанности ответственного секретаря Архангельского губернского комитета РКП(б).

¹⁷ Цены на хлеб были чрезвычайно низкие, а на промышленные товары слишком высокие. Расхождение цен – «ножницы» – осенью 1923 г. приняло огромные размеры.

¹⁸ Города в Архангельской губернии.

¹⁹ Пинега – уездный город в Архангельской губернии на реке Пинега.

²⁰ Поднек (Подниекс) Карл Карлович. (28.06 (10.07). 1896, Лифляндская губерния – 10.02.1938, г. Москва). Член компартии с 1919. Служил в РККА на командных должностях (1918-1919). В 1919-1920 гг. – на разведывательной работе в Латвии в составе разведгруппы Роберта Штейна, которая передавала в Москву в основном экономическую и политическую информацию. Арестован в сентябре 1920, как и многие другие члены группы (всего 11 человек), приговорен к 15 годам каторжных работ (май 1922). Содержался в Рижской тюрьме. Вернулся в СССР в 1923 в результате обмена заключенными. В резерве при штабе РККА (март – май 1923). 15.05.1923 как сотрудник РО штаба РККА уволен в бессрочный отпуск с зачислением на учет по Московскому уезду.

*Продолжение публикации в следующем выпуске нашего «Вестника».

Письма великой княгини Ольги Александровны к цесаревичу Алексею Николаевичу и великой княжне Ольге Николаевне

Н.А. Комолов,
*старший научный сотрудник отдела
по научно-фондовой деятельности
АУКВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс
Ольденбургских»*

Личность великой княгини Ольги Александровны давно и пристально привлекает внимание историков. Ей регулярно посвящаются статьи и публикации в ежегодно издаваемых автономным учреждением культуры Воронежской области «Историко-культурный центр «Дворцовый комплекс Ольденбургских» сборниках «Ольденбургских чтений»¹, а также «Вестнике архивиста»². Естественно, воронежских авторов, в первую очередь, интересует то, что связывало сестру императора Николая II с нашим краем, с Рамонью и Ольгино. И в этом отношении исследовательские перспективы очевидны.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась малоизученная переписка великой княгини Ольги Александровны. Настоящей публикацией – писем цесаревичу Алексею Николаевичу (1904–1918) и великой княжне Ольге Николаевне (1895–1918) мы начинаем соответствующую серию. Издаваться будут преимущественно письма и открытки, обратным адресом на которых стоит «Ольгино» или «Рамонь». Особый интерес представляют также портретные и пейзажные фотографии Ольги Александровны.

В фонде цесаревича Алексея Николаевича (Ф. 682) удалось выявить всего четыре письма великой княгини к наследнику престола. И хотя они написаны уже после ее расставания с воронежской землей, в 1914–1916 гг., но, бесспорно, имеют историческую ценность.

Переписка Ольги Александровны с первенцем императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, великой княжной

Ольгой за 1901-1917 гг. сохранилась более полно (Ф. 673), поэтому нами отобраны преимущественно ее письма воронежского происхождения и несколько корреспонденций из других мест. Современникам именно Ольга Николаевна больше других царских дочерей напоминала Ольгу Александровну³.

Мы не ставим себе задачу углубленного изучения ее взаимоотношений с адресатами по другим, в том числе мемуарным источникам.

Документы публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистики оригиналов. Сложные сокращения раскрыты, недостающие части слов помещены в скобки. Письма № 1-12 написаны на русском языке, № 13 и 14 переведены с английского языка нами. Лица, которых идентифицировать не удалось, в комментариях не упомянуты.

№ 1

Ровно, 3 октября 1914 г.

Поздравляю тебя, душка Алексей! Надеюсь, хорошо провел этот день. Прости, что пишу на этой карточке – но ничего другого нет у меня, а я подарила единственную открытку Татьяне Андреевне⁴. У нас опять много раненых⁵ и много разных казаков из-под Пржемысла и из Карпатских гор. Целую тебя крепко. Любящая тебя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 682. Он. 1. Д. 63. Л. 1 об.

№ 2

Ровно, 9 февраля 1915 г.

Душка Алексей. Очень благодарю за письмо. Так смешно было получить по-французски. Поздравь от меня Mr. Gillard⁶ с твоими успехами, и вообще я ему очень кланяюсь. Надеюсь, твоя нога не болит уже. Наш госпиталь заворачивается, и мы из Ровно уезжаем⁷. Будем во Львове работать. Не знаю еще, когда отъезд. Целую нежно и крепко. Твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 682. Он. 1. Д. 63. Л. 2 об.

Великая княгиня
Ольга Александровна. 1914 г.
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 33.

№ 3

Киев, 29 июля 1916 г.

Душка Алексей (WeeOne!)⁸. От души поздравляю с рождением. Надеюсь, проведешь этот день весело. Как поживают твои друзья Японец и Бельгиец⁹? Тетя Ксения¹⁰ здесь живет, и я ее почти ежедневно вижу. Работы у нас очень много. Татьяна Андре(евна) вернулась, но еще работать не способна. Целую тебя, Папа, Мама¹¹ и всех нежно. Любящая тебя т(етя) Ольга.

ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 63. Л. 3.

№ 4

Киев, 3 октября 1916 г.

Поздравляю тебя, душка Алексей, с Днем Ангела. Ты, наверно, рад, что приехали Мама и «дети». Только что вышла прогуляться с одной сестрой после ужина. Теплая лунная ночь. Днем одна сестра купалась в реке. Так было тепло – 3-го октября! Работы много очень. Целую тебя, Мама, Папа и детей твоих, то есть сестер. Любящая тебя тетя Ольга.

ГАВО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

№ 5

Гатчина, 4 ноября 1903 г.

Дорогая Ольга. Приеду завтра к вам в гости в Царское¹². Радуюсь страшно вас видеть. Крепко обнимаю и целую тебя, Татьяну, Марий и Беби¹³. Любящая тебя твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

Открытка с рисунком Ольги Александровны. 1901 г.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 70.

№ 6

[Петергоф], 21 июня 1910 г.

Напиши мне о Полярной звезде^{14?}

Милая душка Ольга. Вчера ночью сторел дотла театр в Петергофе. Мы, конечно, утром поехали смотреть, и еще кое-что горело пламенем, и пожарные работали в дыму и жаре. Сегодня я в Гатчине у птичника крестила их¹⁵ 14-го ребенка — Андрея. Он был ужасно мил и был завернут лишь в платочки, так что был скользкий и много прыгал и хватал ручками за мою рубашку! Marie-Claire с родителями приехали сегодня. Мне веселее стало. Я ее очень люблю! Целую тебя крепко. Твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

№ 7

Ольгино, 23 июля 1910 г.

Милая Ольга, вчера получила твое крошечное письмо и благодарю. Тут жара неописуемая, но я наслаждаюсь вовсю! Гуляю, езжу вер-

Фотография
Ольги Александровны. 1914 г.
ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

хом, а главное для меня – рисую сколько угодно. По утрам иду вниз к реке – и там меня ожидают штук двадцать ребятшек, которых я рисую на берегу – сперва все кидаются с криком (в) воду и купаются, потом я рисую их голенькими и одетыми, а другие толпятся и сидят вокруг и смеются, смотря на мой рисунок! Marie-Claire вчера были (с) племянницей и у нас вечером были гости, соседи здешние. Что ты больше мне не пишешь? Вчерашняя записка не считается вовсе! Целую тебя крепко. Едете ли вы все с Папа и Мама? Любящая тебя тетя Ольга.

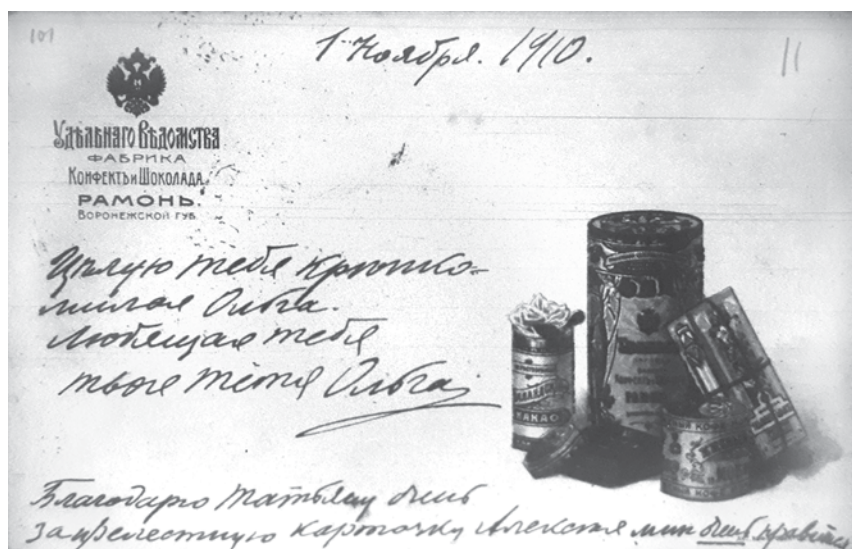
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 5.

№ 8

Ольгино¹⁶, 5 августа 1910 г.

Милая дорогая Ольга! Страшно благодарю тебя за письмо и рада, что вы веселитесь иногда с вашими милыми друзьями с яхты. Володя мне писал на днях и Сер(гей) Сер(геевич)¹⁷ тоже. Он на скэтинге¹⁸ растянул нечто такое в ногу и лежал в кровати! От тебя я написала поклон Володе. Он пишет, что в скверном настроении находится. Шью рубашек на машине с помощью Nana¹⁹. Я хочу обшить всех крестников. Хочешь, я привезу вам 4-м сарафанчики и рубашки? Как тут носят? Я тут хожу в них все время. Крепко и нежно целую тебя, Папа, Мама и всех. Пиши почаще, я так рада буду. Любящая тебя твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 7.

Открытка с изображением продукции
Рамонской конфетной фабрики. 1910 г.
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

№ 9

Ольгино, 9 сентября 1910 г.

Милая моя душка Ольга. Я получила от Володи письмо третьего дня и два письма от Сергея Сергеевича. Они говорят, что в этом году совсем не так весело, как было в прошлом году (еще бы! Меня нет там теперь – вот оно что!). Ирина²⁰ теперь меньше их конфузничает, но все-таки дикая осталась. Я была такая всегда раньше – это всегда так, когда одна, – а вам хорошо, вас много вместе. Целую тебя нежно. Твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

№ 10

Ольгино, 2 октября 1910 г.

Deutschland, Ober-Neueu, Friedberg, H. I. N. Grand Duchess Olga Николаевна.

Душка Ольга милая, посмотри, как я написала адрес! Дойдет и так! Спасибо тысяча раз за открытку с фотографии. – Смешно видеть больших дам на улице и знать, что это ты и Татьяна²¹. Погода ужасная. Ветер порывается снести крышу, и дом вздрагивает от порывов. Целую крепко и нежно тебя, Папа, Мама и всех. Твоя т(е)тя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

№ 11

Ольгино²², 1 ноября 1910 г.

Е.И.В. великой княжне Ольге Николаевне. Царское Село.

Милая душка Ольга. Поздравляю тебя, всем сердцем, желаю тебе всего наилучшего ко дню рождения. Так странно думать, что тебе уже 15 лет! Надеюсь тебя скоро увидеть, хотя вряд ли меня допустят в Царское, т.к. у Пети²³ ветряная оспа, и говорят, что она легко передается! Надеюсь, в среду мы едем. Тут ужасно хорошо было почти 4 месяца. До свиданья.

Целую тебя крепко, милая Ольга. Любящая тебя твоя тетя Ольга.

Благодарю Татьяну очень за прелестную карточку Алексея²⁴, мне очень нравится.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

№ 12

Ольгино, 8 июля 1913 г.

Моя милая дорогая душка Ольга. Всей душой желаю тебе всех благ в день наших именин и сердечно поздравляю. Наверно, тебе будет ужасно хорошо и уютно там, цветы получишь – депутаты приедут со всех судов, одним словом, будешь чувствовать себя именинницей. Целую тебя крепко и нежно. Господь с тобою. Пиши любящей тебя страшно твоей тете. Всех целую и всем кланяюсь. I love you²⁵. Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 17.

№ 13

[Рамонь, ок. 1901 г.]

Ее Императорскому Высочеству великой княжне Ольге Николаевне. Царское Село.

Моя дорогая милая Ольга! Большое спасибо за твою дорогую открытку. Нежно тебя целую. Твоя тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 70.

№ 14

[Рамонь, 1912 г.]

Гродненская губерния, Беловеж, Е.И.В. великой княжне Ольге Николаевне.

Моя дорогая милая душка Ольга. Ужасно благодарю тебя за открытку и за твое милое письмо. Я очень смеялась над Дмитрием с фазаном! Как ему удалось его поймать? Великолепная погода. Я прекрасно себя чувствую и ужасно счастлива здесь. Здесь Дина, дорогая! Завтра откроется наша большая выставка. Это фото было сделано во время Дня Бородино 26 августа на выходе из церкви. Молебен был так хорош, а в моих смиренно сложенных руках были просфоры. Целую тебя очень нежно, милая душка Ольга. Твоя любящая тетя Ольга.

ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 251. Л. 2 и об.

¹ Вторые Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений, посвященных истории дворцов и имений Ольденбургских / Под науч. ред. Н.А. Комолова. Воронеж, 2017; III Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений / Под науч. ред. Н.А. Комолова. Воронеж, 2018; IV Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений / Под науч. ред. Н.А. Комолова. Воронеж, 2019.

² Комолов Н.А. Конфетная фабрика, свеклосахарный и рафинадный заводы в имении «Рамонь» в начале XX в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 15. Воронеж, 2018. С. 35-42; Он же. Визиты Ольги и Петра Ольденбургских в Воронежскую губернию в 1910-е гг.: по материалам Государственного архива Воронежской области // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 16. Воронеж, 2018. С. 65-68.

³ ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 15.

⁴ Медсестра из общины Красного Креста, присутствовала на бракосочетании Ольги Александровны и Н.А. Куликовского в ноябре 1916 г.

⁵ В начале Первой мировой войны Ольга Александровна работала сестрой милосердия в госпиталях Ровно, Львова, а также Киева, где она на свои средства оборудовала главный госпиталь.

⁶ Жильяр Пьер (*Gilliard Pierre*; в России – Петр Андреевич, 1879-1962), родом из Швейцарии. В 1905 г. получил предложение учить французскому языку детей Николая II. С 1913 г. являлся наставником наследника цесаревича Алексея. В 1921 г. опубликовал книгу «Тринадцать лет при русском дворе: Трагическая судьба Николая II и его семьи».

⁷ В Ровно Ольга Александровна прибыла 8 августа 1914 г. (ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 251. Л. 3).

⁸ Мой любимый крошка.

⁹ Вероятно, собаки.

¹⁰ Великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960), старшая сестра Ольги Александровны.

¹¹ Императрица Александра Федоровна (1872–1918), мать цесаревича Алексея.

¹² Имеется в виду загородная императорская резиденция Царское Село.

¹³ Перечислены сестры Ольги Николаевны: великие княжны Татьяна, Мария и двухлетняя Анастасия.

¹⁴ Речь идет о знаменитой императорской яхте Александра III и Николая II, спущенной на воду в 1890 г.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ Предыдущее письмо от 28 июля 1910 г. было написано Ольгой Александровной в Петергофе, следовательно, в июле она на некоторое время выезжала из Ольгино. Она, среди прочего, писала о том, как увидела себя в документальной хронике: «Вечером все пошли посмотреть синемаатограф, и я видела себя в городе Ельце – зимой, когда ездила с дадей Мишей (великим князем Михаилом Николаевичем. – Н.К.)...» (ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 91. Л. 6).

¹⁷ Возможно, речь идет о Сергее Сергеевиче Бехтееве (1879–1954), поэте, офицере Ее Императорского Величества Кавалергардского полка, одна из сестер которого состояла фрейлиной двора.

¹⁸ Катание на роликовых коньках.

¹⁹ Франклин Элизабет (*Elizabet Franklin*) («Нана») (1834–1913) – няня Ольги Александровны. После ее замужества осталась жить в Гатчинском дворце.

²⁰ Вероятно, имеется в виду Ирина Александровна (1895–1970) – дочь великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича (Сандро).

²¹ Великая княжна Татьяна Николаевна.

²² На фирменной открытке Рамонской конфетной фабрики стоит почтовый штемпель с пометой места отправления «Рамонь».

²³ Принц Петр Александрович Ольденбургский (1868–1924), первый муж великой княгини Ольги Александровны.

²⁴ Цесаревича Алексея Николаевича.

²⁵ Я люблю тебя.

Документы о коррупции на Краснянском спиртзаводе в 1943 г.

В.Ю. Рылов,
к. и. н., доцент Воронежского
государственного университета

Тотальная коррупция, воровство, хищения были неременным спутником распределительной социалистической экономики в силу объективных обстоятельств. Еще В.И. Ленин в 1918 г., когда не прошло и года после установления власти большевиков, был сторонником драконовских мер для борьбы со взяточниками, расхитителями и т.д. Например, в мае 1918 г. он писал: «Необходимо *тотчас*, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. **и т.п.**) должны быть **не ниже** десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»¹. Жесткие, даже жестокие меры были и в сталинские времена и позднее. Но все усилия советской власти по борьбе с коррупцией оказывались тщетными.

Причины этого крылись в самом характере советской социально-экономической системы, основанной на распределении, при существующем тотальном дефиците и низком уровне жизни.

Вот как эту проблему описывал И.Л. Солоневич: «Советская власть платить вообще не любит. Индивидуально ценный и во многих случаях практически трудно заменимый спец как-то пропитывается и не голодает, не воруя. Актив может не голодать только за счет воровства.

Он и подворовывает, конечно, в нищенских советских масштабах, так на фунт мяса и на бутылку водки, по такой примерно схеме:

Ванька сидит председателем колхоза, Степка в милиции, Петька, скажем, в Госспирте. Ванька раскулачит мужицкую свинью и передаст ее милиции. Выходит как будто и легально: не себе же ее взял. Ми-

лицейский Степка эту свинью зарежет, часть отдаст на какие-нибудь мясозаготовки, чтобы потом, в случае какого-нибудь подсиживания, легче было отписаться, часть в воздаяние услуги даст тому же Ваньке, часть в чайнии дальнейших услуг препроводит Петьке. Петька снабдит всю компанию водкой. Водка же будет извлечена из акта, в котором будет сказано, что на подводе Марксо-Ленинско-Сталинского колхоза означенная водка была перевозима со склада в магазин, причем в силу низкого качества оси, изготовленной Россельмашем, подвода опрокинулась, и водка – поминай, как звали. Акт будет подписан председателем колхоза, старшим милицейским и заведующим Марксо-Ленинско-Сталинским отделением Госспирта. Пойди потом, разберись.

Да и разбираться-то никто не будет. Местное население будет молчать, воды в рот набравши. Ибо, ежели кто-нибудь донесет на Петьку в ГПУ, то в этом ГПУ у Петьки может быть свой товарищ или, как в этом случае говорят, «корешок». Петьку-то, может, и вышлют в концлагерь, но зато и оставшиеся «корешки», и те, кто прибудет на Петькино место, постараются с возможным автором разоблачения расправиться так, чтобы уж окончательно никому повадно не было портить очередную активистскую выпивку.

Этакое воровство в той части, какая идет на активистский пропой души, большого народнохозяйственного значения не имеет даже и в масштабах советской нищеты. Бывает значительно хуже, когда для сокрытия воровства или для получения возможности сорвать уничтожаются ценности, далеко превосходящие потребительские аппетиты актива. В моей кооперативной деятельности – была и такая – мне раз пришлось обследовать склад в 8.000 пудов копченого мяса, которое сгноили в целях сокрытия концов в воду².

Собственно говоря, в нижепубликуемых документах описана история, почти в деталях совпадающая с приведенным отрывком из книги Солоневича. Суть ее сводится к тому, что один из молодых работников Краснянского спиртзавода оказался правдоискателем и способствовал разоблачению коррупции и хищений на спиртзаводе. Он написал две жалобы в Воронежский обком ВКП(б), в фонде которого они и отложились.

Как известно, большевистская партия являлась «руководящей и направляющей силой советского общества», т.е. парторганы занимались фактическим управлением, а обком был своего рода апелляционной

инстанцией, разбиравшей конфликты между различными организациями и даже отдельными людьми, включая вмешательства в личную, а иногда и интимную сферу.

Краснянский спиртзавод был открыт в селе Красное Новохоперского уезда Воронежской губернии в 1870 г. В 1918 г. он был национализирован. На указанное в документах время находился под управлением Воронежского союзного спиртового треста, подчинявшегося Главному управлению спиртовой промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР.

К сожалению, мне не удалось установить, какое решение было принято. Проработка фонда Воронежского союзного спиртового треста в Государственном архиве Воронежской области (Р-2681) не дала результата.

Неясные места отнесены в примечания. Публикуемые документы выявлены мной в 2015 г. в фонде Обкома ВКП(б), находящемся на постоянном хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области. В тексте документа частично сохранены орфография и пунктуация.

Обращения К.М. Киреева в Воронежский Обком ВКП(б) о злоупотреблениях на Краснянском спиртзаводе. № 1.

Секретарю Воронежского обкома ВКП(б)/ тов. Тищенко
от члена ВКП(б)/ Киреева Матвея Петровича

В декабре 1941 года я окончил институт. По день эвакуации, июль 1942 г., работал директором учкомбината³ Главспирта. В связи с занятием г. Воронежа немецкими оккупантами, я вместе с семьей эвакуировался из гор. Воронежа в Новохоперский район на Краснянский спиртзавод.

С 9/VII-42 г. меня назначили зав. лабораторией завода. Опыта в работе не имел, и руководство треста отсутствовало над лабораторией и видимо слабо над всем заводом.

Руководство завода, пользуясь этим, стало на неправильный путь в своей работе даже очень вредный, связанный с большими убытками государству, тем самым не укрепляло, а ослабляло тыл.

Именно: систематически занижали крахмал в зерне и продолжительное время. Это значит, воровали хлеб у государства.

В результате этого накопились большие излишки спирта и зерна, это можно подтвердить следующими фактами:

1. Сожжено больше 100 тонн дефективной ржи с крахмалом 27,82%, а списано как сырье, это значит, завод оприходовал около 2000 дкл. спирта, который видимо уже был в подвале. Это значит из 100 тонн можно было получить спирта 1800 дкл., да неоприходованные 2000 дкл., следовательно, убыток государству в переводе цены водки составляет 9,5 миллиона. Справка кладовщика от 21/XI -42 г.

2. В результате занижения крахмала в 1-й декаде ноября 1942 г. получено 2250 дкл. лишнего спирта. Куда [спирт] делся не знаю, однако мне было дано распоряжение не считать отчет за эту декаду, а посчитать сразу за 2-ю. Это убыток на 5,6 млн. рубл. Черновой отчет, составленный Фоменко, которая эти безобразия покрывает и сейчас, ее оставили вместо меня.

3. Обменен овес на рожь. Рожь переработана, а по отчетам списан овес, это значит 2 дкл. с каждой тонны крахмала уворовано, следовательно, убыток составил 50 тыс. рубл. Это подтверждено актом 1-й комиссии, который в НКГБ⁴.

4. Излишки зерна скармливались скоту, грубо ориентировочно скормлено сырья 1500 тонн, из них пшеница гр-ном Васильченко была на рушке порублена и в виде сечки давали свиньям, телятам и лошадям. Это убыток государству до 9 млн. руб. Для скармливания выписывались внутризаводские ордера, которые передавались исключительно Мосалову, сейчас сидит в тюрьме, куда девал их – неизвестно.

5. От сдатчиков-колхозников принималось зерно, которое доводилось до кондиции и, следовательно, крахмал занижался примерно до 5%. Если считать принятым 700 тонн с крахмалом в 40%, то убыток составит 2,1 млн. рубл. и т.д.

Куда девался спирт:

1. Шел он главным образом на покрытие плохой работы завода. Так, за январь 1943 г. его взято 2062,74 дкл., за октябрь, ноябрь и декабрь

1942 г. его взято 7872 дкл. и на траты по ректификации. Это делалось для того, чтобы показать нашим властям, что руководят заводом «хорошие» люди и в результате этого обмана Наркоматом была выдана премия в 40 тыс. рубл., а в самом деле стахановских методов работы не было в 1942 году. Справки на имя уполномоч. обкома Куприянова от пред. завкома⁵.

2. Массовое хищение спирта от аппаратов доходило до организованной кражи так: мне кажется, в ноябре в 3 часа ночи было отобрано до 15 фляжек емкостью до 3-х литров. Фляжки были собраны для их заполнения у рабочих. Я передал их секретарю п/бюро⁶ тов. Скорикову С.Я. и доложил гл. инженеру тов. Мазурову, но мер не принято.

3. Кладовщик Жариков из подвала получал бутылками спирт и по частным запискам Анисимова выдавался всем тем, кому Анисимов пожелает.

4. Как заявил мне работник Новохоперского РК ВКП/б/ тов. Антипов, что Мосалов А.И. купил у школьной работницы Чеховой тулуп за 43 тыс. рубл., у эвакуированной пальто за 17 тыс. рубл., в селе Троицкое колхозник за спирт и сивушное масло свалил ему 6 пар валенок. Кладовщик Жариков купил дом и с месяц держал портниху. Теплотехник Марчуков купил корову за 40 л. спирта и держал ее в с. Жихаревка Полянского района у своей тещи, которая продавала там же спирт, – это заявила мать комсомольца Бочкова, зав. мастерских Машков за 5 тыс. рубл. купил велосипед и т.д.⁷

Вдохновителем всех этих безобразий был директор завода, член ВКП/б/ Анисимов, а ему помогали, непосредственно проводили эти дела гл. инженер Мазуров, зав. сырьем Масалов, химик Фоменко, кладовщик Жариков, вся эта группа беспартийные. Они, чтобы скрыть следы преступления, оформляют разными актами так: написали акт на 2,5 – 3 месяца позже о том, что якобы 100 тонн сожжено, взамен ранее взятого зерна из угольной площадки. Об этом знают работники НКГБ.

2. Составлены отчеты и акты Фоменко по заданию Анисимова и Мазурова для предъявления в трест с целью подготовить материал для моего снятия с работы, и это им удалось сделать.

3. Они похитили производственный журнал из лаборатории, они пожгли амбарные книги.

4. Анисимов мало того, что безобразничал на своем заводе, он дал указание через Фоменко снизить % крахмала по Ильменьскому заводу. Этим они подтолкнули руководство Ильменьского завода на воровство государственного хлеба.

5. Они опорочили ряд честных коммунистов: так, Божко выгнали с завода за то, что он на собрании сказал, что Масалову мешками возят хлеб на квартиру, Ткачева С.Я., Лыкова сочли дураками, Скорикова С.Я. подсадили и осудили старуху Киринососу за какое-то якобы наказание, посылали [ее] работать на угольное поле, Медведеву Д.Н. публично оскорбляли, выгоняли, Бочкова, Семенцова сочли жуликами, когда дело началось, то Анисимов и Масалов уволили всех комсомольцев и коммунистов из сырьевого цеха, даже мне, как секретарю п/бюро запрещено ходить в цех ректификации и т.д. Скорикова сняли с пред. ФЗК⁸ за справку мне. Инженер Романенко уже не работает 3-4 месяца за то, что на них показала, она имеет 2-х детей и муж ее в РККА.

Дело уже ведется 8 месяцев, конца не видно, Масалов сидит, следствие не закончено. Я как честный гр-н давал об этих безобразиях сигналы в НКГБ, через тов. Правильникова, Коваленко, Савченко и др. Все это стало известно директору Анисимову, он сумел обмануть всех, начиная от отдельных работников пищевого отдела обкома ВКП/б/, отдельных работников райкома, которые во время проверки письма на Ваше имя от инженера Романенко подошли необъективно и хуже того, Куприянов даже моей справки не показал на бюро райкома и даже не подтвержденную зав. ЦХЛ⁹ треста Веровой, не передал в НКГБ вместе со всем материалом, кажется, и сейчас.

В результате меня, даже и сейчас я не понимаю по каким причинам, сняли с секретарей п/бюро, сняли с работы и вот скоро месяц хожу без дела по гор. Воронежу, а семья в с. Красном, которой Анисимов предложил освободить квартиру.

Для подробного объяснения прошу вызвать меня.

Временно нахожусь в гор. Воронеже, в Спиртотресте.

Чл. ВКП/б/ подпись /КИРЕЕВ/ 25/VII-43 г.

ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4644. Л. 409-410.

№ 2.

Секретарю Воронежского обкома ВКП/б/
тов. Тищенко
от чл. ВКП/б/ инженера Киреева М.П.

В дополнение к моему письму от 25/VII-43 г. сообщаю следующее:

И. Анисимов, Мазуров и Мосалов систематически обманывают государство и путают материалы следствия, а именно:

а/ неправильно получена 3-я Всесоюзная премия в 40 тыс. руб.;

б/ составлен акт 3-4 месяца спустя о том, что якобы взамен сожженных 103 тонн ржи, взято из топливного склада такое же количество;

в/ с целью уменьшить количество излишек спирта в подвале они в акте от августа 1942 г. по следствию Туранского поставили до 60% сухих веществ в несливаемом остатке спирта, что неправильно, т.к. в дровах 70% сухих веществ, а в торфе еще меньше¹⁰;

г/ часть хранившихся проб в складе была выброшена, а посуда использована для пива;

д/ объяснения Мазурова к моей справке не соответствует действительности потому, что доброкачественность затора влияет на отброды так, если доброкачественность низкая, то отброды высокие, но ни сколько не влияет на нач. баллинг. Баллинг есть общая сумма сухих веществ в заторе /сбраживаемые несбраживаемые/, а доброкачественность – это число, которое показывает, сколько частей сбраживаемых веществ /мальтозы+декстрины/ приходится на 100 весовых частей сухих веществ, растворенных в фильтрате затора. Фукс: част. II «Руководство по производству спирта»¹¹ стр. 111 и 112;

е/ показатели в производственно-технических отчетах разные, так в НКГБ, в делах завода, 1-й и 2-й комиссии и видимо в тресте;

ж/ сожжены амбарные книги, похищен лабораторный журнал и т.д.

II. Мной, как секретарем п/бюро принимались следующие меры:

1. Систематически ставил в известность устно и письменно раб. НКГБ через тов. Правильникова, Коваленко и Савченко. Даже писал Прошакову и Янову.

2. Несколько раз информировал инструктора РК ВКП/б/ тов. Дюкова и др.

3. Ставил на бюро парторганизации завода вопрос об отношениях членов ВКП/б/.

4. Четыре раза просился выехать в гор. Воронеж и даже было две телеграммы с вызовом, но Анисимов не пустил меня, пока не выгнали и т.д.

III. Кроме этого, о всех безобразиях подавались сигналы со стороны инженера Романенко, химика Соколовской, кладовщика Пашковского, чл. ВКП/б/ весовщика Медведевой Д.П., химика Меркульцевой, она же счетовод сырьевого отдела, весовщика Колесникова, рабочего, инвалида Отечественной войны Бугаева и др.

IV. Снятие меня с секретарей п/бюро произошло так: Основным обвинением было то, что будто бы я не сигнализировал РК ВКП/б/, а только НКГБ и в выступлении некоторых проскальзывала мысль, будто я занялся клеветой и подсиживанием, «конечно», все ясно представляли, что за все эти преступные дела сидит Мосалов А.И. и что следствие ведется с ноября 1942 г. и еще не закончено.

Подробнее: директор Анисимов на своей машине с весны и до июля месяца ездил в Воронежский обком ВКП/б/, Москву, Борисоглебск. К нему так же приезжали в завод секретарь обкома Скорынин, секретарь РК ВКП/б/ Баевский и работники треста.

26/VI- 43 г. в гор. Воронеже было совещание на которое вызывался и я, но меня не пустили. В Воронеже был секретарь РК ВКП/б/ тов. Баевский, из Воронежа приехал вместе с директором инструктор обкома тов. Куприянов примерно 1/VII-42 г., 2-го июля из РК ВКП/б/ директор на своей машине привез Дюкова И.И. и начали производить проверку. Ход проверки сразу показал необъективность в этом вопросе, так, например, с чл. ВКП/б/ тов. Скориковым, Медведевой и др. не беседовали, видимо заранее знали, что их показания будут не в интересах директора, опросы проводились с угрозами на тех лиц, которые показывали действительное положение, например: это было и со мной и с Пашковским и с Романенко.

Ряд документов они считали «филькиной грамотой» и это было главным образом со стороны представителя РК ВКП/б/ Дюкова И.И., таким документом является производственно-технический отчет за ноябрь месяц 1942 г., а актом, который действительно фиктивный, они старались смазать все, притом все почти время находились в ка-

бинете директора и даже директору представлялась возможность заходить и присутствовать в любое время в комнате, где проводилась проверка.

На бюро РК ВКП/б/ Куприянов изложил, что по заводу все хорошо.

Все это дает [неразб.] предположить, что так сделать со мной уже была договоренность в г. Воронеже, т.к. директор 1/ВП-43 г. привез приказ из треста от 30/VI-43 г. о моем снятии и держал его в кармане пока состоялось решение РК ВКП/б/ от 7/VII-43 г.

V. Себя я считаю виновным в том, что об этих безобразиях я не сигнализировал в обком и РК ВКП/б/ в письменном виде. Причина этому та, что я понадеялся на работников НКГБ, кроме этого я не вполне ясно представлял всех задач по контролю над производством и в частности над сырьевой лабораторией, это объясняется моей неопытностью в работе, я до начала дела работал всего лишь один месяц производства, после окончания института работал за 3-х: зав. лабораторией, ректификатором, сменным технологом, с 12/I-43 г. секретарем п/бюро.

Прошу создать комиссию из представителей НКГБ, обкома и треста. И я помогу разобраться.

Считаю целесообразным послать от НКГБ – Ельчинова, от обкома – Иванова С.З. и от треста – гл. инженера.

13/ VIII-43 г. ч. ВКП/б/ подпись /КИРЕЕВ

ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4644. Л. 418-418 об.

¹ Ленин В.И. Д.И. Курскому // ПСС. Т. 50. С. 70.

² Там же. С. 62.

³ Учебный комбинат.

⁴ Народный комиссариат госбезопасности. Управление госбезопасности было выделено в очередной раз из НКВД, и на его базе был создан отдельный наркомат.

⁵ Председатель заводского комитета, т.е. руководитель профсоюзной организации.

⁶ Секретарь партбюро – т.е. руководитель парторганизации.

⁷ Интересно отметить, что минимальная цена литра водки составляла 21 руб. Зарплата директора треста, директора завода составляла 1100-1200 руб., зав. ЦХЛ получал 800 в месяц, зам. зав. ЦХЛ 550, химик-инструктор 900, инструктор-микробиолог

и химик-аналитик по 450, лаборант-корреспондент 300, а технический рабочий всего 115 руб. (ГАВО. 2681. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.).

⁸ Фабрично-заводской комитет (фабзавком), т.е. профсоюз.

⁹ Центральная химическая лаборатория Воронежского спиротреста.

¹⁰ Известно, что Ленин настаивал на производстве спирта из торфа: «Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно (это уже доказано) и должно делать из торфа. Надо это производство спирта развить» (Записка Н.П. Гобунову и письмо А.С. Киселеву // ПСС. Т. 53. С. 184.); «выяснилось, что вопрос о производстве спирта из торфа окончательно не решен», «нельзя еще говорить о массовом производстве спирта из торфа», принять «все меры к тому, чтобы всячески ускорить пуск в ход опытного завода для производства спирта из торфа», «Что касается предложения ... о том, чтобы крестьянам платить за картофель спиртом, я возражаю категорически» (А.С. Киселеву // ПСС. Т. 53. С. 242.). Однако массовое производство винного спирта из торфа началось в 1930-х гг.

¹¹ Фукс А.А. Руководство по производству спирта. Ч. 1-2. (Допущено Наркомснабом СССР как учебник для техникумов) / Проф. А.А. Фукс. – М.; Л.: Снабтехиздат, 1933-1935.

Русский художник Василий Криворучко. К 100-летию со дня рождения живописца.

*Н.В. Четкина,
главный архивист
Государственного архива
Воронежской области*

Творчество известного советского живописца, графика периода 40–90-х годов двадцатого столетия Криворучко Василия Павловича было хорошо известно любителям художественного искусства в нашей стране и за рубежом.

Родился Василий Павлович 10 августа 1919 г. на Алтае в селе Ново-Песчаное Славгородской волости Барнаульского уезда Томской губернии (в настоящее время село Новопесчаное Бурлинского района Алтайского края)¹.

С 1926 г. Василий Криворучко жил с родителями на Украине в г. Донецке, где учился в студии изобразительного искусства при Доме культуры. В 1935 г. шестнадцатилетний юноша принял участие в выставке работ художников-самоучек. В дальнейшем он решил получить художественное образование в Харьковском художественном училище, в котором учился в 1935–1939 гг.

Становление личности художника происходило в условиях военного времени², он защищал Родину от немецко-фашистских оккупантов. Участвуя в боевых операциях Красной Армии, дошел до г. Берлина. Во время войны лейтенант В.П. Криворучко сделал много зарисовок и акварелей.

В послевоенное время Василий Павлович Криворучко жил и трудился в Закарпатье. Основной в творчестве В.П. Криворучко предвоенного и послевоенного периодов являлась тема труда и социалистического строительства в стране. Художник писал портреты и пейзажи.

*Открытие выставки картин
В.П. Криворучко
в Доме архитектора
г. Воронежа. 2 октября 1983 г.*

Более сорока лет, с 1951-го по 1994 г., Василий Павлович жил и творил в нашем городе. Воронежский период творчества является самым плодотворным в жизни художника. В любимом городе живописец работал над циклами произведений: «Воронеж корабельный», «Моя Русь», «На поле Куликовом».

Вершиной творчества В.П. Криворучко стал цикл картин, посвященных Куликовской битве, шестисотлетие которой отмечалось в 1980 г. На выставке под названием «Моя Русь», посвященной этому знаменательному событию, экспонировалось около ста полотен живописца, ставших итогом его двадцатилетней работы. Среди них были представлены батальные полотна художника: «За землю русскую (Дмитрий Донской)»,

1971 г.; «Куликовская битва», 1978 г.; «За честь Отчизны» (поединок Александра Пересвета с Челубеем)», 1978-1981 гг.; «На поле Куликовом», 1979 г.; «Мамаево побоище», 1979 г. Выставка «Моя Русь» экспонировалась в Москве, во Владимире, в Туле, Смоленске, Пскове, Боровичах Новгородских, Новосибирске, Липецке, Воронеже, Краснодаре, других городах страны.

Картины живописца «Кутузов», «Багратион», «Москва. Год 1941», «Бой у областной больницы», «Воронеж освобожден» также посвящены главной теме в творчестве художника – историко-патриотической.

В серии «Москва заповедная» художник написал более ста картин, запечатлевших архитектурную старину столицы. Естественным продолжением этой серии явились полотна, запечатлевшие выдающиеся образцы древнерусской архитектуры.

Для воронежцев В.П. Криворучко создал серию портретов известных земляков – А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Н.И. Второва, В.А. Кораблинова, Н.В. Троицкого и других.

Среди лучших полотен художника критика отметила картины «Андрей Рублев», «Феофан Грек», «Дионисий».

Удачным завершением творческого пути мастера стали его картины, написанные в 1992 г.: «Святой преподобный Сергей Радонежский» и «Святой Серафим Саровский».

Всего в творческой биографии живописца более пятидесяти выставок по нашей стране и за рубежом³.

Искусствовед М.А. Хайдарова в конце 1970-х гг. охарактеризовала творчество В.П. Криворучко следующими словами: «...При всей впечатляющей силе и жизненной достоверности работ В. Криворучко его не назовешь ни документалистом, ни историком. Это скорее философ и поэт... Под стать характеру его произведений и стиль, в чем-то вобравший в себя черты старинной русской графики и живописи. Но это не стилизация под древность, а творческое использование старинных находок, обогащенное современными приемами и представлениями. Я уверена, – продолжает Хайдарова, – что работам В. Криворучко, являющимся истинным подвигом художника, суждена долгая жизнь. Они являются предметом разностороннего изучения, может быть, спора и уж, наверное, благодарного внимания людей, которым дороги и история, и современность...»⁴.

Данная публикация подготовлена в связи со 100-летием со дня рождения художника. В ней представлены три письма заслуженного работника культуры РСФСР (1981), лауреата премии Сергея Радонежского (1992), почетного гражданина Воронежа (1993) Василия Павловича Криворучко из личного фонда юбиляра, адресованные друзьям и знакомым за период с 1981-го по 1991 г. Письма раскрывают богатый духовный мир художника, правдиво и ярко характеризуют его личность.

№ 1

Письмо В.П. Криворучко другу А.Е. Абросимову⁵.

14 января 1981 г.

Если я нанес Вам оскорбление, то бога ради, извините. Я совершенно не думал, что Вы так близко к сердцу примите мои суждения. Ваше письмо говорит о том, что весь огонь Вы приняли на себя. Напрасно, дорогой мой друг, совершенно напрасно, так болезненно воспринимать,

да еще в вопросах религии. Ей-ей, я даже не подумал, что оно Вас потревожит. Это такая резина, которую будут тянуть еще не одну сотню лет в бесконечных спорах. Но...

Дорогой друг, кафтан, пошитый Вами в предыдущем письме, не для меня.

Моя любовь к Отчизне в моих картинах.

Мое неуважение к разного рода прилипалам-рвачам к добрым делам людским – в красоте моих полотен и чем более удалось мне показать красоту человеческих деяний и прошлого, и настоящего, то тем более моя непримиримость к нечисти. Слава богу, я еще не утерял способность видеть, где чисто, а где грязно.

Сергий Радонежский за свою жизнь сделал много доброго, государственно-необходимого, великого, и я не мыслю Русь второй половины XIV века без его имени. Также не могу представить деяния в ранние годы своего княжения Дмитрия Ивановича – Великого князя Московского без митрополита Алексея.

Что было бы с Русью и Европой, если бы победил Мамай, а не Дмитрий?

Победа на Куликовом поле без Сергия Радонежского не мыслима! Шесть веков имя Сергия не забыто! И каждый раз, когда упоминалась история становления Московского государства, упоминалось и это достойное имя – имя великого сподвижника Великого князя Московского Дмитрия Иван.[овича]. И ни один историк не забывал в своих трудах сказать об этом человеке доброе слово. Я присутствовал на конференции ученых – историков, археологов, литературоведов в честь 600-летия Куликовской битвы в г. Туле – 4 - 5 – 6 сентября 1980 года и у многих в их докладах слышал имя Сергия Радонежского. А Вы его считаете непонятным пророком. Прошу Вас не сваливайте в одну кучу преподобного Сергия с разного рода «протодиаконами» и фанатиками узкоголовыми из «Крестного хода», известной Вам картины. Это имя святое для России, как и сама Россия.

Что же касается богодельцов, обжор и подобной нечисти, то их всегда в избытке во все века жизни человеческой, населяющую нашу землю при разных формациях и разных идеологиях. Их и сегодня так много, что за ними не видно прекрасных идеалов будущего.

Пожалуйста, не трогайте Нестерова – это гордость русского изобразительного искусства.

Относительно историков прошлого века, имена которых Вы упоминаете, то вряд ли они знали больше нашего о значении победы на Поле Куликовом для жизни Русского государства и тем более молодого, юного, возникавшего на обломках разделенных удельных русских княжеств многострадальной Руси XIV века. И вот тут-то Русская православная церковь, как и в другие века, когда над Родиной нависала угроза порабощения от врагов и даже в наше время, в период Великой Отечественной войны, играла не последнюю роль в деле защиты Родины от поработителей. Этому примеров не счесть.

Теперь об этом месте из Вашего письма: «... Но удивительно, когда крупный современный художник, – если это обо мне, то я не крупный, – вдруг начинает писать стилизованные иконы-картины (?), оправдывая и доказывая (?) их необходимость как поиск истины и желание вернуть народу им непонятных пророков». Это Ваше слово. Но, что это? Не могли бы Вы, милостивый государь, объяснить. Что это такое? Вы разве видели мои картины – мою серию работ, посвященную Куликовской битве? Вы же ее не видели. Как же Вы смее по обезображенным репродукциям судить об их достоинстве? Это не добро!

Это знаете не совсем тово. Извините, но это пахнет окриком с столетом в кармане и, тем более, что дальше Вы говорите, чтобы я, делая ту или другую вещь, спрашивал, что и как делать. Да найдете ли Вы пример в истории настоящего искусства художника любого жанра, чтобы он спрашивал (и кого?), что и как ему делать? Да Вы понимаете, о чем Вы говорите? Это же бесчеловечно, не демократично, антигуманно, это же дико! Кто более глубоко может постичь истину, как не сам его создатель, творец? Только рабы делали то, что приказывал господин. Художник питает народ, дает ему пищу эстетического познания мира своим произведением, своим творчеством и ни Пушкин или Толстой, Бетховен или Чайковский, Рафаэль или Рублев не спрашивали своих повелителей, как и что им писать. Они для фиксации окончательного решения своей идеи в художественном образе слушали только голос своего сердца и разума. Художник – законодатель своего произведения и художник имеет право, как сын своего народа, показать своему народу свой труд. А Вы хотите диктовать. Вы пропагандист атеизма, ну и доказывайте, что бога нет, но зачем же так бесчеловечно заглядывать в палитру художника. Это Вы, батенька, перехватили.

Что нужно моему народу, мне, как художнику, лучше знать, чем Вам, и выбирать героев буду сам без чьей-либо помощи, и если я выбрал – значит, они истинные герои.

Не думал я, что Вы, этак по-комиссарски, будете похлопывать меня по плечу, поучая и упрекая в неправильных взглядах на историю нашей Родины – моей Отчизны. Вы, видимо, забыли, что я Ваш друг, и еще художник, уж какой никакой, а это совсем другое – это призвание ничего не имеет общего с приятельскими отношениями. Я всегда уважал Ваш труд и в отношении Потемкина⁶ совершенно с Вами согласен, но извините, я не позволял себе вторгаться в Ваше творчество и диктовать Вам, что писать, а о чем не писать.

Простить Вам резкий тон письма вашего? Как Вам угодно.

Добра Вам и радости в Новом году. Хорошего здоровья.

Подпись В. Криворучко.

14 января 1981 г.

ГАВО. Ф. Р-3247. Оп. 1. Д. 137. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.

№ 2

Письмо В.П. Криворучко М.А. Грибанову⁷.

[лето 1984 г.]

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич!

Вы, наверное, сейчас в отпуске и, видимо, где-нибудь на голубых волнах Черного моря оmyваете истерзанное хлопотами свое тело. Каждое море с его соленой водой восстанавливает силы человека, если каждый день погружаться в его прохладу и утром, и в середине дня, и вечером. Считаешь приморские камешки или песчинки и потом в воду. Прелесть!

А вот я уже, который год избрал другой край, который, как когда-то море, согревает мне и тело и душу. В четвертый раз в этом году и пять лет подряд я на донских просторах, вернее придонских просторах на Битюге⁸.

В 138 км. от Воронежа в 30 км. от г. Павловска и села Лосево есть хутор Антиповка. Так вот в этом хуторе есть деревянный домик из 3-х комнат с двумя сараями и добрым двором, где я и оби-

таю в одиночестве. Ксения Ник.[олаевна]⁹ в Воронеже с двойняшкой внука и внучки (им по 3 месяца). А я один в этом крае. А край этот, вернее, уголок этот так прекрасен, что нет слов, чтобы выразить восторг красоты, которая, как дар божий, окружает ежедневно меня. Здесь почти нет людей (на краю хутора в отдалении от хуторских домов), здесь тишина. Лишь шелест листьев деревьев нарушает тишину, да изредка в вечном движении воробей-разбойник пролетит один или стайкой или всегда визгливая крикунья сорока прохлопочет крыльями, а иногда шумной ватагой как черная тучка-летучка пролетят скворцы. Лес да сады, да выветренные лысины многовековыми ветрами меловых круч, да огромное синее небо с бегущими одинокими облачками и вдали в 50 метрах блестит Битюг, отражая в своей свежей воде небо и вербы. И все это во дворе. Дом стоит на возвышении, утопая в садовых деревьях. А внизу, прямо подо мной, склонились яблони под тяжестью своих плодов, сливы, вишня и сочная огромная как сладкий шар груша – она еще не созрела, но в этом году будет радовать своим ароматом. А рядом внизу молодой картофель, лук, огурец – уже дал свои плоды (вчера открыт счет урожая), молодой картофель (со сливочным маслом или подсолнечной деревенской олией – прелесть!).

Вот здесь, среди этой прелести пишу я Москву, Кремль Московский и радуюсь я этой сказке природы и рук человеческих.

Мне кажется, что архитектуру Москвы, Моск.[овского] Кремля можно сравнить, не боясь, с той красотой природы, которая меня окружает и пожалуй, что и то и другое божественное создание нерукотворных сил природы. Да, мир прекрасен! А вот как его подашь на холсте картоне? В ноябре м-[еся]це 1985 года, в годовщину 500-летия Кремля я делаю выставку на Разина 12, в выставочном зале Центр.[ального] Сов.[ета] общ.[ества] охр.[аны] памятников¹⁰ в его дирекции пропаганды и агитации. Вот и стараюсь. Уже сделал около 40 живописных картонов о Москве в разные времена года и в течение 2-х лет я пишу, рисую нашу столицу и радуюсь. «Моя Москва» – так будет называться выставка, посв.[ященная] 500-летию Моск.[овского] Кремля. На выставке будут представлены не только 50-60 городских пейзажей более чем 800-летней Москвы, но и ее исторические люди. Здесь будут Андрей Рублев и Феофан Грек, Дионисий, Сергей Радонежский, Иван III-й, Иван Грозный, Дмитрий Донской, Петр I и Ленин, целые архитектурные

ансамбли. Уж и не знаю, что получится – стараюсь, еще есть полтора года впереди. Пробную выставку сделаю в Воронеже в начале 1985 г.

Приезжайте в тиши безмолвия отдохнуть с удочкой в руках на лодке на тихих пресных волнах (в миниатюре) Битюга. Скоро помидоры свежие, да молодой картофель, да молоко Лыски помогут Вам обрести силы. Поклон Вам от Ксении Ник.[олаевны].

Ваш покорный слуга. *Подпись В. Криворучко.*

ГАВО. Ф. Р-3247. Оп. 1. Д. 137. Л. 31, 31 об., 32, 32 об.

№ 3

Из письма В.П. Криворучко другу детства П.И. Билану¹¹.

13 апреля 1991 г.

Христос Воскресе!

Ну, наконец-то, дождался!

Дождался от тебя, Петро, мой единственный друг детства. Ты так упорно молчал, что я мог бы подумать что-нибудь нежелательное.

Нельзя молчать, когда вызывает человек, а тем более, если он был когда-то другом-братом. И не я звал тебя, а мой дух того великого чувства, который зародился в человеке в раннем возрасте, почти детстве, который навсегда остается, как великая память начала жизненного пути, того пути, по которому я топаю вот уже 72 годочка. Черт возьми, а ведь это уже многовато.

Да, много, а сделать надо еще больше. Ведь на старости лет всегда человеку кажется, что он чего-то не доделал, чего-то не сделал из того, что заложено в его глубоком сознании, ведомом только ему одному и даже не вслух, а там, где-то поразительно, в тайниках души и ведомо только одному Богу, в которого веришь и поклоняешься этому сознанию, надеешься и ждешь, потому что веришь и любишь. А Она – ЭТА Живопись, как желанная женщина. И чем больше ее любишь, тем больше она становится загадочнее в своих добрых порывах красивого чувства, да-да, именно чувства – чувства великой красоты, чувства изящества, чувства твоей Правды, твоего желания, твоего я, выраженная твоим самым великим желанием. Живопись это – вкусный обед и чем аппетитнее его ешь, тем вкуснее он становится. Живопись так же бесконечна, как бесконечна Любовь, как бесконечны твои чувства.

...меня из Воронежа подвезли друзья-знакомые по пути в г. Богучар, что на Дону. А Лосево¹² – это в 140 км. от Воронежа стоит на реке Битюг (по-тюркски, значит изобилие, богатство) и от этого села в 6 км. есть хутор Антиповка, утопающий в садах на реке Битюг, где мы с семьей изредка проводим свой летний досуг, поглощая красоту природы, как сказал когда-то великий И. Бунин: «Ты раскрой мне, природа, объятия, чтоб я слился с природой твоей¹³!».

Правда, сейчас не та природа, что была 100 лет назад. Теперь ваш Чернобыль и еще таких Чернобылей не счесть, что изуродовали природу и довели ее до гибели. Но есть еще уголки, где можно встретить кусочек чистого воздуха...

... 20 часов ³⁰ минут. Уже темно. Я вышел из автобуса, а темь хоть глаз коли, а впереди шесть км. Попрощавшись и поблагодарив своих спутников, я с рюкзаком, этюдником двинулся в кромешную темь.

Это было 12 апреля 1991 г. Ни луны, ни фонаря. Топать селом до моста через р. Битюг 2 км. а потом... Ох, что за радость меня ждала. Черная безлунная ночь, да яркие звезды были моими спутниками в эту весеннюю ночь. Темь и темь и ни звуков, только изредка из окон светились огоньки. Медленно, но упорно шагал по изрытой черной дороге, нащупывая твердь земли. Прошел километра четыре, из которых два по ужасно изрытой дороге вдоль меловых круч с водой, глубокими колеями, полных меловой белой жижи.

Черная ночь, только маленькие мелодии музыки на душе, да стремление необходимости идти, двигали через колдобины российского бездорожья, разбитого машинами, которым, как и мне, всегда нелегко. Черная непроглядная ночь, фонарем не пользуюсь, дабы меня никто не видел – ни звери, ни птицы. Ночью я никому не интересен.

Вот и хутор Чугуновка. Здесь все украинцы. Это поселенцы после Петровских реформ, заселения вольных земель. Когда миновал Чугуновку, впереди еще 2 км. до мельницы-ветряка.

...Устал. Тут я вспомнил войну с ее бездорожьем в бесконечном отступлении драп-марша от Бессарабии до Кавказских гор. Устал, потому что не было места, куда бы я мог уверенно поставить ногу. Так мы всю жизнь устаем от бездорожья, бессмыслицы, созданной нашей великой партией «ума, чести, совести» народа. Это она в бесконечной «заботе» о советском человеке довела Россию и ее народы до умопомрачительного бездорожья в голоде, холоде, к безверию, к бессмыслице, абсурду нашего бытия в стране Советов.

Шел по полевой черной дороге, с черным небом и сверкающими холодными звездами, думая, вспоминая завтрашний черный тупик нашей «светлой жизни» в будущем. Кошмар! Но я иду. Впереди мой дом и уютный уголок. А впереди, наконец-то, как тайное приведение показался МЛИН¹⁴...

Это тот самый МЛИН, возле которого я сейчас пройду, остановлюсь и как самому доброму путеводителю поклонюсь и помолюсь за избавление невзгод в пройденных шести км. в абсолютной темноте весенней ночи. Эта мельница уже без крыльев. Обломали ей крылья и вырвали сердце, то самое сердце, которое кормило людей хлебом.

Когда я прохожу мимо мельницы, у меня каждый раз возникает печальная мысль, что передо мной Россия – все равно Украина или другие республики, что это та Россия, которую мы потеряли...

... мельница сделана из дуба Шиповского леса¹⁵. Это[т] восьмигранник поставлен в 1908 году почти перед моей дачей из того дуба, которым восторгался Петр I-й и берег его как корабельный лес и размножал его. Это в 15 км. от этой мельницы... Теперь этот дуб беспощадно вырубается для заграницы, для нас ни щепки. А зачем? У нас слово дуб нарицательное имя слова, которое употребляется каждый раз, когда мы желаем уйти от той страшной жизни, которую мы обрели, забыв свою историю. Чтобы владеть будущим, надо знать прошлое, а мы это прошлое утерjali, у нас его украли в 17-м и обрели то, от чего уходим добровольно с выражением (уже невтерпех!) ДАТЬ ДУБА с самого раннего детства до седины, до белой бороды.

А я все иду черной дорогой. Но вот и показался под ногами поворот направо к поблескившему разливу Битюга. Спускаюсь с холмов прибитюжья в крошечной мгле, падая, спотыкаясь. Потом неосторожно летел в овраг, но ноги целы. Поднимался и наконец увидел огоньки в домах. Еще в одном домике человек не спал. Вступив на улицу, а она одна у нас вдоль берега, я подошел к своей фазенде. Домик стоит. Нашупав в рюкзаке ключи, открыл один замок, потом второй и я дома. Да, это конец почти 3-х часовому ходу по проволоке, натянутой в темноте. Ввернул пробку электросчетчика и о Радость! Свет. Свет – это жизнь... Было 23 часа 30 минут. Это почти 4 часа в дороге. Раздевшись, я свалился в холодную постель и тут же уснул мертвецким сном праведника, выполнившего долг задуманной программы. На утро сельхозработы – единственное, что отвлекает от современного абсурда. Кто не знает ЗЕМЛИ, ее весеннего аромата, ее нежности, тот не полной жизнью живет. Земля,

как любовница, жена, мать, ее надо любить, лелеять, тогда и она отдает тебе все свое богатство – так сказал великий Болотов лет 200 как (Болотов Андрей Тимофеевич. 1738–1835 гг. Великий просветитель, писатель, основоположник отеч.[ественной] агрономическ[ой] науки). Земля моя кормилица. Я сплю. Як козав Т. Шевченко: «Хочу спати, спати, спати, щоб здоровим встати». До утра 13 апреля. Рано.

ГАВО. Ф. Р-3247. Оп. 1. Д. 137. Л. 21, 21 об., 22, 22 об., 23, 23 об.

¹ ГАВО. Ф.Р - 3247. Оп. 1. Д. 381. Л. 212.

² Там же. Д. 383. Л. 3 об.

³ Там же. Д. 382. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 431. Л. 1.

⁵ Абрисимов Александр Ефремович (1930–2016), советский и российский ученый-археолог, первый главный археолог Москвы (1998 по 2009 гг.), советник мэра Москвы, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный строитель города Москвы, почетный член Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Академии архитектурного наследия.

⁶ Имеется в виду Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), русский государственный деятель, создатель Черноморского военного флота, генерал-фельдмаршал. Руководил присоединением к России и первоначальным устройством Таврии и Крыма.

⁷ Грибанов Михаил Алексеевич (родился 07.12.1929 на хуторе Попасный Богучарского района Центрально-Черноземной области), государственный и общественный деятель, организатор культурного процесса, литературовед, драматург, прозаик. В 1978–1990 гг. заместитель министра культуры СССР.

⁸ Битюг – река в Тамбовской, Липецкой и Воронежской областях России, левый приток Дона.

⁹ Успенская Ксения Николаевна (1922–2019), живописец. Жена В.П. Криворучко.

¹⁰ Имеется в виду Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (сокращенно ВООПИиК) – общественная организация, которая была учреждена в РСФСР в 1965 году.

¹¹ Билан Петр Ильич (1921–1996), заслуженный художник УССР (1885 г.). Автор пейзажей, тематических картин и портретов. Произведения находятся в музеях Киева и Львова, а также во многих частных собраниях.

¹² Имеется в виду село Лосево Павловского района Воронежской области.

¹³ У И.А. Бунина в стихотворении «Шире, грудь, распахнись для принятия...» написано: «Ты раскрой мне, природа, объятия, чтоб я слился с красою твоей!».

¹⁴ Слово «млин» на украинском языке обозначает мельницу, а еще блин, приготовленный из молотой муки.

¹⁵ Шипов лес – лесной массив в Воронежской области. Расположен на правом берегу реки Осередь, у водораздела с рекой Битюг. Представляет собой дубраву, массивным зеленым «островом» раскинувшуюся среди окружающей степи.

***ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ,
МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК***

«ПЕРЕДАВАЙТЕ КАК ЭСТАФЕТУ...»

*А.П. Разинков,
заместитель руководителя
Государственного архива
общественно-политической
истории Воронежской области*

В Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области есть один любопытный документ прошлого века, в котором сотрудники Партийного архива Воронежского обкома КПСС обращаются к архивистам будущего. Вчитаемся в его строки:

Дорогие коллеги!

Архивисты 2018 года! Вы слышите нас, архивистов 1968 года?! Мы приветствуем вас, обнимаем и крепко жмем ваши руки.

*Александра Андреевна
Шехова,
заведующая партархивом
(1963-1980)*

С 1 июня 1918 года хранение, собирание и использование архивов стало делом общегосударственным.

День 1-го июня всегда был нашим праздником, в этот день мы с благодарностью вспоминали В.И. Ленина, который подписал декрет об архивном строительстве.

Сегодня, в день 50-летия, на общем празднике архивистов мы вспоминаем наши достижения, оглядываемся на пройденный путь, он был нелегким.

Все эти годы нас, работников партийного архива, связывала прочная дружба с Воронежским областным государственным архивом. Мы завещаем вам крепить эту дружбу. Всегда, при всех обстоятель-

ствах, мы оставались и останемся до конца дней своих патриотами своего любимого дела, своего родного Воронежского края, советской Родины.

Передавайте же как эстафету наши документы, пополняйте их все новыми и новыми материалами, пусть все новые и новые поколения обогащаются знанием истории нашей воронежской земли

Дальнейших достижений вам и успехов, дорогие друзья!

Коллектив партархива
Воронежского обкома КПСС

23 мая 1968 г.
г. Воронеж

ГАОПИВО. Ф. 5297. Оп. 1. Д. 185а. Л. 1.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на монографию В.Ю. Рылова
«За и против. Власть и общество в Воронежской области
в начале Второй мировой войны (1939-1941)»***

*А.В. Кукатов,
историк-краевед,
г. Брянск*

В 2018 г. издательством Воронежского государственного университета была выпущена монография Владимира Юрьевича Рылова «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941)». Исследование выполнено в форме публикации впервые вводимых в научный оборот документов из фондов Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), сопровождаемой обширными авторскими комментариями.

Публикация обращает на себя внимание по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, исследование, в котором честно и без прикрас показана жизнь в Советском Союзе в период, непосредственно предшествующий 1941 г. Во-вторых, подборка документов из конкретного административного образования (Воронежской области) позволяет в динамике и с разных сторон оценить мероприятия, на которые делался упор на местах. Таким образом, представляется возможность оценить как направленность требований центральных органов власти к региональному руководству, так и шаги на ме-

* Впервые в истории проведения конкурса «Университетская книга» работа воронежского историка В.Ю. Рылова «За и против: власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941)» (2018) получила дипломы сразу в двух номинациях: «Лучшее научное издание по политическим наукам и регионоведению» и «Эхо Великой войны».

стах, предпринимаемые местной властью для удовлетворения требований центра.

Автором использовано деление документов по их тематике и по периодизации. Первым блоком стали 23 документа, объединенные под заголовком «Завтра была война». Все документы интереснейшие и характерные, авторские комментарии помогают читателю полнее раскрыть их смысл. Представляется интересным в следующих публикациях автору остановиться дополнительно на таком обстоятельстве, как формирование в июле 1938 г. нового военно-административного образования – Орловского военного округа. Дискуссионным видится вопрос: почему центром округа был избран Орел, а не Воронеж? Ведь именно в Воронеже всегда дислоцировались самые крупные военные соединения Российской императорской армии и, кроме того, город был самым крупным на территории ОрВО.

Относительно документов о мобилизации 1939 г. (документы № 2-5) можно сказать, что публикация документов такого уровня – редкость для сегодняшнего дня. Думается, многим исследователям данные источники сослужат хорошую службу и помогут в их занятиях. Неплохо было бы сопроводить публикацию данных документов объяснением смысла мобилизации 1939 г. Дело в том, что еще в августе 1939 г. были запланированы к реализации серьезные мероприятия: развертывание дивизий-тройчаток. То есть из одной дивизии развертывались три новые на базе старых дивизионных полков. Одной из таких дивизий была 19-я Воронежская стрелковая дивизия. На базе ее 55-го, 56-го и 57-го стрелковых полков были развернуты три новые дивизии – 19-я новая (Воронеж), 120-я (Бобров) и 149-я (Острогожск). А уже после реализации данной меры, в сентябре 1939 г., последовали мероприятия в рамках БУС (Больших учебных сборов), непосредственно связанные с начавшейся Второй мировой войной. Таким образом, реализация двух сложнейших организационных мероприятий (реорганизации дивизий-тройчаток и скрытой мобилизации) наложилась друг на друга. В этой связи особенный интерес представляют документы, оценивающие качество проведения мобилизации. В частности докладная записка ОСО НКВД в Воронежский обком о состоянии 19-й Воронежской дивизии. В записке отмечены трудности с размещением личного состава, прибывшего по мобилизации, с его обеспечением транспортом, обмундированием и

питанием. Также интересный блок источников касается работы военных отделов, которые были созданы в партийных комитетах разного уровня именно в предвоенный период. Характерным документом является жалоба военного отдела Воронежского обкома на действия командования 30-го стрелкового корпуса, выразившиеся в запрете своим командирам участвовать в военной учебе партактива Воронежского обкома. Завершает данный блок публикация нескольких документов, касающихся обстоятельств проведения мобилизации мая 1941 г.

Следующий крупный блок (33 документа) касается повседневной жизни советских людей в предвоенный и начальный военный период и носит название «Эх, хорошо в стране советской жить...». Если бы нужно было подобрать одно слово для характеристики жизни населения в Советском Союзе в 1940 г., то одним из вариантов могло бы стать слово «напряжение»: драконовские, антисоциальные указы 1940 г. об опозданиях на работу, хищениях социалистической собственности и т.д. вкупе с тяжелейшим материальным положением широких слоев населения, неудовлетворительное снабжение хлебом, трудности с подвозкой дров, письма трудящихся о «нищенском социально-экономическом положении рабочих», случаи «хулиганства и грабежей» на ночных улицах Воронежа...

Блок, касающийся положения дел в здравоохранении и образовании, включает в себя 15 документов. Они помогают раскрыть ситуацию с высоким уровнем детской смертности, имевшим место в предвоенный период в Воронежской области, сложной эпидемиологической обстановкой. В части высшего образования имели место студенческие волнения, связанные с принятием и реализацией Постановления СНК об установлении платности за обучение и изменении порядка назначения стипендий. Даже в парализованном страхом Советском Союзе студенчество осталось верно своим традициям и проявило свое недовольство принятым законом, ухудшавшим его положение.

Блок, касающийся непосредственно войны, имеет название «...Весь советский народ, как один человек, за свободную Родину встанет» и имеет вводную часть, в которой опубликовано 32 документа. Обращает на себя внимание очередная докладная записка ОСО НКВД в Воронежский обком о состоянии все той же 19-й стрелковой дивизии. Таким образом, мы можем оценить состояние дивизи-

зии в динамике и тот уровень «политико-морального» состояния частей дивизии, который фиксировали работники Особого отдела. После 22 июня 1941 г. на первый план выходят вопросы мобилизационного характера. Мобилизация сопровождалась рядом сложностей, о которых не принято упоминать сегодня: «антисоветские разговоры», пьянство, сложности с обеспечением транспортом по мобилизации, «ложные слухи», уклонение от мобилизации, факты спекуляции и иные нарушения. Все это мы можем найти в опубликованных автором уникальных документах. Разгильдяйство, безалаберность ответственных лиц приводили к фактам, подобным отправке белорусских комсомольцев для обучения парашютному делу в Воронеж, где эта группа, оставшись без руководства, была предоставлена сама себе и подготовкой не занималась.

Работники НКВД тыловых областей в начальный период войны были заняты борьбой со шпионажем, дезертирством, и документы, проливающие свет на конкретные случаи, мы можем найти в монографии.

Далее автор предпочел сформировать отдельные блоки документов, характеризующие положение отдельных социальных групп.

16 документов, характеризующих поведение военнослужащих, оказавшихся связанными с Воронежской областью в начальный период войны, безусловно, являются особенной ценностью данного исследования. Антисоветские проявления в частях Воронежского гарнизона зафиксированы начальником управления НКГБ по Воронежской области в июле 1941 г. Данный источник имеет особую ценность в связи с тем, что позволяет уточнить дислокацию отдельных воинских частей Орловского военного округа на территории Воронежской области в начальный период войны. Записки начальника и заместителя начальника военного отдела Воронежского обкома партии позволяют оценить ход мобилизации и трудности, появлявшиеся в процессе данной работы.

26 документов заключительного блока исследования размещены под заголовком «Простой советский человек». Обычные документы того времени: жалобы на необоснованное понижение по службе, материалы проверок компрометирующих материалов на членов партии, перлюстрированная переписка курсантов липецких авиационных курсов – все эти источники позволяют масштабнее окунуться в ту эпоху, прочувствовать ее колорит.

Представляется, что документы о формировании 329-й стрелковой дивизии было бы уместным сопроводить информацией о вышедшей недавно книге воронежского исследователя В.Л. Шишлянникова «329-я стрелковая... Воронежцы в битве за Москву». Воронеж, 2017. Таким образом, заинтересовавшийся читатель мог бы подробнее ознакомиться с историей данного соединения.

Из однозначно отрицательных моментов, касающихся данной монографии, можно выделить один – тираж. 100 экземпляров – это недостаточно. Настоящих исследований по периоду 1939-1941 гг. настолько мало, что подобный тираж, к сожалению, останется незамеченным, а это категорически неправильно.

В целом остается поздравить автора с отличной работой и выразить надежду на то, что исследовательская деятельность в данном направлении будет продолжена, развернута и найдет свое выражение в новых трудах.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

День архивов в Воронеже

Правление областного отделения Российского общества историков-архивистов ежегодно ко Дню архивов организует научно-практические конференции, на которые приглашает ведущих ученых воронежских вузов, студентов, представителей общественных организаций, сотрудников краеведческих музеев, библиотек, государственных и муниципальных архивов области. Стало традицией собираться на День архивов всем членам Общества. 15 марта 2019 г. в актовом зале Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина управлением делами Воронежской области совместно с Воронежским областным отделением Российского общества историков-архивистов в рамках празднования Дня архивов была проведена научно-практическая конференция «Государственному архиву Воронежской области – 100 лет».

В работе конференции приняли участие студенты Воронежского государственного университета, Воронежского государственного технического университета, преподаватели и курсанты Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, представители Союза Возрождения Родословных Традиций, сотрудники государственных и муниципальных архивов области. Участники конференции ознакомились с выставкой архивных изданий, специально подготовленной к этому дню отделом краеведения научной библиотеки.

Со вступительным словом к собравшимся обратилась Н.Г. Воротилина, председатель Правления Воронежского областного отделения РОИА, предложив почтить минутой молчания память безвременно ушедших активистов Общества: Дугиной Надежды Ивановны, Чемодановой Ольги Ивановны, Литвиновой Татьяны Николаевны.

Участники конференции с воодушевлением и благодарностью восприняли приветствие председателя Правления РОИА, члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Е.И. Пивовара. В приветствии дана высокая оценка деятельности регионального отделения РОИА, а также отмечено, что «создание Государственного архива Воронежской области в 1919 г. стало значимым событием культурной жизни для всех, кто на протяжении столетий осуществлял собирание, сохранение различных видов ценных документов и создавал условия для организации их использования». На конференции прозвучали доклады, подготовлен-

ные на основе архивных материалов: «Государственный архив Воронежской области: вехи истории» (Н.Г. Воротилина, начальник отдела информации, публикации и научного использования документов Госархива Воронежской области, председатель Правления Воронежского областного отделения РОИА); «Воронежский край в начале XVII в.: свидетельства архивных документов» (В.Н. Глазьев, д. и. н., профессор, декан исторического факультета Воронежского государственного университета); «Цейхгауз Петра Великого как первое архивохранилище в Воронеже» (Н.А. Комолов, к. и. н., ведущий специалист управления культуры администрации г. Воронежа); «История села Данково в документах и материалах Государственного архива Воронежской области» (Г.Н. Мокшин, д. и. н., профессор Воронежского государственного университета); «Архитектурные описания объектов культурного наследия в документах XIX в. из фондов ГАВО» (П.А. Попов, к. и. н., член Союза писателей России, доцент Воронежского государственного технического университета); «Изучение служебной биографии начальников воронежской жандармерии по документам Госархива Воронежской области» (А.В. Перегудов, к. и. н., доцент Воронежского государственного университета); «Документы Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в ГАВО» (В.В. Бахтин, к. и. н., учитель истории МБОУ «Гимназия имени Басова при Воронежском государственном университете»); «"Антоновщина" в документах Госархива Воронежской области» (В.Ю. Рылов, к. и. н., доцент Воронежского государственного университета); с презентацией «О введении в научный оборот архивных документов на примере фонда "Коллекция трофейных документов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг."», подготовленной С.И. Филоненко, д. и. н., ректором Воронежского государственного педагогического университета, выступила Т.Н. Чернобова, к. и. н., заведующая музеем истории ВГПУ; «Творческое хозяйство литератора: архив писателя-земляка Альберта Иванова» (О.Г. Ласунский, к. филол. н., член Союза российских писателей, Почетный председатель Воронежского историко-культурного общества). Об опыте организации обучения истории Отечества и патриотического воспитания курсантов Воронежского института ФСИН России на базе Государственного архива Воронежской области доложил М.В. Вольский, начальник отдела по работе с личным составом подполковник внутренней службы Воронежского института ФСИН России.

Все докладчики выступили на высоком научном уровне.

По окончании конференции Н.Г. Воротилина торжественно вручила памятные медали «Ветеран архивной службы» Наталье Ивановне Жуковой, главному бухгалтеру облгосархива, и Щепетневу Алексею Васильевичу, ведущему архивисту отдела ведомственных архивов Госархива Воронежской области, отметившим в 2019 г. 20-летие архивной службы.

Правление областного отделения РОИА благодарит директора цифровой типографии «Фортуна» Александра Васильевича Гончарова за подготовку баннера, красочное оформление приглашений на конференцию, памятных медалей. Активная деятельность А.В. Гончарова в интересах Российского общества историков-архивистов позволяет пропагандировать не только архивные документы, но и символику нашего Общества. Дни архивов в Воронеже стали узнаваемы и любимы.

Завершился праздник фотосессией.

Н.Г. Воротилина,
председатель Правления
областного отделения РОИА

Н.Г. Воротилина открывает конференцию

Участники конференции

Участники конференции

Выставка архивных изданий

П.А. Попов представляет архитектурные описания объектов культурного наследия в архивных документах XIX в.

*Н.Г. Воротилина вручает Н.И. Жуковой памятную медаль
«Ветеран архивной службы»*

*Н.Г. Воротилина вручает А.В. Щепетневу памятную медаль
«Ветеран архивной службы»*

Активисты областного отделения РОИА

Государственному архиву Воронежской области – 100 лет

6 апреля 2019 г. Государственному архиву Воронежской области исполнилось 100 лет. Торжественное мероприятие, посвященное знаменательной дате, было организовано Воронежским областным отделением Российского общества историков-архивистов и Государственным архивом Воронежской области и состоялось 17 мая в актовом зале административного здания по адресу: площадь Ленина, 12.

Открыла торжество председатель Правления областного отделения РОИА Н.Г. Воротилина, познакомив собравшихся с историей Государственного архива Воронежской области, напомнив о трагических и героических страницах его истории. Далее участникам торжественного заседания был продемонстрирован документальный фильм об архиве, специально подготовленный к знаменательной дате.

Поздравить архивистов с юбилеем пришли представители ведущих учреждений, организаций и предприятий Воронежа и Воронежской области, общественных организаций, с которыми облгосархив десятилетиями плодотворно сотрудничает: С.В. Корнев, проректор по научной работе Воронежского государственного педагогического университета, В.Н. Глазьев, декан исторического факультета Воронежского государственного университета, М.В. Вольский, начальник отдела по работе с личным составом подполковник внутренней службы Воронежского института ФСИН России, А.П. Князев, начальник службы управления персоналом ЮВЖД, А.В. Фокичев, начальник отдела документационного обеспечения Нововоронежской атомной станции, И.В. Савина, начальник отдела документооборота и архивного обеспечения Воронежского государственного технического университета, Н.В. Стародубцева, заведующая архивом Воронежского государственного аграрного университета, Н.В. Крайкина, консультант отдела организационно-правового обеспечения деятельности судов управления Судебного департамента, В.И. Расторгуев, председатель Президиума Совета краеведов Воронежской области, Г.П. Шевченко, руководитель аппарата администрации Новохоперского муниципального района Воронежской области; коллег: М.В. Артемова, руководитель Государственного архива Воронежской области документов по личному составу, и Л.М. Змеева, заместитель руководителя ГАВОДЛС, М.В. Крапина, руководитель Государствен-

ного архива общественно-политической истории Воронежской области, и А.В. Разинков, заместитель руководителя ГАОПИВО. Прозвучало много теплых слов в адрес коллектива Госархива Воронежской области, поздравления и подарки принимала исполняющая обязанности руководителя Государственного архива Воронежской области И.Г. Шайкина.

Состоялось награждение архивистов в связи с юбилеем. С.И. Тимошенкова, заместитель начальника отдела по делам архивов, вручила нагрудные знаки, почетные грамоты и благодарности Росархива, правительства, губернатора и управления делами Воронежской области.

Н.Г. Воротилина,
начальник отдела информации,
публикации и научного
использования документов
Государственного архива
Воронежской области

Н.Г. Воротилина, председатель Правления Воронежского областного отделения РОИА знакомит участников торжественного заседания с историей Государственного архива Воронежской области

Участники торжественного заседания

*И.Г. Шайкина, исполняющая обязанности руководителя Государственного архива Воронежской области, принимает поздравления с юбилеем от:
С.В. Корнева, проректора по научной работе Воронежского государственного педагогического университета*

*В.Н. Глазьева, декана исторического факультета
Воронежского государственного университета*

*М.В. Вольского, начальника отдела по работе с личным составом
подполковника внутренней службы
Воронежского института ФСИН России*

А.П. Князева, начальника службы управления персоналом ЮВЖД

*А.В. Фокичева, начальника отдела документационного обеспечения
Нововоронежской атомной станции*

*Н.В. Крайкиной, консультанта отдела организационно-правового
обеспечения деятельности судов управления Судебного департамента*

*В.И. Расторгуева, председателя
Президиума Совета краеведов Воронежской области*

*Г.П. Шевченко, руководителя аппарата администрации
Новохоперского муниципального района Воронежской области*

*М.В. Артемовой, руководителя Государственного архива
Воронежской области документов по личному составу,
и Л.М. Змеевой, заместителя руководителя ГАВОДЛС*

*М.В. Краниной, руководителя Государственного архива
общественно-политической истории Воронежской области,
и А.В. Разинкова, заместителя руководителя ГАОПИВО*

*С.И. Тимошенкова вручает нагрудные знаки Росархива
«Почетный архивист»: Н.И. Новиковой, начальнику
отдела обеспечения сохранности документов облгосархива*

*Р.А. Рязанцевой, ведущему архивисту
отдела обеспечения сохранности документов облгосархива*

Путешествие в Репьевский район

Солнечным июньским днем члены Воронежского областного отделения Российского общества историков-архивистов посетили с экскурсией Репьевский район Воронежской области. Репьевка порадовала и удивила: древние места, красивая природа, природные памятники, ухоженные цветники, приветливые люди.

Первыми встретили нас дети, воспитанники секции японской борьбы кендо, с тренером Софьей Мукашевой, которая является руководителем межпоселенческой библиотеки с. Репьевка. На свежем воздухе перед зданием библиотеки ребята показали нам свое выступление.

В стенах библиотеки, куда нас пригласили сотрудники, мы увидели и услышали много интересного. Нам рассказали об истории и традициях Репьевского района, предложили оригинальные сувениры. Особенно приглянулись венки, сплетенные по уникальной технологии из кленовых листьев к предстоящему празднику Троицы, в которые работники архива (и не только женщины) примеряли с удовольствием.

Уникальная атмосфера царила и в стенах краеведческого музея. Заведующая музеем Марина Александровна Щетинина встретила нас как родных, создала приятную атмосферу, рассказала интересные подробности об истории, культуре, фауне и флоре родного края. Мы познакомились с экспозицией, расположенной в 6 залах: зал местной природы (имеется 6 выставочных витрин с 56 чучелами различных животных и птиц); зал этнографии, где собраны предметы быта, домашнего обихода, утвари, представлены народные костюмы и т.д.; зал военной славы, где представлен макет землянки, солдатские письма, снаряды. Имеется также в музее зал современности, экспонаты которого вызвали особый интерес. Очень понравилась презентация о памятниках архитектуры Репьевского района, которую для нас подготовила научный сотрудник музея Наталья Петровна Рупышева.

Посетили мы святое для всех нас место захоронения павших воинов, а также Аллею Славы. О героях-репьевцах нам рассказали сотрудники краеведческого музея.

Далее наш путь лежал к удивительному месту – роднику, выходящему на поверхность у подножия мелового склона близ хутора Сердюки. Об этом чуде природы нам подробно рассказал историк и краевед Александр Витальевич Костыря, сопровождавший нас вместе с работниками музея к Сердюковскому ключу. Мы посетили здесь еще одно па-

мятное место. На вершине меловой горы в год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне был установлен памятный знак, напоминающий о месте, где в начале июля 1942 г. шел ожесточенный бой и где бойцы 232-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона сорвали планы немцев блокировать железную дорогу Лиски–Отрожка.

Мы познакомились с Майданом – интереснейшим памятником природы, где обнаружены древнейшие реликтовые растения: горицвет весенний, эфедра, лен украинский и др.

Спасибо, Репьевка! Спасибо всем, кто помог нам обрести очередное знание о нашей богатой истории и русскими традициями родной земле.

*Т.Н. Солодовникова,
главный архивист
Государственного архива
Воронежской области*

Выступление воспитанников секции японской борьбы кендо

*Н.П. Рупышева, научный сотрудник краеведческого музея,
проводит экскурсию по Аллее Славы*

*Участники экскурсии у памятного знака,
установленного на месте ожесточенных боев в начале июля 1942 г., где
бойцы 232-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона сорвали
планы фашистов блокировать железную дорогу Лиски–Отрожка*

Дорога на Майдан

А.В. Костыря, историк и краевед, знакомит архивистов с памятником природы – Майданом

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем с 20-летием архивной службы:

Наталью Ивановну Жукову, главного бухгалтера Государственного архива Воронежской области. 22 марта 1999 г. начала архивную службу архивистом 7-го разряда ЕТС отдела обеспечения сохранности документов и фондов облгосархива, в 2000 г. переведена на должность бухгалтера 11-го разряда ЕТС. С 2001 г. – специалист 1-й категории-бухгалтер, с 2005 г. – ведущий специалист-бухгалтер, с 2006 г. – главный специалист-бухгалтер, с 2008 г. – главный бухгалтер. За многолетний и добросовестный труд Н.И. Жукова награждена Почетной грамотой администрации Воронежской области (2008), отмечена благодарностями департамента культуры и архивного дела Воронежской области (2014), Федерального архивного агентства (2018).

Алексея Васильевича Щепетнева, ведущего архивиста Государственного архива Воронежской области. 27 мая 1999 г. начал архивную службу архивистом II категории отдела комплектования, организации государственного хранения и учета документов Центра документации новейшей истории Воронежской области, с 1 марта 2002 г. – ведущий специалист того же отдела. С 26 января 2004 г. трудится в Государственном архиве Воронежской области. За высокие достижения в труде А.В. Щепетнев был награжден Почетной грамотой архивного отдела Воронежской области, отмечен Благодарностью Федерального архивного агентства.

**Поздравления и самые наилучшие пожелания
юбилярам 2019 года:**

***Вере Владимировне
Мистюковой
(12.02.54)***

***Елене Михайловне
Железняк
(06.04.59)***

***Валентине Митрофановне
Евдокимовой
(23.05.49)***

***Римме Анатольевне
Рязанцевой
(24.05.39)***

***Нине Викторовне
Четкиной
(03.06.54)***

***Галине Дмитриевне
Ивановой
(18.06.59)***

***Галине Михайловне
Казминой
(26.08.59)***

***Светлане Николаевне
Спаннут
(19.10.64)***

***Александре Михайловне
Мартемьяновой
(24.10.59)***

***Валентине Михайловне
Комаровой
(14.11.54)***

Чтобы помнили
Татьяна Николаевна Литвинова
(25.03.63 – 05.03.2019)

05.03.2019 после тяжелой болезни скончалась Татьяна Николаевна Литвинова. Выпускница исторического факультета Воронежского государственного университета Татьяна Николаевна работала в Государственном архиве Воронежской области с 7 сентября 1987 г., посвятив архивному делу более тридцати лет. Т.Н. Литвинова отвечала за справочно-информационный фонд, работала с книжными памятниками библиотеки госархива, обеспечивала

подготовку методических рекомендаций для различных структурных подразделений архива, организовывала занятия по повышению квалификации сотрудников. Активно занималась научной работой, публиковала материалы по истории воронежского края, основанные на документах Государственного архива Воронежской области в сборниках «Из истории Воронежского края» (ответ. редактор А.Н. Акиншин), «Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века» (ответ. редактор М.Д. Карпачев), в научно-информационном ежегоднике «Воронежский вестник архивиста». С 2000 г. (совместно с А.Н. Акиншиным) публиковала историко-генеалогические очерки, посвященные истории знаменитых воронежских дворянских родов (Девьеров, Кейкуатовых. Волконских, Корфов и др.) как в местных изданиях (газета «Воронежский курьер»), так и в специальных генеалогических сборниках («Генеалогический вестник», СПб.).

В 2005 г. защитила диссертацию «Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.» (научный руководитель к. и. н. профессор ВГУ А.Н. Акиншин), получила звание кандидата исторических наук. В 2009 г. входила в состав редакционной коллегии издания «Золотое сияние над Воронежской землей» (ответ. редактор А.Н. Юрасов) – биографического справочника о Героях земли воронежской. В 2006-2008 гг. входила в состав рабочей группы по подготовке раздела «История» для «Воронежской

энциклопедии» (Воронеж, 2008), подготовила более 300 статей по истории районов области, известных дворянских родов, о Героях Социалистического Труда.

Входила в состав редакционной коллегии по подготовке справочника-путеводителя «Государственный архив Воронежской области», подготовила более четырехсот характеристик на архивные фонды учреждений народного образования, науки, культуры, физкультуры и спорта, справки об административно-территориальном делении Воронежской области, составе и содержании научно-справочной библиотеки облгосархива. В 2010 г. подготовила к изданию монографию «Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.», изданную Государственным архивом Воронежской области (Воронеж, 2010).

За высокие достижения в труде Т.Н. Литвинова награждена Почетными грамотами: администрации г. Воронежа (2004), архивного отдела Воронежской области (2007, 2008), правительства Воронежской области (2009, 2018), Федеральной архивной службы (2013).

Татьяна Николаевна принимала активное участие в мероприятиях, проводимых областным отделением Российского общества историков-архивистов, награждена медалью «Ветеран архивной службы».

Коллектив Государственного архива Воронежской области выражает искренние соболезнования родным и близким Литвиновой Татьяны Николаевны. Светлая память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

ВОРОНЕЖСКИЙ ВЕСТНИК АРХИВИСТА

Научно-информационный ежегодник

Выпуск 17

Компьютерная верстка А.В. Горбань
Корректор Н.Е. Тарлыкова

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Объем 15,22 п.л. Тираж 250 экз.
Заказ № 5

Цифровая типография «Фортуна»

394006 г. Воронеж, ул. Ворошилова, 2, оф. 200,
тел. (473) 251-22-70

2019